

НОВАЯ НАУКА

Международный центр
научного партнерства

NEW SCIENCE

International Center
for Scientific Partnership

ВСЕРОССИЙСКИЙ ФОРУМ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ 2026

Сборник статей Всероссийской
научно-практической конференции,
состоявшейся 1 июня 2026 г.
в г. Петрозаводске

г. Петрозаводск
Российская Федерация
МЦНП «НОВАЯ НАУКА»
2026

УДК 001.12
ББК 70
В85

Ответственные редакторы:
Ивановская И.И., Кузьмина Л.А.

В85 Всероссийский форум молодых исследователей 2026 : сборник статей
Всероссийской научно-практической конференции (1 июня 2026 г.).
— Петрозаводск : МЦНП «НОВАЯ НАУКА», 2026. — 333 с. : ил., табл.

ISBN 978-5-00276-111-1

Настоящий сборник составлен по материалам Всероссийской научно-практической конференции ВСЕРОССИЙСКИЙ ФОРУМ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ 2026, состоявшейся 1 июня 2026 года в г. Петрозаводске (Россия). В сборнике рассматривается круг актуальных вопросов, стоящих перед современными исследователями. Целями проведения конференции являлись обсуждение практических вопросов современной науки, результатов исследований, полученных специалистами в охватываемых областях, развитие методов и средств получения научных данных, обмен опытом. Сборник может быть полезен научным работникам, преподавателям, слушателям вузов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Авторы публикуемых статей несут ответственность за содержание своих работ, точность цитат, легитимность использования иллюстраций, приведенных цифр, фактов, названий, персональных данных и иной информации, а также за соблюдение законодательства Российской Федерации и сам факт публикации.

Полные тексты статей в открытом доступе размещены в Научной электронной библиотеке Elibrary.ru в соответствии с Договором № 467-03/2018К от 19.03.2018 г.

УДК 001.12
ББК 70

ISBN 978-5-00276-111-1

© Коллектив авторов, текст, иллюстрации, 2026
© МЦНП «НОВАЯ НАУКА» (ИП Ивановская И.И.), оформление, 2026

Состав редакционной коллегии и организационного комитета:

Аймурзина Б.Т., доктор экономических наук
Ахмедова Н.Р., доктор искусствоведения
Битокова С.Х., доктор филологических наук
Блинкова Л.П., доктор биологических наук
Гапоненко И.О., доктор филологических наук
Героева Л.М., доктор педагогических наук
Добжанская О.Э., доктор искусствоведения
Доровских Г.Н., доктор медицинских наук
Дорохова Н.И., кандидат филологических наук
Ергалиева Р.А., доктор искусствоведения
Ершова Л.В., доктор педагогических наук
Зайцева С.А., доктор педагогических наук
Зверева Т.В., доктор филологических наук
Казакова А.Ю., доктор социологических наук
Кобозева И.С., доктор педагогических наук
Кулеш А.И., доктор филологических наук
Мантатова Н.В., доктор ветеринарных наук
Мокшин Г.Н., доктор исторических наук
Муратова Е.Ю., доктор филологических наук
Никонов М.В., доктор сельскохозяйственных наук
Панков Д.А., доктор экономических наук
Петров О.Ю., доктор сельскохозяйственных наук
Поснова М.В., кандидат философских наук
Рыбаков Н.С., доктор философских наук
Сансызбаева Г.А., кандидат экономических наук
Симонова С.А., доктор философских наук
Ханиева И.М., доктор сельскохозяйственных наук
Хугаева Р.Г., кандидат юридических наук
Червинец Ю.В., доктор медицинских наук
Чистякова О.В., доктор экономических наук
Чумичева Р.М., доктор педагогических наук

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	9
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ К ПРАКТИКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ.....	10
<i>Вишняк Диана Анатольевна, Шевченко Ольга Владимировна, Ашакаева Мария Султанмуратовна, Аджиева Мадина Камилевна</i>	
СОЦИАЛЬНО-ИНТЕГРАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	19
<i>Сян Фаньи</i>	
ПАРАДОКС ЦИФРОВОГО КОНТРОЛЯ: ПОЧЕМУ ЭКСПАНСИЯ ФИТНЕС-ТРЕКЕРОВ СОПРОВОЖДАЕТСЯ СНИЖЕНИЕМ РЕАЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ	24
<i>Яралиева Сабина Гасан Кызы, Калитова Марина Александровна</i>	
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ КЛУБНАЯ РАБОТА В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СИСТЕМЫ ВОЕННО- ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ПОДРОСТКОВ.....	30
<i>Дорохина Татьяна Ивановна, Аксёнова Надежда Сергеевна, Хинчуева Анна Вячеславовна, Хинчуев Тимур Курбанович</i>	
ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	35
<i>Вдовичева Екатерина Алексеевна</i>	
МЕТОДИКА ПОЭТАПНОГО РАЗВИТИЯ КОМПОЗИЦИОННОГО МЫШЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ: ОТ ПОИСКОВЫХ ЭСКИЗОВ К ДЛИТЕЛЬНО-ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТЕ	41
<i>Барамзина Дарья Андреевна</i>	
ПРОФИЛАКТИКА СЕНСОРНЫХ ПЕРЕГРУЗОК У ПЕРВОКЛАССНИКА С РАС: ЭМПИРИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ И МОДЕЛЬ «СЕНСОРНОГО МАРШРУТА» В ШКОЛЕ.....	46
<i>Авдюхова Вероника Дмитриевна</i>	
РАЗВИТИЕ РЕЧИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	52
<i>Бариева Татьяна Юрьевна</i>	
РЕКОМЕНДАЦИИ ПО РАЗРАБОТКЕ И ВЕДЕНИЮ КЛУБА АЗИАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БИБЛИОТЕКЕ.....	57
<i>Рудина Елизавета Андреевна</i>	
РЕАЛИЗАЦИЯ ЦИКЛА ВЫСТАВОК «ЛИТЕРАТУРНОЕ СТРАНСТВО» В БИБЛИОТЕКЕ.....	62
<i>Тонкоева Алина Валерьевна</i>	

ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ МЕТОДА ПРОЕКТОВ В РАМКАХ ИЗУЧЕНИЯ МОДУЛЯ «ЭКОНОМИКА» КУРСА «ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ» В 10-11-Х КЛАССАХ	67
<i>Лубочкина Анастасия Андреевна</i>	
ФОРМИРОВАНИЕ ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ У ДЕТЕЙ: РОЛЬ ПЕДАГОГА И МЕТОДЫ ВОСПИТАНИЯ	74
<i>Власенко Алина Сергеевна</i>	
МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА	86
<i>Колотилина Вероника Эдуардовна</i>	
ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА: ОТ ДЕТСТВА К АКТИВНОМУ ДОЛГОЛЕТИЮ	90
<i>Мандрик Ольга Викторовна</i>	
СЕКЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	94
ОСНОВНЫЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ В УСЛОВИЯХ ВЫСОКОЙ КЛЮЧЕВОЙ СТАВКИ	95
<i>Быканова Ксения Дмитриевна, Ульянич Елизавета Владимировна, Хляпова Альбина Владимировна, Фуч Елизавета Сергеевна</i>	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: СТРАТЕГИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА	101
<i>Комаров Артём Евгеньевич, Рамазанов Абдулла Зайпуллаевич</i>	
ОТ ЭФФЕКТИВНОСТИ К УСТОЙЧИВОСТИ: СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ КОМПАНИЙ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19.....	108
<i>Алкасем Мохамад Нур, Оффордил Ученна Чинеду, Тшамолонье Ком Габен Бодрель</i>	
ИННОВАЦИИ В ГОРОДСКОЙ ЛОГИСТИКЕ	116
<i>Ганиева Ляйсан Флоридовна, Лоренц Варвара Александровна</i>	
ЦИФРОВАЯ ЭКОСИСТЕМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ МОСКВЫ: СТРАТЕГИЯ «УМНЫЙ ГОРОД – 2030» И ИНТЕГРАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЫ	122
<i>Гусейнов Марат Тимурович</i>	
СЕКЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	128
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	129
<i>Морозова Татьяна Федоровна, Бутузова Марина Владимировна</i>	
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	134
<i>Морозова Татьяна Федоровна, Кончаковская Софья Владимировна</i>	

БИЛЛИНГ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	141
<i>Абдракипова Диана Ильнуровна, Ахметзянова Зарина Наилевна</i>	
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КУПЛИ-ПРОДАЖИ НЕДВИЖИМОСТИ: ОТ ОСПАРИВАНИЯ СДЕЛОК ДО РИСКОВ УТРАТЫ СОБСТВЕННОСТИ.....	149
<i>Мкртчян Асмик Артаковна, Кислова Вероника Витальевна</i>	
СУБЪЕКТ И СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА. ПРОБЛЕМА УМЫСЛА И НЕОСТОРОЖНОСТИ ПРИ ЛЕКАРСТВЕННОМ «ОПЬЯНЕНИИ».....	155
<i>Котова Ольга Игоревна</i>	
СЕКЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	164
РОЛЬ И МЕСТО СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ.....	165
<i>Забегаяева Анна Анатольевна, Пономарёва Софья Дмитриевна, Шишкина Ангелина Алексеевна</i>	
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ	172
<i>Кумыков Эльдар Хабасович</i>	
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ЗАНЯТОСТИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ.....	176
<i>Хакимова Элина Наильевна</i>	
ПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В ПРИНЯТИИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЦИФРОВОЙ ПОЛИТИКИ	183
<i>Самигуллина Дина Ильфатовна</i>	
СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА КАК ФАКТОР УЛУЧШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ	188
<i>Кумыков Эльдар Хабасович</i>	
СЕКЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	193
КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ САМОРЕГУЛЯЦИИ И НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКОГО НАПРЯЖЕНИЯ ПОДРОСТКОВ 16-18 ЛЕТ: РЕЗУЛЬТАТЫ ДИАГНОСТИКИ И РЕКОМЕНДАЦИИ	194
<i>Коваленко Маргарита Павловна, Забродина Ольга Владимировна</i>	
СВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ И СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У СТУДЕНТОВ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	204
<i>Аксенова Екатерина Вадимовна</i>	

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Р.К. ЩЕДРИНА В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ВООБРАЖЕНИЯ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА НА УРОКАХ МУЗЫКИ.....	210
<i>Степанова Айталига Георгиевна</i>	
СЕКЦИЯ МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ.....	222
КЛИНИКО-ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕГОЧНОЙ ГИПЕРТЕНЗИИ У ПАЦИЕНТОВ С ПАТОЛОГИЕЙ ЛЕВЫХ ОТДЕЛОВ СЕРДЦА И ХОБЛ	223
<i>Кенджаева Мехринигорахон Рабеъджоновна, Аскарлова Насиба Алишеровна, Умирзакова Тахмина Тауржоновна, Шомурзоева Маихура Абдувохидовна</i>	
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ МЕТОДОВ КУПИРОВАНИЯ ГИПЕРТОНИЧЕСКОГО КРИЗА НА ДОГОСПИТАЛЬНОМ ЭТАПЕ.....	229
<i>Копыцина Элина Станиславовна</i>	
СРАВНИТЕЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ОЦЕНКИ КАНЦЕРОГЕННОГО РИСКА ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ ОТ ЗАГРЯЗНИТЕЛЕЙ ПИТЬЕВОЙ ВОДЫ.....	245
<i>Стогниев Иван Михайлович</i>	
ПАТОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КЛЕТОЧНОГО СТАРЕНИЯ.....	253
<i>Арутюнян Эмилия Александровна, Бегинян Грант Гарикович</i>	
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ РОССИЙСКИХ И ИМПОРТНЫХ ВАКЦИН ПРОТИВ КОКЛЮША, ДИФТЕРИИ, СТОЛБНЯКА, ПАРОТИТА И КРАСНУХИ	259
<i>Дечева Ариана Нальбиевна, Нагарокова Залина Азаматовна, Бачаев Абдулла Хасанович, Мачигов Дени Магомедович</i>	
СЕКЦИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ.....	266
СИНЕРГИЯ РИЗОСФЕРНОГО МИКРОБИОМА И ПОЧВЕННЫХ КОНДИЦИОНЕРОВ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ ГАЗОННЫХ АГРОФИТОЦЕНОЗОВ В УСЛОВИЯХ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ.....	267
<i>Гордеева Софья Алексеевна</i>	
СЕКЦИЯ ИНФОРМАТИКА.....	273
МОДЕЛЬ РОЛЕВОЙ КОНТЕКСТНОЙ ИЗОЛЯЦИИ ДАННЫХ В ДИАЛОГОВОЙ СИСТЕМЕ С НЕЙРОСЕТЕВЫМ АГЕНТОМ.....	274
<i>Булатович Александр Владимирович</i>	
СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	282
ФАКТОРЫ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ ВЗАИМОПОНИМАНИЮ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА: ВОЗРАСТНОЙ АСПЕКТ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ БАРЬЕРОВ.....	283
<i>Плотников Матвей Валерьевич, Хамина Анна Александровна, Костюкова Екатерина Дмитриевна</i>	

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВРАЧА С ЛЮДЬМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ.....	291
<i>Батомункуева Аяна Николаевна, Берсенева Эвелина Алексеевна, Дашеева Валерия Будажаповна, Дзюба Доминика Алексеевна</i>	
СЕКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	298
ОТ VOLKSPARTEI К ПАРТИИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ: МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ БЛОКА ХДС/ХСС В 1949–2021 ГГ.....	299
<i>Чельцов Борис Викторович</i>	
СЕКЦИЯ ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	308
ЯЗЫК И СОЗНАНИЕ: КАК РЕЧЬ ОТРАЖАЕТ МЫШЛЕНИЕ	309
<i>Измайлова Лия Александровна</i>	
СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ.....	315
ДИЗАЙН-КОНЦЕПЦИЯ АЙДЕНТИКИ КАФЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ СТИЛЕ	316
<i>Толстых Анастасия Вадимовна</i>	
СЕКЦИЯ АРХИТЕКТУРА.....	324
ТЕМАТИЗАЦИЯ ГОСТИНИЧНЫХ ПРОСТРАНСТВ XXI ВЕКА.....	325
<i>Платонов Дмитрий Павлович</i>	

**СЕКЦИЯ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

**ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ:
ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ К ПРАКТИКЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ**

Вишняк Диана Анатольевна

кандидат медицинских наук, доцент
доцент кафедры внутренних болезней

Шевченко Ольга Владимировна

кандидат медицинских наук
старший преподаватель кафедры внутренних болезней

Ашакаева Мария Султанмуратовна

ассистент кафедры внутренних болезней

Аджиева Мадина Камилевна

студент 6 курса медицинского института

БУ ВО ХМАО-Югры «Сургутский

государственный университет»

Аннотация: в статье представлен комплексный анализ современных тенденций развития педагогики и психологии высшей школы в условиях глобализации, цифровизации и трансформации рынка труда. На основе синтеза теоретических подходов (личностно-деятельностный, компетентностный, рефлексивно-акмеологический и эмпирических данных (опросы преподавателей медицинских и классических вузов) обосновывается необходимость интеграции психологической и образовательной практик в рамках студентоцентрированной модели обучения. Рассматриваются ключевые вызовы современной высшей школы (снижение учебной мотивации, дисбаланс теории и практики, профессиональное выгорание ППС) и анализируется роль целевых программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки в обеспечении педагогических инноваций. На материалах опыта Кировского ГМУ и Воронежского ГУ демонстрируются эффективные механизмы формирования профессиональных компетенций преподавателей, необходимых для внедрения инновационных образовательных технологий. Делается вывод о необходимости аксиологической рефлексии понятия «современность» и поиска баланса

между инновационными и традиционалистскими стратегиями развития российского высшего образования.

Ключевые слова: педагогика высшей школы, психология образования, студентоцентрированное обучение, профессиональное развитие преподавателей, компетентностный подход, рефлексивно-акмеологическая стратегия, программы повышения квалификации.

**PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT
FOR THE TRANSFORMATION OF HIGHER EDUCATION:
FROM THEORETICAL PARADIGMS TO THE PRACTICE OF
PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF TEACHERS**

**Vishnyak Diana Anatolyevna
Shevchenko Olga Vladimirovna
Ashakaeva Maria Sultanmuratovna
Adzhieva Madina Kamilyevna**

Abstract: the article presents a comprehensive analysis of current trends in the development of pedagogy and psychology in higher education in the context of globalization, digitalization, and transformation of the labor market. Based on a synthesis of theoretical approaches (person-activity-competence, reflexive-acmeological) and empirical data (surveys of medical and classical university professors), the article substantiates the need for integration of psychological and educational practices within the student-centered learning model. The article discusses the key challenges of modern higher education (decreased academic motivation, imbalance between theory and practice, and professional burnout among teaching staff) and analyzes the role of targeted professional development and retraining programs in promoting pedagogical innovations. Based on the experience of Kirov State Medical University and Voronezh State University, the article demonstrates effective mechanisms for developing the professional competencies of teachers necessary for implementing innovative educational technologies. The author concludes that it is necessary to reflect on the concept of “modernity” from an axiological perspective and to find a balance between innovative and traditionalist strategies for the development of Russian higher education.

Key words: higher education pedagogy, educational psychology, student-centered learning, professional development of teachers, competence-based approach, reflexive-acmeological strategy, advanced training programs.

Введение

Современный этап развития высшего образования характеризуется беспрецедентной динамикой изменений, обусловленных ускорением научно-технического прогресса, глобализацией образовательного пространства и трансформацией социально-экономических приоритетов [1, с.5].

Данные процессы актуализируют междисциплинарный анализ педагогических и психологических аспектов высшей школы, поскольку эффективность образовательной системы напрямую зависит от качества профессиональной подготовки преподавателей, мотивационной готовности студентов и адекватности применяемых методологических подходов [1, с.5-6]

Актуальность исследования определяется необходимостью системного осмысления современных тенденций развития педагогики и психологии высшей школы в контексте противоречия между быстро меняющимися внешними условиями и инерционностью образовательных практик

Цель статьи: на основе синтеза теоретических концепций и эмпирических данных выявить ключевые векторы развития психолого-педагогического обеспечения высшего образования и обосновать практико-ориентированные механизмы их реализации.

1. Теоретико-методологические основания: педагогика и психология высшей школы как интегративная область знания.

Анализ современных тенденций развития педагогики и психологии высшей школы требует четкого разграничения онтологических статусов данных дисциплин. С одной стороны, педагогика и психология представляют собой смежные гуманитарные науки, имеющие общий объект исследования (человека), но различные предметы: психология изучает психические процессы и особенности личности, тогда как педагогика фокусируется на системе отношений, возникающих в процессе воспитания и обучения [3, с.5]. С другой стороны, обе дисциплины функционируют как практики формирования и развития человека: психологические практики направлены на управление психическими функциями, образовательные – на трансляцию культурных норм и формирование опыта деятельности.

Сближение данных практик позволило сформулировать принципы

личностно-деятельностного подхода, в рамках которого обучение рассматривается как процесс активного конструирования знания субъектом в социально-значимой деятельности [1, с.6-8][3, с. 6].

Данный подход стал методологической основой для перехода знаниевой парадигмы к компетентностной модели образования, ориентированной на формирование у обучающихся способности применять знания в реальных профессиональных ситуациях [2, с. 51-53].

Важным теоретическим ориентиром выступает рефлексивно-акмеологическая стратегия, понимаемая как культивирование конструктивных рефлексивных процессов в деятельности субъектов образования, способных к непрерывному самосовершенствованию и достижению профессиональных «вершин» [4, с. 35].

Рефлексия в данном контексте рассматривается не только как важнейшая составляющая личностного и профессионального развития, но и как средство осмысления собственной деятельности, открывающее путь к педагогическому мастерству.

2. Факторы трансформации высшего образования и связанные с ними вызовы.

Формирование нового облика высшей школы происходит по воздействию комплекса взаимосвязанных факторов (Табл.1)

Таблица 1

**Факторы трансформации высшего образования
и связанные с ними вызовы**

Фактор	Содержание влияния	Связанные вызовы
Глобализация	Формирование глобального рынка образовательных услуг, усиление международной конкуренции	Необходимость обеспечения конкурентоспособности выпускников, адаптация к международным требованиям
Цифровизация	Внедрение ИКТ, развитие дистанционных форматов, доступ к глобальным информационным ресурсам	Цифровая перегрузка, риск клипового мышления, снижение глубины когнитивной обработки
Изменение рынка труда	Рост требований к гибким навыкам (soft skills), необходимость lifelong learning	Разрыв между содержанием программ и актуальными профессиональными компетенциями

Продолжение таблицы 1

Социокультурные трансформации	Изменение ценностных ориентаций молодежи, рост индивидуализма	Снижение учебной мотивации, размывание профессиональных идентичностей
-------------------------------	---	---

Данные факторы порождают комплекс проблем, характерных для современной высшей школы:

- Мотивационно-личностные: снижение учебной мотивации, особенно на младших курсах; неопределенность профессиональных ориентиров; эмоциональное выгорание студентов и преподавателей [1, с. 7].

- Дидактические: дисбаланс теоретической подготовки и формирования практических компетенций; недостаточное внимание к развитию навыков самостоятельной работы и критического мышления [1, с. 8], [2, с.54].

- Организационные: неравенство материально-технических ресурсов; формализм в кадровой политике; высокая нагрузка на профессорско-преподавательский состав.

Решение данных проблем требует не точечных корректировок, а системной модернизации образовательных практик, основанной на доказательных психолого-педагогических подходах [1, с. 8].

3. Студентоцентрированное обучение и рефлексивно-акмеологическая стратегия: концептуальный синтез.

В качестве адекватного ответа на обозначенные вызовы в современной дидактике выделяется студентоцентрированное обучение (СЦО) – образовательная парадигма, предполагающая признание студента активным субъектом учебного процесса, учет его индивидуальных потребностей и формирование навыков самостоятельной познавательной деятельности [2, с. 51], [5, с. 14-15], [6, с. 6-7].

Концептуальные основания СЦО опираются на:

- конструктивистскую теорию обучения (знание конструируется обучающимися в процессе активной деятельности);

- принципы гуманистической психологии (уважение к личности обучающегося, условия для самореализации);

- компетентностный подход (формирование способности применять знания в реальных ситуациях).

Эмпирическое подтверждение востребованности СЦО получено в ходе

анкетирования преподавателей Кировского ГМУ Минздрава России (n=64) [2, с. 52]. Результаты показали:

- 75% респондентов ассоциируют СЦО с активным участием студентов в учебном процессе;

- 60,7% респондентов имеют практический опыт применения методов СЦО, однако 21,9% знакомы с ним лишь теоретически;

- основными барьерами внедрения названы сложность организации учебного процесса, недостаток методических знаний и сопротивление студентов;

- 87,5% преподавателей считают, что СЦО способно повысить качество образования; 84,4% преподавателей выразили готовность пройти дополнительное обучение.

Данные свидетельствуют о наличии выраженного профессионального запроса на системную подготовку преподавателей. При этом, опыт Воронежского государственного университета демонстрирует, что эффективность такой подготовки обеспечивается интеграцией СЦО с рефлексивно-акмеологической стратегией, ориентированной на развитие профессиональной рефлексии как механизма педагогического мастерства [4, с. 36-37] [5, с. 56].

4. Программы профессионального развития преподавателей: механизмы обеспечения педагогических инноваций.

Эффективное внедрение инновационных образовательных технологий невозможно без целенаправленного профессионального развития преподавательского состава [2, с. 51-55], [3, с. 5-8].

Анализ опыта реализации программ в ведущих вузах России позволяет выделить общие принципы и специфические особенности (Табл.2).

Таблица 2

Сравнительная характеристика программ профессионального развития преподавателей

Параметр	Кировский ГМУ (ДПП ПК)	Воронежский ГУ (ППП)
Целевая аудитория	Преподаватели клинических кафедр	Преподаватели без базового педагогического образования
Объем	16 академических часов	Расширенная программа переподготовки
Форма обучения	Заочная с дистанционными технологиями	Заочная с использованием электронной среды

Продолжение таблицы 2

Ключевой фокус	Студентоцентрированные технологии	Рефлексивно-акмеологическая стратегия, проектная деятельность
Итоговая аттестация	Зачет	Публичная защита проекта

Общие принципы эффективной реализации программ:

1. Интеграция теории и практики: сочетание теоретического обоснования инновационных подходов с отработкой конкретных методических инструментов.

2. Индивидуализация: учет базового уровня подготовки слушателей, их профессионального профиля и образовательных потребностей.

3. Рефлексивный компонент: включение механизмов самоанализа и осмысления собственной педагогической практики.

4. Проектная ориентация: формирование у слушателей навыков разработки и реализации образовательных инноваций.

5. Сетевое взаимодействие: консолидация ресурсов вызов на уровне региона и страны для обмена опытом и разработки совместных инициатив [4, с. 35].

6. Аксиологический контекст: проблема «современности» и поиск баланса образовательных стратегий.

Анализ современных тенденций был бы неполным без рассмотрения аксиологического измерения понятия «современность». В научной литературе выделяются два основных подхода к его интерпретации [7, с. 39-46]:

1. Ценностно-нормативный подход трактует современность как прогрессивное движение от худшего к лучшему, где «современное» образование противопоставляется «традиционному», а инновации рассматриваются как безусловная ценность.

2. Историко-ситуационный подход (К. Ясперс и др.) понимает современность как конкретную духовную ситуацию времени, характеризующуюся определенными экзистенциальными вызовами и возможностями, без имплицитной аксиологической оценки.

В российском образовательном контексте данная проблематика проявляется в сосуществовании двух педагогических стратегий:

- Вестернизаторская стратегия: акцент на личностно-центрированном

подходе, интеграции в мировое образовательное пространство, внедрении международных стандартов.

- Национально-традиционная стратегия: приоритет патриотического воспитания, укрепления национальной идентичности, опоры на отечественные педагогические традиции [7, с. 39-46].

Обе стратегии обладают позитивным потенциалом, однако их поляризация создает риски фрагментации образовательного пространства. Необходим переход от механического копирования внешних моделей к выявлению и реализации социокультурных изменений, происходящих внутри российской цивилизации, и определению «базовых образовательных ценностей, вокруг которых могли бы сплотиться основные субъекты педагогического процесса» [4, с. 34-36].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Современные тенденции развития педагогики и психологии высшей школы характеризуются интеграцией научного знания и практических методик в рамках личностно-деятельностного, компетентностного и рефлексивно-акмеологического подходов.

2. Ключевыми факторами изменения высшего образования выступают глобализация, цифровизация и трансформация рынка труда, порождающие комплекс мотивационных, дидактических и организационных вызовов.

3. Студентоцентрированное обучение и рефлексивно-акмеологическая стратегия представляют собой взаимодействующие концептуальные основания для трансформации образовательных практик, ориентированные на активизацию субъектности как студентов, так и преподавателей.

4. Эффективное внедрение инноваций требует целенаправленной подготовки преподавательского состава через специализированные программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки, сочетающие теоретическое обоснование, практические инструменты и рефлексивные механизмы.

5. Аксиологическая рефлексия понятия «современность» и поиск баланса между инновационными и традиционалистскими стратегиями являются необходимым условием устойчивого развития российской высшей школы.

Перспективы дальнейших исследований связаны с мониторингом долгосрочных эффектов внедрения инновационных технологий, разработкой

критериев оценки качества психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса, а также с углубленным изучением механизмов гармонизации конкурирующих ценностных стратегий в отечественном высшем образовании.

Список литературы

1. Худик В.А. Психология и педагогика высшей школы: проблемы и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского научно-исследовательского института педагогики и психологии высшего образования. - 2025. - № 2 (14). - С. 6–11.
2. Винокурова Н.В., Черанева Е.К. Разработка программы повышения квалификации «Педагогика и психология высшей школы» для преподавателей медицинского вуза // Медицинское образование сегодня. - 2024. - № 4 (28). - С. 51–57.
3. Гайдар К.М., Листенгартен В.С. Исследования по педагогике высшей школы в регионах центра России. // Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования. - 2025. - № 4. - С. 5–9.
4. Гайдар К.М., Кунаковская Л.А., Листенгартен В.С. Педагогика высшей школы в действии (опыт реализации программы профессиональной переподготовки «Преподаватель высшей школы») // Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования. - 2020. - № 2. - С. 34–37.
5. Рубина Г.В., Хохлова М.В., Мезенцева И.А. Основные вопросы педагогики и психологии высшей школы. – Брянск: Издательство Брянского государственного инженерно-технологического университета. – 2016. – 105 с.
6. Целуйко А.В., Балицкий П.С. О формировании новых образовательных трендов в системе высшего образования Российской Федерации. // Мир науки. Педагогика и психология. - 2026. - Том 14. - № 1. <https://mir-nauki.com/issue-1-2026.html> URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/27PDMN126.pdf>
7. Богуславский М.В. Историко-педагогическая экспертиза стратегий развития российского образования. // Ценности и смыслы. – 2015. - № 6 (40). – С. 39-46.

© Вишняк Д.А., Шевченко О.В.,
Ашакаева М.С., Аджиева М.К.

СОЦИАЛЬНО-ИНТЕГРАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Сян Фаньи

аспирант

ГБОУ ВО «Белгородский государственный
институт искусств и культуры»

Аннотация: внимание сосредотачивается на социально-интегративной функции специалистов сферы культуры как значимой педагогической проблеме. Раскрывается роль специалиста культуры как посредника между личностью, обществом и культурной средой. Особое внимание уделяется педагогическому потенциалу учреждений культуры в процессе просвещения, коммуникации, вовлечения и поддержки культурной идентичности. Обосновывается необходимость специальной подготовки специалистов культуры к решению социально-интегративных задач.

Ключевые слова: социальная интеграция, специалисты культуры, педагогическая деятельность, культурная среда, просвещение.

SOCIO-INTEGRATIVE FUNCTION OF CULTURAL SPHERE SPECIALISTS AS A PEDAGOGICAL ISSUE

Xiang Fanyi

Abstract: attention is focused on the social-integrative function of cultural professionals as an important pedagogical issue. The role of the cultural specialist as a mediator between the individual, society, and the cultural environment is revealed. Particular attention is paid to the pedagogical potential of cultural institutions in the processes of education, communication, involvement, and support of cultural identity. The necessity of special training for cultural specialists aimed at solving socio-integrative tasks is substantiated.

Key words: social integration, cultural specialists, pedagogical activity, cultural environment, education.

Социально-интегративная функция специалистов сферы культуры становится достаточно актуальной педагогической проблемой по причине, что

современная культурная сфера никак не может рассматриваться исключительно как область организации досуга, сохранения наследия или художественного творчества. Она все в большей степени выступает пространством воспитания, просвещения, взаимодействия, поддержки культурной идентичности и включения разных групп населения в общественную жизнь. И.Н. Емельянова, раскрывая функции воспитания, определяет социально-интегративную функцию как «вхождение личности в социум через освоение социальных ролей, моделей поведения и способов взаимодействия» [1, с. 134]. В этом смысле специалист сферы культуры выполняет не столько организационную, сколько педагогическую миссию, так как помогает человеку не просто «посетить» культурное мероприятие, а почувствовать свою принадлежность к сообществу, принять культурные нормы, включиться в совместную деятельность.

А.В. Мудрик также связывает воспитание с «гармонизацией интересов членов общества, трансляцией культуры, обеспечением стабильности общественной жизни и регулированием поведения в системе социальных отношений» [2, с. 25–26]. В контексте культурно-просветительской деятельности социально-интегративная функция может быть понята как целенаправленное педагогическое содействие включению личности в культурную и социальную среду. В данном случае важны не только знания о культуре, но и опыт участия, общения, совместного творчества, принятия норм коллективного взаимодействия. Поэтому специалист сферы культуры становится посредником между личностью, сообществом и культурной средой. Он переводит ценности культуры на язык конкретных форм деятельности (экскурсии, фестиваля, кружка, студии, творческой лаборатории, проекта, клуба, семейной программы).

П. Терехов подчеркивает, что педагогическая компетентность специалиста социально-культурной сферы формируется через «соединение культуры, искусства, научной теории и практики художественно-педагогической деятельности, а также через развитие ценностного, рефлексивного отношения и сотрудничества с создателями и потребителями культурных ценностей» [3, с. 124]. Это важно, поскольку без педагогической компетентности культурная деятельность рискует остаться внешне эффективной, но не всегда воспитательно результативной.

Педагогический потенциал учреждений культуры проявляется в том, что они способны объединять людей разных возрастов, социальных групп,

образовательных возможностей и жизненного опыта. Музеи, библиотеки, дома культуры, театры, клубы, центры народного творчества, фестивальные площадки создают условия для неформального образования и социальной коммуникации. Ю.В. Мысливцева на примере фестиваля показывает, что массовое культурное событие выполняет коммуникативную, социально-интегративную, эмоционально-психологическую, рекреационную и просветительскую функции. Не менее значимо то, что фестиваль вовлекает большое число людей, прежде всего молодежь, в культурную жизнь общества, создает пространство коллективного единения и публичного проявления творческих способностей [4, с. 107–109].

Необходимо отметить, что сама по себе массовость мероприятия еще не гарантирует социальной интеграции. Если культурное событие строится только как зрелище / конкурс, оно может усиливать соревновательность, а не сотрудничество. Следовательно, педагогическая ценность культурной практики определяется не количеством участников, а тем, насколько она создает условия для диалога, соучастия, взаимного признания и личностного роста.

Основными направлениями реализации социально-интегративной функции специалистов сферы культуры являются просвещение, коммуникация, вовлечение и поддержка культурной идентичности:

- просвещение связано с передачей культурных смыслов, исторической памяти, нравственных ориентиров;
- коммуникация с созданием пространства общения между поколениями, социальными группами и профессиональными сообществами;
- вовлечение с активным участием человека в творческой, проектной, волонтерской, художественной или исследовательской деятельности;
- поддержка культурной идентичности с осознанием человеком своей связи с традицией, местным сообществом, национальной культурой, семейной и региональной памятью.

А.Г. Князева подчеркивает, что «специалисты сферы культуры сегодня выступают не только трансляторами и исследователями культуры, но и педагогами для детей, взрослых, людей с особыми потребностями на разных этапах непрерывного образования» [5, с. 12]. В этом положении особенно отчетливо проявляется расширение профессиональной роли работника культуры – он работает не просто с «аудиторией», а с личностью, включенной в сложные социальные отношения. Проблема подготовки специалистов

культуры к выполнению социально-интегративных задач заключается в том, что их профессиональная деятельность часто воспринимается преимущественно как художественно-организационная, тогда как ее педагогическая составляющая оказывается недостаточно осознанной.

В.В. Матвеев и А.Г. Князева обосновывают необходимость формирования у будущих специалистов сферы культуры профессионально-педагогической позиции, включающей аксиологический, организационно-деятельностный и личностно-творческий компоненты [6, с. 259–261]. Аксиологический компонент позволяет специалисту понимать ценностный смысл своей деятельности; организационно-деятельностный – проектировать формы включения человека в культурную среду; личностно-творческий – находить нестандартные способы педагогического воздействия. Без этих компонентов специалист может владеть техникой проведения мероприятий, но не обладать готовностью к решению задач социальной интеграции, особенно если речь идет о работе с детьми, молодежью, пожилыми людьми, семьями, людьми с ограниченными возможностями здоровья или социально уязвимыми группами.

Сама реализация социально-интегративной функции возможна при соблюдении ряда педагогических условий: деятельность учреждений культуры должна быть ориентирована не только на посещаемость, но и на реальное включение человека в культурное взаимодействие; специалисту необходима педагогическая идентичность, то есть осознание своей миссии как участника воспитательного и просветительского процесса (А.Г. Князева связывает педагогическую идентичность специалиста культуры с принятием педагогической миссии, профессиональным саморазвитием, разработкой педагогических проектов и осознанием связи между решаемыми задачами и развитием культуры [6, с. 15]); проектные и коммуникативные формы работы (творческие мастерские, семейные программы, культурные маршруты, фестивали без жесткой конкурсной доминанты, межпоколенческие встречи, инклюзивные лаборатории, клубы по интересам); специалист должен понимать, какие изменения происходят с участниками (расширяется ли их социальный опыт, укрепляется ли чувство принадлежности, формируется ли готовность к диалогу и совместной деятельности).

Таким образом, социально-интегративная функция специалистов сферы культуры является педагогической проблемой, потому что она требует специальной подготовки, ценностной позиции, методической грамотности и

способности проектировать культурную среду как пространство развития личности. Ее значение состоит в том, что через культурно-просветительскую деятельность человек получает возможность войти в сообщество, освоить социально приемлемые формы взаимодействия, раскрыть творческий потенциал и осознать свою связь с культурой. Для общества эта функция важна как механизм укрепления социальной целостности, преемственности поколений и культурной устойчивости; для личности — как условие самоопределения, общения, участия и полноценного включения в социальную жизнь.

Список литературы

1. Емельянова И. Н. Функции воспитания в обществе: исторический и современный контексты // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1 (57). – С. 133-142.
2. Мудрик А. В. Воспитание: явление, институт, понятие // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2005. – № 1. – С. 23-28.
3. Терехов П. Педагогическая компетентность в сфере культуры // Высшее образование в России. – 2003. – № 3. – С. 124-126.
4. Мысливцева Ю. В. Фестиваль в системе современной праздничной культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2008. – № 1. – С. 107-109.
5. Князева А. Г. Социокультурная обусловленность формирования профессионально-педагогической позиции будущих специалистов сферы культуры // Образование и культурное пространство. – 2024. – № 4. – С. 11-20.
6. Матвеев В. В., Князева А. Г. Содержательные аспекты формирования профессионально-педагогической позиции будущих специалистов сферы культуры // Проблемы современного педагогического образования. – 2025. – № 86-1. – С. 259-262.

© Сян Фаньи

**ПАРАДОКС ЦИФРОВОГО КОНТРОЛЯ: ПОЧЕМУ ЭКСПАНСИЯ
ФИТНЕС-ТРЕКЕРОВ СОПРОВОЖДАЕТСЯ СНИЖЕНИЕМ
РЕАЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ**

Яралиева Сабина Гасан Кызы

студент

Калитова Марина Александровна

заведующий кафедрой физического воспитания

ФГБОУ ВО «НГАСУ (Сибстрин)»

Аннотация: в статье анализируется парадокс: рост популярности фитнес-трекеров сочетается со снижением физической активности населения. На основе анонимного онлайн-опроса пользователей оцениваются эффект замещения и интероцептивный дрейф. Полученные данные не подтверждают выраженное действие этих механизмов в исследованной выборке.

Ключевые слова: фитнес-трекер; физическая активность; эффект замещения; интероцепция; интероцептивный дрейф.

**THE PARADOX OF DIGITAL CONTROL: WHY THE EXPANSION
OF FITNESS TRACKERS IS ACCOMPANIED BY A DECREASE
IN THE ACTUAL PHYSICAL ACTIVITY OF THE POPULATION**

Yaralievа Sabina Gasan Kyzy

Kalitova Marina Aleksandrovna

Abstract: this article analyzes a paradox: the growing popularity of fitness trackers coincides with a decline in the physical activity of the population. Based on an anonymous online survey of users, the substitution effect and interoceptive drift are evaluated. The results do not confirm a strong effect of these mechanisms in the studied sample.

Key words: fitness tracker; physical activity; substitution effect; interoception; interoceptive drift.

На протяжении последних десяти лет фитнес-браслеты, «умные» часы и шагомеры стали привычным элементом повседневности. Предполагается, что фиксация шагов, частоты сердечных сокращений и энергозатрат стимулирует

пользователя больше двигаться. Однако данные Всемирной организации здравоохранения показывают, что за этот период уровень физической активности населения не вырос, а в ряде развитых стран, включая Российскую Федерацию, даже снизился [1].

Таким образом, возникает противоречие: расширение цифровых методов количественной оценки физического состояния сопровождается не ростом, а регрессом реальных двигательных паттернов. В научной литературе обозначены два возможных механизма, которые могли бы объяснить этот феномен [2; 3; 4].

Первый механизм, получивший название «эффект замещения» (гипотеза H1), предполагает, что цифровое моделирование движения порождает у пользователя ощущение уже выполненной физиологической нормы. В результате внутренняя мотивация к дополнительной активности ослабляется, а часть спонтанных физических действий «замещается» самой процедурой мониторинга.

Второй механизм обозначается как «интероцептивный дрейф» (гипотеза H2). Он описывает возможную атрофию способности субъекта воспринимать проприоцептивные и висцеральные сигналы собственного тела при длительной опоре на внешние измерительные инструменты. В литературе подчёркивается, что масштабная цифровизация повседневности в целом может снижать чувствительность к внутренним состояниям человека [5].

Целью исследования являлась эмпирическая проверка действия обоих указанных механизмов на выборке фактических пользователей фитнес-трекеров.

В качестве эмпирической основы были использованы данные анонимного анкетирования. Опрос проводился с помощью Google Forms в апреле–мае 2026 года, ссылка распространялась через открытые каналы в социальных сетях; применялся метод доступной выборки. Опросный лист включал 15 вопросов. Первые пункты касались пола, возраста и рода занятий, далее следовал фильтр по использованию трекера или приложения для подсчёта активности. Третий блок был посвящён проверке эффекта замещения. В нём уточнялось, бывает ли у респондентов ощущение «я уже достаточно двигался» после просмотра количества шагов; готовы ли они специально «добивать» дневную норму; изменилось ли их отношение к пешим коротким маршрутам и выбору между лестницей и эскалатором. Четвёртый блок оценивал выраженность интероцептивного дрейфа:

субъективные изменения в понимании сигналов собственного тела, расхождения между измерениями и ощущениями, предполагаемое влияние временного отсутствия трекера на активность, доверие к внутренним ощущениям по сравнению с цифровыми показателями. В конце был оставлен один открытый вопрос для развёрнутых комментариев.

В опросе приняли участие 50 человек. Женщины составили 70% выборки, мужчины — 30%. По возрасту преобладали респонденты 18–25 лет (78%); 12% были в возрасте 26–35 лет, 8% — 36–45 лет, 2% — старше 46 лет. По роду занятий доминировали студенты (70%), доля трудоустроенных составила 24%, прочие статусы — 6%.

Семьдесят процентов опрошенных сообщили, что используют трекер или специализированное приложение, причём 36% делают это регулярно, 18% — время от времени, 16% — редко. Оставшиеся 30% не пользуются трекерами; их ответы не включались в последующий анализ. Итоговый массив для рассмотрения составили 35 пользователей. Большинство из них имеют длительный стаж: 48,6% используют трекер от одного до трёх лет, 37,1% — более трёх лет, и лишь 14,3% — менее года. По частоте обращения к показателям 42,9% смотрят данные только в конце дня, 37,1% — один–два раза в день, 17,1% практически не сверяются с цифрами.

При анализе гипотезы H1 было установлено, что 42,8% респондентов (5,7% — «часто», 37,1% — «иногда») испытывают чувство, будто после ознакомления с количеством шагов они уже «достаточно двигались», даже если день ещё не завершён. Однако ключевой для проверки гипотезы вопрос о том, стали ли они реже ходить пешком на короткие расстояния, показал иное. Лишь 11,5% респондентов согласились с утверждением, что под влиянием трекера они стали реже ходить пешком; 88,5% такой позиции не разделяют. По выбору между лестницей и эскалатором большинство (65,7%) отметили, что их поведение не изменилось, четверть (25,7%) стали чаще подниматься по лестнице, и только 8,6% — чаще пользоваться эскалатором.

Предварительный вывод по гипотезе H1 состоит в том, что эффект замещения в данной выборке не подтверждается. Хотя часть пользователей признаёт, что трекер иногда создаёт субъективное ощущение «достаточной активности», это не выражается в массовом сокращении пеших маршрутов или отказе от лестницы.

Анализ гипотезы H2 также не выявил выраженного interoцептивного дрейфа. Ответы на вопрос о способности понимать сигналы собственного тела

показали, что лишь 17,6% пользователей отмечают её снижение после начала эксплуатации трекера. Большинство (61,8%) не видят изменений, а 20,6% даже сообщают об улучшении понимания своего тела. По прямому утверждению о снижении доверия к внутренним ощущениям и более частых проверках показателей согласны только 17,2% опрошенных, тогда как 82,8% с этим не согласны. Вопрос о том, как бы повлияло временное отсутствие трекера на их активность, показал, что 80% уверены в сохранении прежнего уровня активности; лишь небольшое число респондентов предполагает, что стали бы двигаться заметно меньше или больше.

Таким образом, гипотеза H2 об interoцептивном дрейфе также не получает эмпирического подтверждения. Подавляющее большинство участников не отмечают ухудшения способности воспринимать сигналы собственного тела и не связывают уровень своей активности с наличием или отсутствием трекера.

Качественные данные, полученные в открытом вопросе, дополняют эту картину. Из семи развёрнутых ответов ни один не указывает на то, что использование трекера привело к существенному увеличению активности. Типичные формулировки — «без изменений», «ничего не поменялось», трекер описывается как удобный аксессуар или элемент соревнования с близкими. Лишь один респондент отметил, что стал больше ходить в выходные дни. Это позволяет говорить о преимущественно нейтральном, а не стимулирующем влиянии трекеров на физическую активность в данной группе.

В статье были рассмотрены два теоретических механизма, призванных объяснить парадокс снижения физической активности на фоне цифрового контроля: эффект замещения и interoцептивный дрейф. Проведённое исследование не обнаружило выраженного действия ни одного из них на выборке пользователей трекеров. Возможные причины такого результата могут быть связаны со спецификой исследованной группы и методологическими ограничениями.

Во-первых, выборка преимущественно студенческая: 70% участников — студенты, которые могут использовать трекеры иначе, чем более широкая популяция [6; 7]. Во-вторых, для части пользователей характерна невысокая частота обращения к устройству: значительная доля сверяется с показателями только в конце дня или почти не обращает на них внимания, что ослабляет потенциальное влияние цифровых данных на поведение. В-третьих, у 85,7%

респондентов стаж использования превышает один год, что позволяет предположить эффект адаптации: возможные негативные изменения могут проявляться раньше и затем сглаживаться. Наконец, опрос как метод подвержен влиянию социальной желательности: даже при анонимности респонденты склонны давать социально одобряемые ответы, что может скрывать реальные изменения в поведении.

Ключевой парадоксальный результат заключается в том, что 80% пользователей уверены: их двигательная активность не изменилась бы в случае отсутствия трекера, тогда как данные ВОЗ фиксируют глобальное снижение активности населения в тот же период. Это расхождение указывает на возможный неосознаваемый характер части процессов, связанных с цифровым контролем, а также на роль факторов среды, выходящих за рамки индивидуального пользования устройствами.

По итогам исследования можно сформулировать следующие выводы. Во-первых, на изученной выборке эффект замещения не подтвердился: 88,5% пользователей не согласны с тем, что стали реже ходить пешком из-за трекера, а большинство не изменили поведение в ситуациях выбора между лестницей и эскалатором. Во-вторых, гипотеза об interoцептивном дрейфе также не получила подтверждения: 61,8% респондентов не заметили изменений в способности понимать своё тело, 82,8% не согласны с тем, что стали меньше доверять внутренним ощущениям. В-третьих, качественные данные указывают на преимущественно нейтральную роль трекера: ни один из ответов не описывает системного повышения активности. В-четвёртых, полученные данные не опровергают сам парадокс снижения активности в эпоху цифрового контроля, но подчёркивают его более сложную природу и необходимость дальнейших исследований с использованием объективных методов замера физической активности.

Список литературы

1. World Health Organization. Global status report on physical activity 2022. Geneva: WHO, 2022. 104 p.
2. Etkin J. The Hidden Cost of Personal Quantification // Journal of Consumer Research. 2016. Vol. 42, No. 6. P. 967–984.
3. Morozov E. To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism. New York: PublicAffairs, 2013. 415 p.
4. Khalsa S.S., Adolphs R., Cameron O.G. et al. Interoception and Mental

Health: A Roadmap // Biological Psychiatry: Cognitive Neuroscience and Neuroimaging. 2018. Vol. 3, No. 6. P. 501–513.

5. Turkle S. The Empathy Diaries: A Memoir. New York: Penguin Press, 2017. 352 p.

6. Ильин Е.П. Психология спорта. Санкт-Петербург: Питер, 2019. 352 с.

7. Баландин В.И., Блудов Ю.М., Плахтиенко В.А. Прогнозирование в спорте. Москва: Спорт, 1986. 191 с.

© Яралиева С.Г., Калитова М.А.

**СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ КЛУБНАЯ РАБОТА
В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СИСТЕМЫ ВОЕННО-
ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ПОДРОСТКОВ**

**Дорохина Татьяна Ивановна
Аксёнова Надежда Сергеевна
Хинчуева Анна Вячеславовна
Хинчуев Тимур Курбанович**

ассистенты

ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Аннотация: в статье представлены результаты анализа работы клуба военно-патриотического воспитания «Подвиг». Проведена оценка воспитательной, профориентационной и практико-ориентированной работы клуба. Приведены результаты среднего значения по уровню физической подготовленности занимающихся.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, военно-патриотический клуб.

**SPECIALIZED CLUB WORK IN IMPROVING THE SYSTEM
OF MILITARY AND PATRIOTIC EDUCATION FOR TEENAGERS**

**Dorokhina Tatyana Ivanovna
Aksenova Nadezhda Sergeevna
Khinchueva Anna Vyacheslavovna
Khinchuev Timur Kurbanovich**

assistants

North Caucasus Federal University

Abstract: the article presents the results of the analysis of the work of the military-patriotic education club "Podvig". The article evaluates the educational, career guidance, and practice-oriented work of the club. The results of the average level of physical fitness of the students are presented.

Key words: patriotic education, military-patriotic club.

В современном мире военно-патриотическое воспитание является одним из главных направлений политики государства. Так, в Законе Российской

Федерации «Об образовании» в качестве принципа государственной политики в области образования закреплено воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье.

Вопросы организации военно-патриотического воспитания подрастающего поколения рассматривались учёными в разные года. В научных трудах таких педагогов как И.А. Пашкович, Т.А. Касимова, Н.К. Беспятова, Т.С. Буторина, Т.А. Орешкина отражены возможные варианты решения проблемы, связанной с формированием патриотизма у подрастающего поколения на протяжении всего исторического периода России [1].

Патриотическое воспитание в образовательных учреждениях нашей страны реализуется через военно-патриотические клубы.

Основной целью военно-патриотического клуба является самореализация личности ребенка, подростка, формирование нравственных, морально-психологических и физических качеств, развитие и закрепление специальных знаний, умений и навыков, необходимых будущему защитнику Отечества, гражданину, патриоту. Школьный военно-патриотический клуб, работающий на базе учебного заведения во внеурочное время, обладает большими возможностями для организации военно-патриотического воспитания школьников, учащихся данного учебного заведения и других учебных заведений, расположенных поблизости.

В результате изучения специальной литературы нами определены методики для оценки специализированной клубной работы в совершенствовании системы военно-патриотического воспитания подростков (таблица 1).

Таблица 1

**Методики для оценки специализированной клубной работы
в совершенствовании системы военно-патриотического
воспитания подростков**

Направление специализированной клубной работы	Критерий	Методика
Воспитательное	Уровень общественной активность	Методика определения общественной активности учащихся (Е.Н. Степанов)

Продолжение таблицы 2

Практико-ориентированное	Уровень физической подготовки	Нормативы Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне»
Профориентационное	Уровень знаний	Тестирование уровня знаний

В результате проведённого исследования по каждому направлению специализированной работы военно-патриотического клуба «Подвиг» нами получены следующие результаты, представленные на рис. 1.

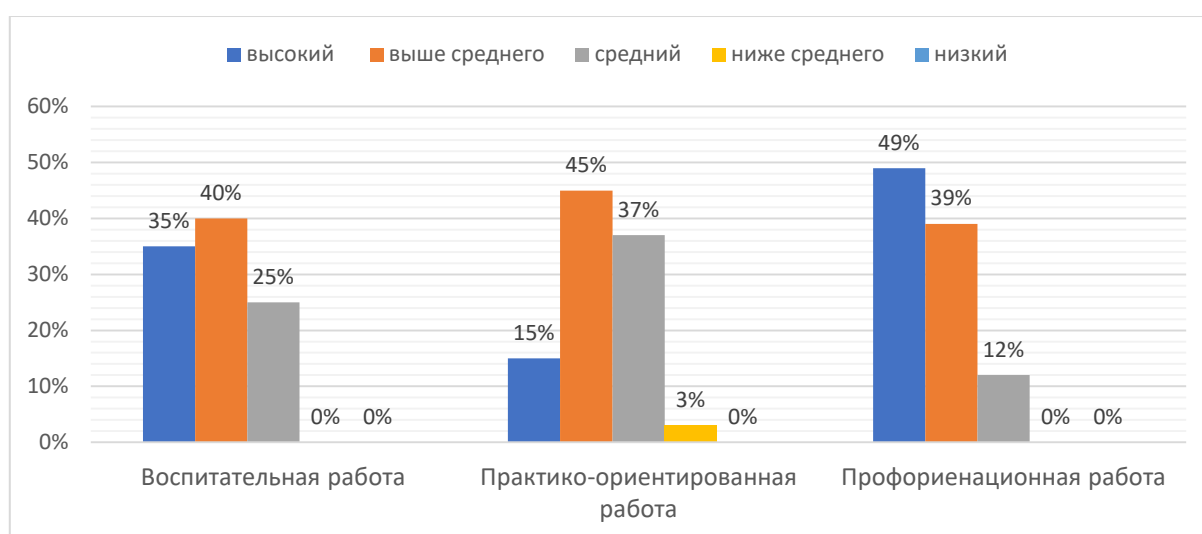

Рис. 1. Результаты проведённого исследования по каждому направлению специализированной работы военно-патриотического клуба «Подвиг»

Из представленных результатов видно, что показатель низкого уровня по всем тестам равен 0%. По результатам оценки профориентационной работы был выявлен самый значительный показатель высокого уровня – 49% (из которых 36% юношей и 13% девушек).

Показатели практико-ориентированной работы в большей степени распределились между уровнями «выше среднего» и «средним», по 45% и 37% соответственно. Показатели высокого уровня в данном тесте составили лишь 15%, а также обнаружилось, что одна девочка (3%) не смогла достаточно хорошо справиться с заданиями.

Показатели воспитательной работы колеблются от 25% до 40% между высоким, выше среднего и средним уровнями. Что, на наш взгляд, является наиболее объективным показателем.

Также нами проанализированы результаты сдачи контрольных нормативов подростками, занимающимися в клубе «Подвиг», по следующим показателям: бег 30 метров; поднимание туловища из положения лёжа; отжимание; подтягивание; стрельба из пневматической винтовки, дистанция 10 м. Среднее значение по тестовым показателям представлено на рис. 2.

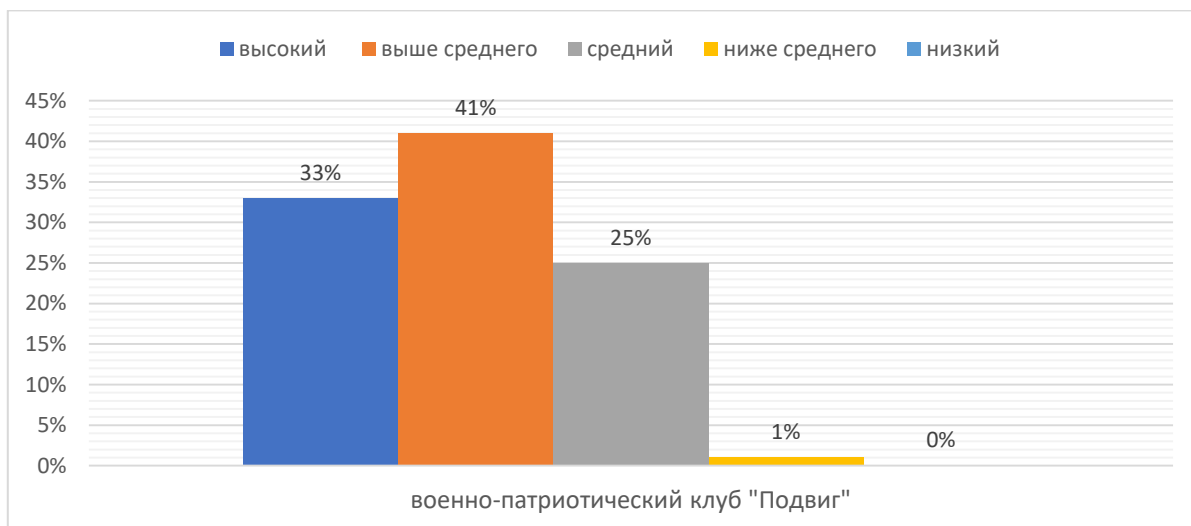

Рис. 2. Среднее значение уровня оценки специализированной работы военно-патриотического клуба «Подвиг»

В результате анализа данных нами выявлено следующее:

В результате высокий уровень эффективности специализированной клубной работы в совершенствовании военно-патриотического воспитания наблюдается для 33% подростков.

Уровень выше среднего (41%) свидетельствует о том, что работа ведётся в правильном направлении, стоит лишь усилить физическую и подготовку.

Средний результат оценки уровня специализированной клубной работы в совершенствовании системы военно-патриотического воспитания подростков составил 25%.

По итогам анализа работы военно-патриотического клуба «Подвиг» нами выяснилось, что работу клуба в совершенствовании системы военно-патриотического воспитания подростков можно считать «хорошей». Об этом свидетельствуют полученные данные: 33% - высокий уровень эффективности работы; 41% - уровень выше среднего; 25% - средний уровень; 1% - уровень ниже среднего.

Список литературы

1. Агапова И.А. Патриотическое воспитание в школе: учеб. пособие. – М.: Айрис-пресс, 2015. – 150 с.
2. Алексеев А.Ю. Методические рекомендации по военно-патриотическому воспитанию деятельности Российского движения школьников. – М.: Российское движение школьников, ФГБУ «РДЮЦ», 2016. – 34 с.
3. Костров А. В., Усов С. Л. Основы патриотизма: Пособие. Иркутск: Издательство «Золотой Лев», 2017. – 54 с.
4. Микрюков В.Ю. Военно-патриотическое воспитание в школе: 1–11 классы. – М.: ВАКО, 2009. – 192 с

© Дорохина Т.И., Аксёнова Н.С.
Хинчуева А.В., Хинчуев Т.К.

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Вдовичева Екатерина Алексеевна

учитель истории, обществознания

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение

городского округа Тольятти «Школа № 90»,

студент 2-ого курса магистратуры

Научный руководитель: **Матуняк Наталья Анатольевна**

доцент, и.о. заведующего кафедрой

Поволжская академия образования и искусств Святителя Алексия

Аннотация: в статье рассматривается проектная деятельность как эффективный инструмент укрепления межпоколенческих связей в детско-взрослом сообществе. Анализируются психолого-педагогические механизмы взаимодействия поколений в рамках проектов, описываются этапы организации совместной работы и приводятся примеры успешных практик. Предложены рекомендации для педагогов и организаторов.

Ключевые слова: межпоколенческое взаимодействие, проектная деятельность, детско-взрослое сообщество, социализация, преемственность поколений.

PROJECT ACTIVITIES AS A MEANS OF STRENGTHENING INTERGENERATIONAL INTERACTION

Vdovicheva Ekaterina Alekseevna

history and social studies teacher

Municipal budgetary general education institution

of the Togliatti urban district «School No. 90»,

master's student

Academic supervisor: **Matunyak Natalya Anatolyevna**

Associate Professor, Acting Head of Department

Volga Region Academy of Education and Arts named after St. Alexy

Abstract: this article examines project-based activities as an effective tool for strengthening intergenerational ties in children-adult communities. It analyzes the

psychological and pedagogical mechanisms of intergenerational interaction within projects, describes the stages of organizing collaborative work, and provides examples of successful practices. Recommendations for educators and organizers are offered.

Key words: intergenerational interaction, project-based activities, children-adult community, socialization, intergenerational continuity.

Современное общество сталкивается с проблемой ослабления межпоколенческих связей: разрыв традиций, снижение авторитета старшего поколения, дефицит живого общения между поколениями. В условиях цифровизации и индивидуализации особенно важно создать пространства для диалога поколений, где ценности, опыт и навыки передаются естественным путем – через совместную деятельность.

Одним их эффективных средств решения этой задачи выступает проектная деятельность. Она позволяет объединить всех участников вокруг значимых целей, создавая условия для взаимообучения эмоционального сближения.

Целью данной статьи является раскрыть потенциал проектной деятельности в укреплении межпоколенческого взаимодействия и предложить практические подходы к ее организации.

Межпоколенческое взаимодействие – это процесс обмена знаниями, ценностями и опытом между представителями разных возрастных групп. В психолого-педагогической науке оно рассматривается как важный фактор социализации личности (Л.С. Выготский, Д.И. Фельдштейн).

Проектная деятельность в этом контексте выполняет несколько функций:

1. Коммуникативную – создает площадку для живого общения, преодоления стереотипов и недопонимания между поколениями;
2. Ценностно-смысловую – помогает осознать общую значимость традиций, истории семьи и т.д.;
3. Развивающую – стимулирует развитие эмпатии, ответственности, навыков сотрудничества у подростков; дает старшим ощущение востребованности;
4. Социализирующую – способствует интеграции всех участников в социокультурное пространство.

Ключевые психолого-педагогические условия эффективности:

1. Партнерские отношения между участниками;
2. Субъектная позиция каждого поколения;
3. Опора на общие ценности и интересы;
4. Рефлексия результатов совместной работы.

Этапы организации межпоколенческих проектов.

Успешная реализация проекта требует четкой структуры. Рассмотрим основные этапы.

Первый этап – подготовительный. На данном этапе происходит выявление интересов и потребностей участников, выбор темы, значимой для всех поколений, формирование команд, разработка плана и распределение ролей.

Второй этап – это планирование. В рамках данного этапа происходит постановка целей и задач, определение ресурсов, составление графика мероприятий, обсуждение правил взаимодействий.

Третий этап – реализация. На данном этапе проводятся все запланированные мероприятия, происходит фиксация процесса, оперативная корректировка при необходимости.

Четвертый этап – рефлексия и презентация. Этот этап является заключительным. В рамках этого этапа происходит коллективный анализ результатов, оформление итогов, публичная презентация, награждение участников.

Приведем примеры успешных практик.

1. Проект «Финансовая грамотность: мост поколений». Участниками данного проекта являются подростки 11-14 лет, а также представители старшего поколения (60+). В рамках проекта был разработан календарный план, включающий в себя 34 мероприятия, рассчитанных на один учебный год. Мероприятия направлены на повышение финансовой грамотности участников, а также формирование устойчивых межпоколенческих связей. Проект предлагает инновационное решение двух острых социальных проблем: финансовой уязвимости детей и пенсионеров и ослабление межпоколенческих связей. Вместо изолированного обучения каждой группы мы создаем единое детско-взрослое сообщество на базе МБУ «Школа №90», где знания и навыки циркулируют между поколениями. Дети становятся наставниками для пенсионеров в мире онлайн приложений, финансовых продуктов и услуг, финансовой безопасности. Пенсионеры, как носители жизненного опыта, выступают проводниками для детей в мире финансовых

ценностей, планирования бюджета. Таким образом, школа превращается в центр социального сплочения, где финансовая грамотность становится не школьным предметом, а практикой межпоколенческой поддержки и диалога.

Видение: Общество, где поколения объединены взаимной поддержкой, а финансовая безопасность становится естественным результатом обмена знаниями и жизненным опытом.

Миссия: Создать инклюзивное межпоколенческое сообщество, где подростки и пенсионеры в партнерстве развивают практические навыки финансовой грамотности и цифровой безопасности, преодолевая социальную изоляцию и формируя культуру взаимного уважения и доверия.

Ключевые принципы реализации

1. Равенство и партнерство: Отказ от модели «учитель-ученик». Каждый участник тандема — и эксперт, и ученик.

2. Практикоориентированность: Все знания закрепляются через решение реальных кейсов, симуляций и домашних заданий, применимых в жизни.

3. Безопасность и доверие: Создание психологически комфортной среды, где можно задавать любые вопросы без стыда.

4. Устойчивость: Формирование не только знаний, но и социальных связей, которые сохранятся после окончания проекта.

5. Инклюзивность: Учет особенностей и возможностей каждого участника.

Уникальность проекта

Проект трансформирует традиционный подход к финансовому просвещению, делая ставку не на пассивное обучение, а на активное партнерство и обмен активами поколений. Он не просто информирует, а создает новые социальные связи, которые сами по себе становятся главным механизмом повышения безопасности и благополучия участников. Мудрость возраста встречается с цифровой смелостью юности, и вместе они создают прочный фундамент для финансовой устойчивости.

2. «Мастерская поколений». Участниками являются подростки 11-14 лет и люди пенсионного возраста. В рамках данного проекта были запланированы и проведены мастер-классы по вышивке, резьбе по дереву, гончарному мастерству. А также, была организована совместная арт-выставка для школы.

Миссией проекта является создание пространства для живого диалога и совместного творчества между поколениями, где, старшие передают

традиционные знания, навыки и ценности; младшие осваивают ремесла, учатся уважать опыт предков и сохраняют культурное наследие.

Целью проекта является укрепление межпоколенческого взаимодействия через организацию совместной творческой деятельности по освоению и сохранению традиционных ремесел и народных промыслов.

Уникальность проекта заключается в синтезе традиций и инноваций. Традиционные техники адаптируются под современные запросы, например, вышивка с элементами стрит-арта. Использование цифровых технологий, блог проекта, онлайн трансляции мастер-классов. Не менее важным в данном проекте является принцип «равных возможностей». То есть, дети не просто учатся, но и учат: помогают пожилым людям осваивать смартфоны для съемки процесса или ведения социальных сетей; взаимное обогащение: старшие делятся мудростью, младшие – энергией и новыми идеями.

Рекомендации для педагогов и организаторов:

1. Вовлекать старших не как «гостей», а как равноправных участников и наставников;
2. Выбирать актуальные и интересные темы для всех возрастов;
3. Использовать интерактивные формы: мастер-классы, квесты, деловые и ролевые игры;
4. Находить точки соприкосновения;
5. Поддерживать эмоциональную атмосферу;
6. Фиксировать процесс и итоги – это усиливает эффект рефлексии и гордости за результат.

Проектная деятельность обладает значительным потенциалом для укрепления межпоколенческого взаимодействия. Она не только решает конкретные задачи, но и создает среду для диалога поколений, где опыт старших становится ресурсом развития, а активность подростков – стимулом для самореализации пожилых.

Системная организация проектов в образовательных и социальных учреждениях позволяет преодолеть разобщенность, восстановить преемственность ценностей и сформировать у участников чувство принадлежности к общему делу.

Список литературы

1. Байбородова Л.В. Взаимодействие образовательных организаций и семьи. – Ярославль, 2010. – С. 45-67

2. Бакушинская А.В. Роль народных промыслов в эстетическом воспитании детей. – 2018. - № 5. – С. 45-52.
3. Выготский Л.С. Педагогическая психология. – М.: Педагогика, 1991. – 480 с., с. 78-92.
4. Вяткин Б.А., Хотинец В.Ю., Кожевникова О.В. Межпоколенная трансмимия ценностей в современном поликультурном мире // психологический журнал. – 2021. – Т. 42, № 3. 0 С. 15-26.
5. Полат Е.С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. – М.: Академия, 2008. С. 95-110
6. Фельдштейн Д.И. Социальное развитие в пространстве-времени детства. – М., 1997. С. 45-52
7. Концепция развития дополнительного образования детей до 2023 года. – М.: 2022. С. 2-5

© Вдовичева Е.А.

**МЕТОДИКА ПОЭТАПНОГО РАЗВИТИЯ КОМПОЗИЦИОННОГО
МЫШЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ: ОТ ПОИСКОВЫХ ЭСКИЗОВ
К ДЛИТЕЛЬНО-ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТЕ**

Барамзина Дарья Андреевна

студент

Научный руководитель: **Кравченко Ксения Алексеевна**

канд. пед. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
педагогический университет»

Аннотация: в статье рассматривается проблема развития композиционного мышления обучающихся подросткового возраста в системе дополнительного художественного образования. Предлагается методика поэтапного формирования композиционного мышления, включающая три группы заданий: поисковые, кратковременно-тренировочные и длительно-творческие. Раскрывается содержание каждого этапа работы — от сбора натурального материала и вариативного эскизирования до выполнения итоговой композиции. Особое внимание уделяется проблемному обучению, коллективным просмотрам и роли пленэрной практики как источника обогащения визуального опыта подростков.

Ключевые слова: композиционное мышление, подростковый возраст, дополнительное художественное образование, методика поэтапного развития, кратковременно-тренировочные упражнения, длительно-творческая работа, композиция.

**METHODOLOGY FOR THE STAGE-BY-STAGE DEVELOPMENT
OF COMPOSITIONAL THINKING IN ADOLESCENTS: FROM
EXPLORATORY SKETCHES TO LONG-TERM CREATIVE WORK**

Baramzina Daria Andreevna

student

Scientific adviser: **Kravchenko Ksenia Alekseevna**

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Novosibirsk State Pedagogical University

Abstract: the article deals with the problem of developing compositional thinking in adolescent students in the system of supplementary art education. A methodology for the stage-by-stage formation of compositional thinking, including three groups of tasks: exploratory, short-term training and long-term creative tasks. The content of each stage of work is revealed — from collecting visual material and variable sketching to performing the final composition. Special attention is paid to problem-based learning, collective reviews and the role of plein air practice as a source of enriching the visual experience of adolescents.

Key words: compositional thinking, adolescence, supplementary art education, methodology of stage-by-stage development, short-term training exercises, long-term creative work, composition.

Подростковый возраст представляет собой наиболее благоприятный период для целенаправленного формирования композиционного мышления. По мнению В.С. Кузина, именно в это время «бурно развивается абстрактно-логическое мышление: подросток становится способен оперировать понятиями, гипотезами, отвлечёнными категориями, проследивать причинно-следственные связи» [1, с. 160]. Тем не менее педагогические наблюдения и анализ детских работ показывают: одних лишь возрастных предпосылок недостаточно для развития композиционного мышления. Данный процесс нуждается в специально выстроенной, последовательной и системной работе.

В области методики обучения композиции накоплен значительный теоретический материал. Е.В. Шорохов трактует композиционное мышление как «способность видеть, анализировать и создавать целостную художественную форму, подчиняя все элементы изображения основной идее» [2, с. 12]. В ходе анализа научно-методической литературы было выявлено, что успешное развитие композиционного мышления подростков требует, во-первых, освоения базовых законов композиции через систему специальных упражнений, во-вторых, активного применения вариативного эскизирования как средства поиска композиционных решений, а в-третьих, использования комплекса методов, направленных на развитие умения видеть характер объекта и осознанно изменять его форму для решения поставленной композиционной задачи

Ключевой ориентир для педагогической практики даёт теория Л.С. Выготского, который утверждал: «Творческая деятельность воображения находится в прямой зависимости от богатства и разнообразия прежнего опыта человека, потому что этот опыт представляет материал, из которого создаются

построения фантазии» [3, с. 10]. В контексте дополнительного художественного образования, где учащийся имеет возможность знакомиться с произведениями искусства и погружаться в художественный материал, данное положение приобретает особое значение.

На основе теоретических источников, а также с учётом выявленных типичных ошибок в работах подростков, а именно, отсутствие композиционного центра, избыточная детализация, проблемы с равновесием и раздробленность формы, был разработан комплекс упражнений и заданий. Он предполагает принцип от простого к сложному и включает три последовательные ступени: поисковые задания, кратковременно-тренировочные упражнения и длительно-творческую работу.

Поисковые задания призваны пополнять визуальный опыт учащегося, тренировать наблюдательность и помогать в поиске художественного образа. Как правило, они выполняются на листах небольшого формата, а их результаты становятся основой для последующей работы над композицией. Первый тип таких заданий — серия краткосрочных набросков (2–5 минут) и более детальных зарисовок (15–20 минут) людей, животных, окружающих предметов, фрагментов архитектуры. Материалы: карандаш, линер, тушь. Главная цель — передать характер, общий силуэт, пропорции и движение. Особую ценность представляет пленэрная практика: работа на открытом воздухе учит видеть главное, отсекаать лишнее и композиционно выстраивать впечатления от природы. Второй тип — вариативные эскизы на предложенную тему, например «В музее», «Спортивная игра» или «Прогулка». Ученик на формате А5 создаёт несколько вариантов решения, каждый раз меняя композиционную схему. Важно, чтобы эскизы не повторяли друг друга.

Кратковременно-тренировочные упражнения нацелены на формирование конкретных умений: чувствовать ритм, добиваться равновесия, разбираться в тональных отношениях, соблюдать правильную этапность работы, использовать выразительные свойства разных материалов. Такие упражнения обычно занимают одно-два занятия, и часто их выполняют в тоновом варианте — это помогает сосредоточиться исключительно на организации плоскости, не отвлекаясь на колористические задачи. Здесь эффективен приём проблемного обучения: перед учеником ставится задача, не имеющая готового шаблонного решения. В области композиции это может быть поиск композиционного центра, передача настроения минимальными художественными средствами или стилизация натурной формы. Подобные

задания допускают множество вариантов исполнения, что стимулирует самостоятельную творческую активность подростков.

Перечень таких заданий включает: «Ритмические ряды» (метрический повтор, ускоряющийся ритм, чередование разных фигур); «Равновесие в чёрно-белой композиции» (компоновка абстрактных пятен для достижения симметричного и асимметричного равновесия); «От пятна к детали» (тональный эскиз натюрморта, который начинают с трёх крупных масс и лишь затем уточняют до узнаваемых силуэтов); «Материал как выразительное средство» (одна и та же тема выполняется акварелью по-сырому и тушью с пером, после чего сравниваются результаты); «Выделение доминанты» (в серии быстрых эскизов один из предметов намеренно укрупняется и становится композиционным центром).

Длительно-творческое задание рассчитано на 4–6 занятий и объединяет все этапы работы: от поисковых набросков до финального выполнения в цвете. Оно построено на методе проектной деятельности, который соответствует возрастным особенностям подростков и специфике дополнительного образования. Как замечает Л.Б. Ермолаева-Томина, творческий процесс «происходит на разных уровнях: бессознательном, подсознания, сознания и сверхсознания» [4, с. 19], именно проектная форма работы развивает композиционное мышление в этом возрасте.

В качестве примера приводится тема «Мой город. Событие, место, настроение». Этапы работы: 1) сбор материала — наброски архитектуры, людей, элементов городской среды, в том числе на пленэре; 2) эскизирование — 8–10 поисковых эскизов на А5 с разными композиционными приёмами, выбор лучшего и создание тонального эскиза на А4; 3) подготовка к большому формату — перенос эскиза на формат А3, уточнение композиции и тональных соотношений; 4) итоговая работа в материале — выполнение композиции на А3 с соблюдением этапности работы; 5) просмотр и обсуждение.

В учебном процессе рекомендуется использовать следующие методы и формы организации занятий. К методам обучения относятся: проблемное обучение, рефлексия в виде коллективных обсуждений и промежуточных просмотров работ, а так же мастер-классы педагога с совместным показом работы. К формам организации учебной деятельности относятся экскурсии в музеи и на выставки, а также регулярная пленэрная практика. Кроме того, участие в конкурсах даёт подросткам опыт публичного представления своих

работ. При оценивании промежуточных результатов акцент следует делать не на формальной балльной отметке, а на анализе: что получилось, что требует доработки, какие композиционные средства сработали, а какие нет.

Разработанная методика поэтапного развития композиционного мышления, объединяющая поисковые наброски, кратковременные тренировочные упражнения и длительную творческую работу, а также разнообразные формы организации занятий, способствует формированию у учащихся способности видеть, анализировать и создавать целостную художественную форму, подчиняя все элементы изображения основной идее.

Список литературы

1. Кузин В. С. Психология : учебник для средних специальных учебных заведений / В. С. Кузин. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Агар, 1999. — 304 с.
2. Шорохов Е. В. Композиция : учебник для студентов художественно-графических факультетов педагогических институтов / Е. В. Шорохов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Просвещение, 1986. — 288 с.
3. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте : психологический очерк : книга для учителя / Л. С. Выготский. — 3-е изд. — Москва : Просвещение, 1991. — 93 с.
4. Ермолаева-Томина Л. Б. Психология художественного творчества : учебное пособие для вузов / Л. Б. Ермолаева-Томина. — 2-е изд. — Москва : Академический Проект : Культура, 2005. — 304 с.

© Барамзина Д.А., 2026

**ПРОФИЛАКТИКА СЕНСОРНЫХ ПЕРЕГРУЗОК
У ПЕРВОКЛАССНИКА С РАС: ЭМПИРИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ
И МОДЕЛЬ «СЕНСОРНОГО МАРШРУТА» В ШКОЛЕ**

Авдюхова Вероника Дмитриевна

студент

Научный руководитель: **Бондарева Вера Владимировна**

доцент кафедры социальной педагогики

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный

социально-педагогический университет»

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы профилактики сенсорных перегрузок у обучающихся с расстройством аутистического спектра в условиях инклюзивного начального образования. На основе двухмесячного тьюторского сопровождения первоклассника проведён эмпирический анализ динамики поведенческих показателей, описана модель «сенсорного чемоданчика» как элемента школьного сенсорного маршрута. Представлены результаты внедрения тактильно-регулятивных стратегий, подтверждённые данными педагогического дневника и отзывом учителя начальных классов.

Ключевые слова: тьюторское сопровождение, расстройство аутистического спектра, сенсорная перегрузка, инклюзивное образование, начальная школа, сенсорный маршрут, адаптивные стратегии.

**PREVENTION OF SENSORY OVERLOAD IN A FIRST GRADER
WITH ASD: EMPIRICAL OBSERVATIONS AND THE MODEL
OF A "SENSORY ROUTE" AT SCHOOL**

Avdyuhova Veronika Dmitrievna

Abstract: the article examines the issues of preventing sensory overload in learners with autism spectrum disorder in inclusive primary education. Based on a two-month tutoring support period for a first-grader, an empirical analysis of behavioral indicators' dynamics is conducted, and the model of a "sensory kit" as an element of the school sensory route is described. The results of implementing

tactile-regulatory strategies are presented, confirmed by pedagogical diary data and the primary school teacher's feedback.

Key words: tutoring support, autism spectrum disorder, sensory overload, inclusive education, primary school, sensory route, adaptive strategies.

Введение

Рост числа обучающихся с расстройством аутистического спектра (РАС) в общеобразовательных школах актуализирует вопрос качественной организации тьюторского сопровождения на этапе первичной школьной адаптации. Согласно ФГОС НОО обучающихся с ОВЗ, ключевой задачей является создание специальных образовательных условий, обеспечивающих не только доступ к учебной программе, но и профилактику вторичных нарушений, среди которых наибольшей выраженностью отличаются сенсорные перегрузки и дезадаптивные поведенческие реакции [1, с. 12]. В первые месяцы обучения первоклассники с РАС нередко демонстрируют самостимулирующее поведение, аутоагрессию, трудности концентрации и гиперреакцию на внешние стимулы, что снижает их учебную включённость и создаёт напряжение в инклюзивном классе [2, с. 45].

В современной практике тьюторского сопровождения недостаточно тиражируемых методических моделей, адаптированных под конкретные сенсорные профили обучающихся. Часто помощь сводится к ситуативному реагированию на поведенческие срывы, тогда как проактивная профилактика требует системного инструментария. Цель данной работы – разработать и эмпирически апробировать модель «сенсорного маршрута» для профилактики перегрузок у первоклассника с РАС, опираясь на данные структурированного наблюдения и педагогического дневника тьютора. Задачи исследования: 1) выявить типичные триггеры сенсорных перегрузок в условиях школьной среды; 2) описать архитектуру сенсорного чемоданчика и правила его использования; 3) проанализировать динамику поведенческих показателей за период сопровождения; 4) сформулировать практические рекомендации для тьюторов и педагогов начальных классов.

Методы и организация исследования

Исследование проведено в формате педагогического кейс-стади на базе общеобразовательной школы в период прохождения учебной практики. Объект изучения – обучающийся 1 класса, 7 лет, с диагнозом РАС. Субъект сопровождения – студентка-тьютор. Этические нормы соблюдены: данные

обезличены, личные сведения ребёнка не разглашаются, анализ опирается исключительно на эмпирические наблюдения тьютора и обратную связь от учителя.

Применены следующие методы:

- структурированное педагогическое наблюдение с фиксацией в ежедневном дневнике;
- анализ инцидентов (выявление триггеров, частоты и длительности неадаптивных реакций);
- педагогическое моделирование (внедрение сенсорного чемоданчика, отработка правил использования);
- опрос учителя для верификации динамики включения ребёнка в учебный процесс.

Период наблюдения составил 2 учебных месяца (8 недель). Первичный сбор данных включал беседу с учителем и анализ школьного расписания для картирования зон потенциальной сенсорной нагрузки.

Результаты исследования

На начальном этапе сопровождения у обучающегося фиксировались выраженные дезадаптивные реакции: удары головой о поверхность парты, активное жевание карандашей и канцелярских принадлежностей, вокализации и шумы, а также попытки отвлечь одноклассников играми во время урока. Анализ дневника наблюдений позволил выделить два ключевых триггера: потребность в сенсорной регуляции при необходимости концентрации и неосознанное привлечение внимания педагога в ситуациях высокой учебной нагрузки. При отсутствии альтернативных каналов саморегуляции ребёнок компенсировал напряжение через опасные для здоровья и дезорганизирующие класс поведенческие паттерны.

В качестве проактивной меры был разработан и внедрён «сенсорный чемоданчик», ставший ядром индивидуального сенсорного маршрута. В набор вошли тактильные элементы, не издающие звука: бизиборд с фактурными панелями, силиконовые трубки- Chewy Tubes (безопасная альтернатива жеванию карандашей), утяжелённая мягкая игрушка-компаньон. Параллельно отработана система правил использования:

1. инструмент применяется только при нарастании напряжения или по таймеру (не постоянно);
2. использование бесшумно, не отвлекает окружающих;
3. перед началом работы с материалом проговаривается учебная задача («игрушка слушает и хочет поучиться вместе с тобой»);

4. по сигналу тьютора предмет убирается в чехол до следующей сенсорной паузы.

Данные ежедневного дневника за 8 недель показали стабильную положительную динамику (табл. 1).

Таблица 1

Динамика поведенческих показателей обучающегося за период тьюторского сопровождения

Показатель	Начало сопровождения (1–2 неделя)	Конец сопровождения (7–8 неделя)
Удары головой о парту	3–5 раз/урок	0 раз/урок
Жевание карандашей/ручек	Постоянно в течение урока	Полностью заменено на безопасные сенсорные элементы
Шум/вокализации, отвлекающие класс	4–6 эпизодов/день	0–1 эпизод/неделю (ситуативно при утомлении)
Самостоятельная учебная включённость	5–7 мин/урок	15–20 мин/урок
Использование сенсорного чемоданчика	Не применялся	3–4 раза/урок, строго по правилам

По итогам периода учитель отметил снижение поведенческих срывов на 90%, повышение предсказуемости реакций ребёнка и улучшение общей атмосферы на уроке. Ключевым фактором успеха стало не просто наличие тактильных предметов, а чёткая структура их использования, интегрированная в учебный процесс через визуальные и вербальные маркеры.

Обсуждение

Полученные данные согласуются с положениями современных исследований в области сенсорной интеграции при РАС, подчёркивающих, что самостимулирующее поведение часто выполняет компенсаторную функцию и требует безопасной альтернативы, а не подавления [3, с. 78]. Внедрение «сенсорного чемоданчика» с регламентом использования соответствует принципам ТЕАССН-подхода, где структурированность среды снижает тревожность и повышает самостоятельность обучающегося [4, с. 22].

Важно отметить, что модель сенсорного маршрута не является статичным набором инструментов. Она требует регулярного пересмотра тьютором в сотрудничестве с учителем: по мере формирования навыков саморегуляции частота использования тактильных опор должна постепенно снижаться (fading-техника), уступая место внутренним стратегиям концентрации. Ограничением данного исследования выступает небольшой срок наблюдения и отсутствие формализованного согласия на использование данных в научных публикациях, что обусловило опору исключительно на эмпирический опыт тьютора. Тем не менее, воспроизводимость описанного алгоритма подтверждается обратной связью педагога и чёткой фиксацией динамики в дневнике.

Выводы и практические рекомендации

1. Профилактика сенсорных перегрузок у первоклассников с РАС требует перехода от реактивного реагирования к проактивному структурированию среды.

2. Модель «сенсорного маршрута», центральным элементом которого является регламентированный сенсорный чемоданчик, эффективно заменяет дезадаптивные реакции на безопасные тактильные стратегии, снижая учебную дезорганизацию класса.

3. Успешность внедрения зависит от согласованности действий тьютора и учителя, чёткости правил использования материалов и постепенного снижения внешней поддержки.

4. Для масштабирования опыта рекомендуется: внедрять единые протоколы фиксации сенсорных инцидентов на уровне школы; проводить обучающие семинары для педагогов начальных классов по основам сенсорной регуляции при РАС; разрабатывать индивидуальные сенсорные карты обучающихся в рамках ПМПК-сопровождения.

Практическая значимость работы заключается в предоставлении тьюторам и студентам-практикантам готового, эмпирически проверенного

алгоритма профилактики перегрузок, который может быть адаптирован под индивидуальные сенсорные профили обучающихся начальной школы.

Список литературы

1. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья : утв. Приказом Минобрнауки России от 19.12.2014 № 1598 (ред. от 17.02.2023). – Москва : Просвещение, 2023. – 48 с.

2. Баенская, Е. Р. Помощь в воспитании детей с особым эмоциональным развитием (ранний и дошкольный возраст) / Е. Р. Баенская. – Москва : Теревинф, 2021. – 112 с. – ISBN 978-5-907186-45-3.

3. Никольская, О. С. Аутичный ребенок. Пути помощи / О. С. Никольская, Е. Р. Баенская, М. М. Либлинг. – 7-е изд. – Москва : Теревинф, 2020. – 256 с. – ISBN 978-5-907186-12-8.

4. Методические рекомендации по организации психолого-педагогического сопровождения обучающихся с расстройствами аутистического спектра в условиях инклюзивной школы / Федеральный ресурсный центр МГППУ. – Москва : МГППУ, 2023. – 72 с.

5. Психология детей с нарушениями развития : учебное пособие / под ред. Л. М. Шипицыной. – 3-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург : Речь, 2021. – 352 с. – ISBN 978-5-9268-2987-1.

6. Чулкова, Р. Н. Дисфункция сенсорной интеграции у детей с расстройствами аутистического спектра / Р. Н. Чулкова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 4-2. – С. 145–148.

7. Литвинова, Г. В. Специфика работы тьютора в системе инклюзивного образования / Г. В. Литвинова // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (30). – С. 78–87.

8. Межведомственный комплексный план развития инклюзивного образования в Российской Федерации на 2022–2030 годы : утв. Минпросвещения России, 2023. – Москва, 2023. – 34 с.

9. Grandin, T. The Autistic Brain: Thinking Across the Spectrum / T. Grandin, R. Panek. – Boston : Mariner Books, 2021. – 288 p. – ISBN 978-0-358-71692-1.

10. Smith, M. J. Evidence Base Update for Psychosocial Treatments for Autism Spectrum Disorder in Youth / M. J. Smith, M. Iadarola // Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology. – 2015. – Vol. 44, № 6. – P. 897–922.

© Авдюхова В.Д., 2026

РАЗВИТИЕ РЕЧИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Бариева Татьяна Юрьевна

студент 4 курса группы ДН-22-з(б)

Научный руководитель: **Борисова Любовь Петровна**

к.п.н., доцент

ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», филиал в г. Ессентуки

Аннотация: статья посвящена развитию речи у детей дошкольного возраста. Рассматриваются основные направления речевого развития: звукопроизношение, словарь, грамматика и связная речь. Особое внимание уделяется играм и упражнениям, которые помогают ребёнку активнее общаться, расширять словарный запас, развивать фонематический слух и мелкую моторику. Показана роль семьи, детского сада и повседневного общения в формировании речи дошкольника.

Ключевые слова: развитие речи, дошкольный возраст, речевые игры, связная речь, словарный запас, фонематический слух, мелкая моторика, звукопроизношение, семья, детский сад.

SPEECH DEVELOPMENT IN PRESCHOOL CHILDREN

Barieva Tatyana Yuryevna

Academic supervisor: **Borisova Lyubov Petrovna**

PhD, Associate Professor

Stavropol State Pedagogical Institute, Essentuki Branch

Abstract: the article is devoted to speech development in preschool children. It considers the main areas of speech development, including pronunciation, vocabulary, grammar, and coherent speech. Special attention is given to games and exercises that help children communicate more actively, expand their vocabulary, develop phonemic hearing, and improve fine motor skills. The role of the family, kindergarten, and everyday communication in shaping a child's speech is also emphasized.

Key words: speech development, preschool age, speech games, coherent speech, vocabulary, phonemic hearing, fine motor skills, sound pronunciation, family, preschool education.

Игры и упражнения занимают особое место в развитии речи дошкольников, поскольку именно в игровой форме ребёнок легче включается в общение, охотнее повторяет слова и фразы, учится слушать, отвечать, задавать вопросы и строить высказывания. Для дошкольного возраста игра является естественным способом познания мира, поэтому речевые навыки формируются наиболее успешно тогда, когда ребёнок не просто выполняет задание, а действует эмоционально, заинтересованно и с удовольствием. Регулярные речевые игры помогают расширять словарный запас, развивать связную речь, фонематический слух, грамматический строй языка, а также формировать правильное звукопроизношение.

Одним из самых эффективных направлений являются игры на развитие словаря. Это могут быть упражнения на называние предметов, подбор признаков и действий, классификацию по темам: «Что бывает круглым?», «Кто что делает?», «Назови ласково», «Скажи наоборот». Такие задания учат ребёнка не только запоминать новые слова, но и понимать их значение, употреблять в нужном контексте, подбирать точные определения. Полезны и игры с картинками, когда взрослый предлагает найти лишний предмет, назвать всё, что изображено, составить маленький рассказ по серии иллюстраций. Подобные упражнения развивают внимание, наблюдательность и умение строить логические связи.

Для формирования связной речи особенно важны пересказ, описание и составление рассказов. Сначала ребёнок учится отвечать на вопросы по картинке, затем — строить короткое повествование по плану, а позже — самостоятельно рассказывать о событии, игрушке, прогулке или любимом персонаже. Здесь хорошо работают упражнения «Продолжи сказку», «Что было сначала, а что потом?», «Расскажи по цепочке». Они помогают ребёнку последовательно излагать мысли, использовать связующие слова, соблюдать логику и не терять основную тему.

Большое значение имеют пальчиковые игры и упражнения, связанные с мелкой моторикой. Связь между движением пальцев и речью давно подтверждена практикой: чем активнее ребёнок работает руками, тем легче ему осваивать речь. Лепка, нанизывание бусин, шнуровка, мозаика, рисование пальчиками, игры с прищепками — всё это не только развивает координацию, но и способствует речевой активности. В ходе таких занятий полезно сопровождать действия короткими стихами, потешками, чистоговорками, побуждая ребёнка повторять отдельные слова и ритмичные фразы.

Отдельную группу составляют игры на развитие фонематического слуха и звукопроизношения. Это упражнения на различение звуков, повторение слогов, подбор слов на заданный звук, отхлопывание ритма, определение первого и последнего звука в слове. Чистоговорки, скороговорки и речевые разминки помогают отрабатывать чёткую артикуляцию, темп речи и дикцию. При этом важно не перегружать ребёнка: задания должны быть короткими, понятными и эмоционально привлекательными.

Таким образом, игры и упражнения являются не просто дополнительным средством, а основой эффективного речевого развития дошкольника. Они создают условия для естественного и радостного освоения языка, делают речь ребёнка более богатой, выразительной и грамотной. Главное в работе взрослого — поддерживать интерес, хвалить за попытки, идти от простого к сложному и превращать каждое занятие в увлекательное общение.

Как родители могут помочь ребёнку заговорить

Роль родителей в развитии речи ребёнка невозможно переоценить: именно в семье малыш получает первый и самый важный опыт общения. Если взрослые внимательно относятся к словам, интонации и эмоциональному отклику, ребёнок быстрее начинает понимать речь, а затем и сам говорить. Помочь ребёнку заговорить можно не только с помощью специальных занятий, но и через простые ежедневные ситуации, которые становятся основой речевого развития.

Развитие речи у детей дошкольного возраста — одна из важнейших задач раннего воспитания и обучения. Именно в этот период формируются первые навыки общения, расширяется словарный запас, совершенствуется произношение и развивается умение строить связные высказывания. Речь помогает ребёнку не только выражать свои мысли и чувства, но и успешно взаимодействовать со взрослыми и сверстниками, познавать окружающий мир и уверенно чувствовать себя в разных ситуациях.

Особую роль в речевом развитии играют семья, детский сад и повседневное общение. Чтение книг, разговоры, игры, совместные наблюдения и творческие занятия создают благоприятные условия для формирования речи. Чем раньше взрослые начнут уделять внимание этому процессу, тем легче ребёнку будет осваивать знания, учиться и адаптироваться в обществе. В статье рассмотрим основные особенности и способы развития речи у дошкольников.

Что такое развитие речи у дошкольников

Развитие речи у дошкольников — это сложный и многосторонний процесс, в ходе которого ребёнок постепенно овладевает языком как средством общения, познания и выражения собственных мыслей. В дошкольном возрасте речь не просто становится более понятной и связной: она начинает играть ведущую роль в психическом развитии ребёнка, помогая ему взаимодействовать с окружающими, усваивать новые знания, планировать действия и регулировать поведение. Именно в этот период закладываются основы правильного произношения, расширяется словарный запас, формируются грамматически верные конструкции, а также развивается связная и выразительная речь.

Под развитием речи понимают не только умение произносить слова и строить предложения. Это ещё и способность понимать обращённую речь, различать оттенки значений, задавать вопросы, пересказывать услышанное, описывать предметы и события, вести диалог со взрослыми и сверстниками. Для дошкольника речь становится инструментом мышления: через слова он учится обобщать, сравнивать, устанавливать причинно-следственные связи, выражать эмоции и желания. Чем активнее развивается речь, тем успешнее ребёнок адаптируется в социальной среде и тем легче ему осваивать дальнейшее обучение.

Развитие речи у детей дошкольного возраста включает несколько взаимосвязанных направлений. Первое из них — фонетическое развитие, то есть формирование правильного звукопроизношения и развитие фонематического слуха. Ребёнок учится слышать и различать звуки родного языка, что является основой для будущего грамотного чтения и письма. Второе направление — лексическое развитие, связанное с накоплением и уточнением словаря. Дошкольник постепенно усваивает названия предметов, действий, признаков, пространственных и временных отношений, учится употреблять слова в разных значениях. Третье направление — грамматический строй речи. В этом возрасте ребёнок осваивает согласование слов в роде, числе и падеже, правильное употребление предлогов, построение распространённых предложений. Четвёртое — развитие связной речи, то есть умения последовательно и логично излагать мысли, составлять рассказы по картинке, пересказывать текст, описывать явления и события.

Особенность дошкольного возраста заключается в том, что речь развивается особенно интенсивно и тесно связана с игровой деятельностью,

общением и предметными действиями. Ребёнок лучше всего усваивает языковые средства в естественных ситуациях: в игре, беседе, совместной деятельности, чтении книг, рассматривании иллюстраций. Важно, чтобы взрослые не только исправляли ошибки, но и создавали речевую среду, в которой ребёнок слышит грамотную, богатую и эмоционально выразительную речь. Тогда развитие речи происходит не формально, а в процессе живого общения, что делает его более эффективным.

Список литературы

1. Алексеева М. М., Яшина В. И. Методика развития речи и обучения родному языку дошкольников : учеб. пособие для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. 3-е изд., стереотип. М. : Издательский центр «Академия», 2000. 400 с.
2. Бородич А. М. Методика развития речи детей : учеб. пособие. М. : Просвещение, 1981. 255 с.
3. Гербова В. В. Развитие речи в детском саду : программа и методические рекомендации. М. : Мозаика-Синтез, 2014. 64 с.
4. Глухов В. П. Методика формирования навыков связных высказываний у дошкольников с общим недоразвитием речи : учебно-методическое пособие для студентов педагогических и гуманитарных вузов и практикующих логопедов. 2-е изд., испр. и доп. М. : В. Секачев, 2014. 232 с.
5. Колесникова Е. В. Развитие речи у детей 2–3 лет : учебно-методическое пособие к иллюстрированному материалу «От звукоподражаний к словам». М. : Бинوم. Лаб. знаний, 2019. 64 с.
6. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М. : Просвещение, 1969. – 214 с.
7. Лурия А. Р. Язык и сознание / под ред. Е. Д. Хомской. М. : Издательство Московского университета, 1979. 320 с.
8. Максаков А. И. Правильно ли говорит ваш ребенок. 2-е изд., испр. М. : Просвещение, 1988. 159 с..
9. Ушакова О. С. Развитие речи дошкольников. М. : Издательство Института психотерапии ; Институт дошкольного воспитания и семейного образования РАО, 2001. 240 с.
10. Филичева Т. Б., Чиркина Г. В. Устранение общего недоразвития речи у детей дошкольного возраста. М. : Айрис-пресс, 2008. 224 с.

© Бариева Т.Ю.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО РАЗРАБОТКЕ И ВЕДЕНИЮ КЛУБА АЗИАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БИБЛИОТЕКЕ

Рудина Елизавета Андреевна

студент

Научный руководитель: **Суханова Елена Владимировна**

к.п.н., доцент

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Аннотация: в статье автор рассматривает полный цикл организации клубной деятельности: от зарождения идеи и проведения анкетирования для подтверждения актуальности до разработки регламентирующих документов (паспорт клуба, устав, план работы) и составления тематического плана встреч. В качестве примеров приводятся темы первых заседаний, посвящённых k-pop музыке, аниме Хаяо Миядзаки и рисованию манхвы.

Ключевые слова: клубы по интересам, клубные объединения, азиатская культура, библиотека, библиотечный клуб, культура Кореи, Японии, Китая.

RECOMMENDATIONS FOR THE DEVELOPMENT AND MANAGEMENT OF AN ASIAN CULTURE CLUB IN A LIBRARY

Rudina Elizaveta Andreevna

Scientific adviser: **Sukhanova Elena Vladimirovna**

Abstract: in the article, the author examines the full cycle of organizing club activities: from the inception of an idea and conducting a questionnaire to confirm its relevance, to the development of regulatory documents (club passport, charter, and work plan) and the creation of a thematic meeting plan. As examples, the article provides topics for the first meetings, which focused on k-pop music, anime by Hayao Miyazaki, and drawing manhwa.

Key words: interest clubs, club associations, Asian culture, library, library club, culture of Korea, Japan, and China.

Библиотечные клубы стали одной из форм массовой работы, которую нужно правильно организовать. Для начала дадим определение: клуб при библиотеке – это «добровольное объединение пользователей, имеющих общие

или близкие познавательные, эстетические интересы, основным средством удовлетворения которых служит книга, чтение» [1]. Отличительной особенностью клубов азиатской культуры можно считать его широкий тематический спектр. Беря за основу одно из проявлений культуры азиатских стран (Кореи, Японии или Китая), следует учитывать его неотделимость от всей истории страны.

В марте 2024 года на базе детской библиотеки им И.А. Крылова в городе Ижевске был открыт клуб азиатской культуры «Made in Korea», инициатором и организатором которого явился автор. Поучаствовав в разработке клуба, а потом и ведя его в течение шести месяцев, мы сформировали некоторые рекомендации, которые будут полезными при создании подобного клуба азиатской культуры в любой библиотеке.

Основываясь на методическом пособии Н.В. Иванько «Клубы и любительские объединения в библиотеках: методические рекомендации» [1], мы выделили следующие важные моменты при организации клуба:

- Добровольный характер деятельности.
- Наличие интереса к определенному виду деятельности.
- Включение каждого участника в процесс деятельности.
- Игровой характер занятий.
- Развитая форма самоуправления.
- Относительно стабильный состав группы при ее организационном оформлении.

Далее на примере клуба «Made in Korea» рассмотрим этапы создания.

Первым этапом является сама идея создания клубного объединения, именно тогда формируется его концепция. Она может возникнуть из увлечений сотрудников библиотеки. Именно так и появилась идея создания библиотечного клуба «Made in Korea». Нам хотелось создать пространство для пользователей, где можно поддержать и разделить с другими свое увлечение азиатской культурой.

Возникшую идею следует закрепить исследованием. В нашем случае мы провели анкетирование, которое помогло подтвердить актуальность клуба и выявить целевую аудиторию. Далее определяем цель и задачи клуба, формы работы, а также место дислокации, время и частоту встреч. Основной целью создания клуба мы обозначили: привлечение в библиотеку и клуб молодых пользователей, интересующихся азиатской культурой (литературой, музыкой, кино), через различные коммуникативные активности.

Следующим этапом идет разработка регламентирующих документов.

К основным документам относятся: паспорт клуба, устав, план работы. Далее, после запуска клуба, к ним добавятся: список участников и дневник мероприятия. Н.В. Иванько дает следующее определение дневнику мероприятий – это «основной документ, отражающий работу клуба. Здесь по мере проведения, в хронологическом порядке фиксируются, описываются и анализируются все основные мероприятия клуба: заседания, сборы, встречи и т.д., как запланированные, так и незапланированные» [1].

Далее идет составление тематического плана клубных встреч. Перед его разработкой следует ознакомиться с актуальными направлениями и взять их за основу для первых встреч. Так, для первой клубной активности мы взяли направление музыки – k-поп и рассказали о популярных группах, таких как BTS и Stray Kids. Вот тематика нескольких проведенных встреч клуба «Made in Korea»:

- просмотр и обсуждение фильмов «Дитя чудовища» режиссера Мамору Хосода, «Мой сосед Тоторо» и «Рыбка Понье на утесе» режиссера Хаяо Миядзаки;

- знакомство с творчеством групп «BTS» и «STRAY KIDS»;

- встречи по рисовке манхвы.

Следующий шаг – привлечения пользователей на первую встречу. Необходимо разработать афишу и сопроводительный пост для социальных сетей или сайта библиотеки, в котором анонсируется мероприятие (см. рис. 1).

Рис. 1. Пост-анонс в группе библиотеки

Далее каждая встреча клуба сопровождается постом и краткой тематической аннотацией.

Заключительным этапом становится проработка первой встречи. Именно она задаст вектор движения клуба, на ней важно заинтересовать пользователей, анонсировать темы следующих собраний. Например, первую встречу клуба «Made in Korea» было решено провести в формате дискуссии, чтобы участники познакомились друг с другом и рассказали о своих любимых аниме и дорамах. На первой же встрече нужно предложить тематику последующих встреч, выслушать все предложения, запротоколировать их в дневнике работы клуба.

Проведя первую встречу важно собрать и проанализировать мнения участников, откорректировать дальнейшие планы. Также после первой встречи необходимо подтвердить или опровергнуть предположения относительно целевой аудитории, сориентироваться по формам и тематикам дальнейших встреч. Нужно быть готовыми к тому, что все последующие встречи могут проходить не по плану, так как меняются условия, интересы и пожелания аудитории в процессе обсуждения. Руководителю клуба необходимо уметь адаптироваться и хорошо владеть темой (см. рис. 2).

Рис. 2. Пост о следующей встрече в группе библиотеке

Таким образом, организация и ведение клуба азиатской культуры в библиотеке, безусловно, подразумевает под собой постоянную адаптацию под аудиторию, корректировку тематики, заинтересованность ведущего клуба, его знание истории и культуры азиатских стран. Вся жизнеспособность клуба зависит от инициативы и вовлеченности не только его создателя, но и участников. Если разработчик клуба увольняется из библиотеки, не передав свои полномочия и не заинтересовав данной темой кого-то из сотрудников, есть вероятность, что деятельность клуба прекратится. Посредством клубной деятельности в библиотеке можно поднять уровень осведомленности участников встреч о культуре страны, расширить рамки их восприятия данной темы, найти среди пользователей людей увлеченных, со временем приобщив их к участию во встречах клуба не только как слушателей, но и как соведущих.

Список литературы

1. Клубы и любительские объединения в библиотеках: методические рекомендации / МБУК МО Кореновский район «КМЦРБ»; сост. Н.В. Иванько; отв. за вып. О.Н. Николаева. – Кореновск, 2024. – 18 с.

2. Клубы по интересам в библиотеках: методика организации и работы / Муницип. бюджет. учреждение культуры «ЦБС Яковлевского городского округа»; сост. Т.А. Сергеева; оформ. обл. Т.С. Лаздовская. – Строитель, 2020. – 40 с.

© Рудина Е.А., 2026

РЕАЛИЗАЦИЯ ЦИКЛА ВЫСТАВОК «ЛИТЕРАТУРНОЕ СТРАНСТВИЕ» В БИБЛИОТЕКЕ

Тонкоева Алина Валерьевна

студент

Научный руководитель: **Суханова Елена Владимировна**

к.п.н., доцент

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Аннотация: в статье рассматривается процесс подготовки и реализации цикла библиотечных выставок «Литературное странствие» для молодежного пространства «Территория подростка» в библиотеке-филиале им. И.А. Крылова в городе Ижевске. Приведены основные понятия, связанные с выставочной деятельностью. Описано пространство библиотеки, где реализуются выставки и описан опыт размещения нескольких из них. Раскрывается виртуальная трансформация традиционных библиотечных выставок.

Ключевые слова: библиотека, библиотечная выставка, подростки, виртуальная выставка, молодежное пространство, популяризация чтения, интерактивность.

REALIZATION OF THE EXHIBITION CYCLE «LITERARY JOURNEY» IN THE LIBRARY

Tonkoeva Alina Valeryevna

Scientific adviser: **Sukhanova Elena Vladimirovna**

Abstract: the article discusses the process of preparing and implementing the cycle of library exhibitions «Literary Journey» for the youth space «Territory of a Teenager» at the I.A. Krylov Branch Library in the city of Izhevsk. The main concepts related to exhibition activities are presented. The library space and the experience of hosting several exhibitions from the cycle are described. The article also mentions the virtual transformation of traditional library exhibitions.

Key words: library, library exhibition, teenagers, virtual exhibition, youth space, promotion of reading, interactivity.

Современная библиотека становится динамичным культурным пространством, которое стремится соответствовать разнообразным запросам пользователей, в особенности, подростков. Если библиотека не найдет точки соприкосновения с этой категорией пользователей, то подростки не будут рассматривать библиотеку как место для проведения свободного от учебы времени.

Библиотека-филиал им. И.А. Крылова (г. Ижевск) представляет собой удобную и функциональную площадку для проведения разнообразных мероприятий. Ее большим преимуществом является расположение в центральной части города, где в окружении большой жилой микрорайон, множество школ, детских садов и клубов по интересам. Именно поэтому библиотека потенциально и реально привлекательна для детей, подростков и их родителей. Особую значимость имеет открытие 17 октября 2024 года в рамках проекта «Атмосфера» пространства «Территория подростка», ориентированного на молодежную аудиторию и подготовленное с учетом молодежных ожиданий. Его появление призвано усилить вовлеченность молодых людей в жизнь библиотеки и стимулировать их интерес к интеллектуальному и творческому досугу. Важнейшим элементом пространства стал обновленный фонд литературы с возрастным рейтингом 12+, который пользуется у подростков повышенным спросом ввиду актуальности и доступности.

Используя обновленный подростковый фонд и другие ресурсы библиотеки, в рамках нашего исследования мы разрабатываем и реализуем цикл выставок «Литературное странствие», который сочетает традиционный и виртуальный форматы. Такая работа направлена на популяризацию чтения среди подростков, расширение их кругозора через полезные и интерактивные мероприятия, сопровождающие наши выставки.

Напомним, что выставка занимает в деятельности библиотек важное место. Создаются выставки для разных целей:

- привлечения новых и удержание уже постоянных пользователей;
- распространения актуальной информации;
- раскрытия определенной темы;
- вовлечение в интерактив и т.д.

Сочетание традиционного и виртуального форматов библиотечной выставки добавляет им привлекательности в глазах современных подростков, так как свою жизнь они не представляют без экранного времени. Поэтому

задача библиотеки сделать это время максимально интеллектуальным. Из методического пособия Г. Гаязовой мы видим, что «библиотечная выставка – это публичная демонстрация специально подобранных и систематизированных произведений печати и других носителей информации, рекомендуемых пользователям библиотеки для обозрения и ознакомления» [1, с. 4]. Следовательно, выставка всегда имеет конкретную цель и целевую аудиторию. Важнейшей составляющей современной библиотечной выставочной деятельности является интерактивность. Как утверждает Л.В. Чечулина, «экспозиция должна включать некоторые элементы взаимодействия с участниками и посетителями данного мероприятия. В том числе, элементы взаимодействия в цифровом пространстве» [2, с. 4].

Название цикла выставок для молодежного пространства библиотеки «Литературное странствие» содержит идею знакомства с авторами разных стран и разных культур. Рассмотрим наш опыт организации нескольких выставок из цикла. Первая из них ориентирована на знакомство с немецкими авторами и получила название «Новая Германия для юных читателей». Она разместилась в чемодане на подоконнике библиотеки (см. рис. 1). Чемодан – атрибут путешествий. Для выставки была отобрана современная подростковая литература 12+ таких немецких авторов, как К. Бойе, М. Ауэр, А. Хаке и других.

Рис. 1. Выставка в чемодане «Новая Германия для юных читателей»

Рис. 2. Фото с мероприятия «Новая Германия для юных читателей»

Атмосфера путешествия поддерживалась определенными атрибутами. В комплексное мероприятие включалась медиабеседа о Германии: ее символике, национальных блюдах, достопримечательностях и т.д. После этого был проведен библиографический обзор (см. рис. 2). Учащиеся 8 и 6 классов, которые посетили данное мероприятие, активно задавали вопросы и участвовали в обсуждении.

Еще одна выставка «Фэнтези из Страны Звезд» знакомила подростков с миром американского фэнтези. Концепция осталась прежней: вначале был проведен краткий экскурс по стране, а затем библиографический обзор. Среди экспонируемых книг были «Дом странных детей» Р. Риггз, «Драконья сага» Т. Сазерленд и другие. Для большей интерактивности добавили игру в формате «бинго» с утверждениями о читательских предпочтениях.

После обзора книг подростки проявили интерес к самой выставке: рассматривали книги, заполняли бинго и решали кроссворд. Опрос показал, что такой формат знакомства со странами и литературой вызывает у аудитории доверие и положительный отклик. Такая рефлексия настраивает на продолжение проекта. К каждой выставке, описанной выше, добавились виртуальные аналоги, которые размещались в сообществе библиотеки в социальных сетях (см. рис. 3).

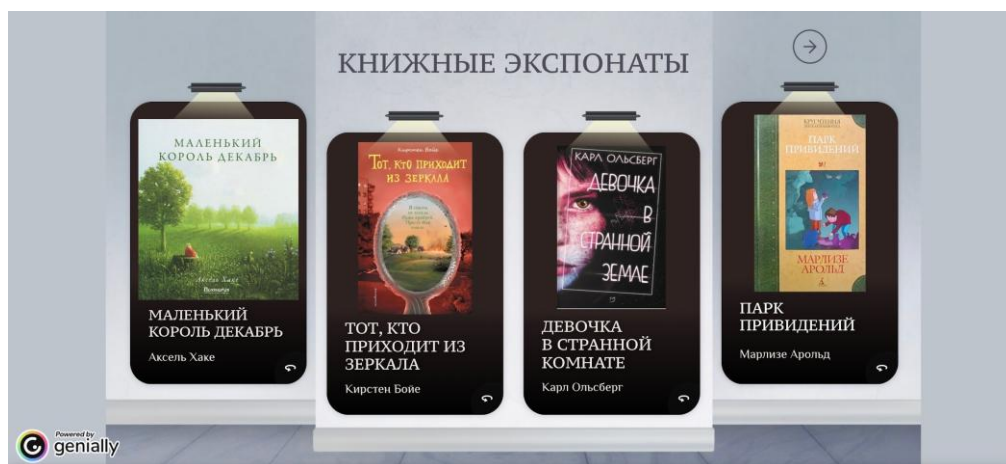

Рис. 3. Фрагмент одной из виртуальных выставок

Таким образом, в современных условиях библиотечную выставку, ориентированную на подростков, просто необходимо превращать в познавательно-развлекательное интеллектуальное мероприятие в двух пространствах (реальном и виртуальном), которое может удержать внимание такой активной аудитории. Наличие в практике работы библиотек комплексных циклов мероприятий, органично сочетающих экспозиционную деятельность с интерактивными и цифровыми форматами, способно эффективно вовлекать подростковую аудиторию в процесс чтения.

Список литературы

1. Выставки: подготовка, требования, виды / сост. Г. Ф. Гаязова; тех. ред. О.Б. Бежанян. – Нефтекамск: Библиоцентр, 2016. – 32 с.
2. Выставочная деятельность библиотеки: методический материал / Детско-юношеская библиотека Республики Карелия; авт. - сост. Л.В. Чечулина. – Петрозаводск: ДЮБ РК, 2011. – 22 с.

© Тонкоева А.В., 2026

**ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ МЕТОДА ПРОЕКТОВ В РАМКАХ ИЗУЧЕНИЯ
МОДУЛЯ «ЭКОНОМИКА» КУРСА «ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ»
В 10-11-Х КЛАССАХ**

Лубочкина Анастасия Андреевна

студент 5 курса

Научный руководитель: **Игумнов Олег Александрович**

д.с.н., доцент, профессор кафедры
экономической теории и менеджмента
МПГУ

Аннотация: в статье описан опыт внедрения метода проектов при изучении модуля «Экономика» в курсе «Обществознание» в 10-11-х классах одной из школ Московской области. Автором показано, что проектная деятельность помогает формировать у старшеклассников критическое мышление, навыки командной работы и самостоятельного решения задач. Приведены примеры проектов, представлен анализ типичных трудностей, предложены практические рекомендации для учителей. В качестве положительных результатов отмечен рост познавательного интереса обучающихся и более глубокое освоение содержания экономических понятий.

Ключевые слова: метод проектов, проектное обучение, обучение экономике.

**THE THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE PROJECT METHOD AS A
TECHNOLOGY OF ECONOMY TEACHING IN SECONDARY SCHOOLS**

Lubochkina Anastasija Andreevna

Scientific adviser: **Igumnov Oleg Alexandrovich**

professor of the Economic

Theory and Management Department

Doctor of Sociological Sciences

Associate Professor

Abstract: the article describes the experience of implementing the project method when studying the Economics module in the Social Studies course in grades 10-11 in the schools of Moscow region. The author shows how project activity helps to form critical thinking, teamwork and independent problem-solving skills in

high school students. Examples of projects are given, typical difficulties are analyzed, and practical recommendations for teachers are offered. The implementation results indicate the economic concepts cognitive interest students and understanding increasing.

Key words: project method, project-based learning, economy teaching.

Проектный метод является ключевым элементом профессиональной культуры в любой отрасли, а его внедрение в школьное обучение приобретает всё большую значимость. Это объясняется потребностью в развитии у школьников критического мышления, навыков командной работы и самостоятельного поиска решения [1, с.142].

Для определения эффективности обучения с применением метода проектов был проведен педагогический эксперимент на базе одной из общеобразовательных организаций Московской области. Эксперимент включал в себя несколько этапов: анкетирование, проведение контрольной работы, внедрение метода проекта в рамках предмета «Экономика». Респонденты были поделены на две группы: первая обучалась с применением метода проектов в образовательном процессе, вторую группу составили обучающиеся, осваивавшие содержание предмета без использования метода проектов.

Цель анкетирования 96 обучающихся 10-х и 11-х классов заключалась в комплексной оценке результативности методов проектов, выявлении предпочтений обучающихся в формах учебной деятельности, а также в определении уровня мотивации к изучению предмета «Экономика».

Результаты первого этапа исследования демонстрируют ориентацию обучающихся на практико-ориентированные формы обучения, при этом выявлен ряд существенных трудностей, препятствующих эффективному освоению дисциплины, а также заинтересованность в стремлении обучающихся к активному участию в образовательном процессе, готовность брать на себя ответственность за результаты обучения и определении уровня использования цифровых инструментов как на уроках экономики, так и в целом (табл.1).

Выводы по результатам анкетирования подчеркивают необходимость внедрения метода проектов в образовательный процесс, поэтому было принято решение о формировании двух групп: из обучающихся 10 «А» и 11 «А» классов – экспериментальной, обучающихся 10 «Б» и 11 «Б» классов –

контрольной. В первой группе проводились уроки с применением метода проектов, во второй группе – занятия в традиционной форме.

Таблица 1

Результаты анкетирования обучающихся 10-х и 11-х классов

Утверждение	Согласны с данным утверждением, %
Предпочтительный вариант практического задания – разработка и защита проекта	75
Необходимо уделять больше времени практическим заданиям и ролевым ситуациям на уроках экономики	76
Главный мотиватор в обучении:	
• подготовка к экзаменам	82
• интерес к предмету	52
• стремление получить хорошую оценку	59
Трудности, препятствующие эффективному освоению дисциплины:	
• недостаток необходимых знаний и навыков	67,7
• нехватка времени для полноценной проработки материала	51
• расчёты экономических показателей	46,9
• анализ графиков и диаграмм	33,3
Оценка уровня уверенности в собственных компетенциях:	
• оцениваю свой уровень навыков поиска информации и работы в команде на 3-4 балла	70
• оцениваю свои навыки работы с компьютерными технологиями на 3-4 балла	72
Применение нейросетей и цифровых технологий:	
• использую хотя бы раз в неделю	51
• использую практически на каждом занятии	18
• не использую на уроках экономики	65
Предпочтительные формы контроля знаний для обучающихся:	
• защита проектов	44
• контрольные работы	35
• устные ответы у доски	17

Второй этап исследования включал контрольную работу, направленную на выявление уровня ключевых экономических понятий; сформированности навыков работы с учебной информацией; элементарного экономического мышления; подготовку к формату ЕГЭ посредством постепенного

выполнения типовых заданий; выявление пробелов в знаниях для их последующей коррекции.

Структура работы учитывала возрастные особенности обучающихся, а также была направлена проверку знаний по изученным темам для повышения полноты исходных данных при сравнении результатов. Итоги выполнения контрольной работы представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Результаты выполнения контрольной работы обучающимися
10-х и 11-х классов**

Класс	Кол-во обучающихся	Оценка				Успеваемость, %	Средний балл
		«5»	«4»	«3»	«2»		
10«А»	24	1	5	12	6	75	3
10«Б»	24	0	4	13	7	71	2,9
11«А»	24	2	6	10	6	75	3,2
11«Б»	24	1	3	11	9	62,5	2,8

Результаты выполнения контрольной работы сформировали представление об общем уровне освоения материала обучающимися 10-х и 11-х классов, которая содержит ряд проблемных аспектов. Средний балл по всем классам колеблется в диапазоне 2,8–3,2, а средний показатель качества знаний не превышает 34%, причём в двух классах показатель составил 16,7%.

Третий этап исследования – внедрение в образовательный процесс метода проектов – начался с разделения обучающихся на 6 рабочих групп по 4 человека в каждой. Формирование групп проводилось с учётом результатов предварительного анкетирования и контрольной работы, в ходе которых были выявлены интересы и предпочтения обучающихся в формате проведения занятий, уровень знаний по предмету, коммуникативные навыки и лидерские качества. Данный подход позволил обеспечить сбалансированность состава команд, возможность взаимообучения и взаимопомощи, а также формирование коллективной ответственности за общий результат. В каждой группе были распределены роли: «организатор», «аналитик», «дизайнер», «ведущий», а также предложены темы для проектов.

Работа над проектами осуществлялась в течение 10 учебных недель и включала следующие этапы:

1. *подготовительный*: выбор темы проекта, формирование групп, постановка целей и задач, составление детального плана работы, распределение ролей внутри группы;

2. *исследовательский*: сбор и анализ информации из различных источников;

3. *оформительский*: визуализация результатов, подготовка выступления, корректировка материалов на основе обратной связи от учителя;

4. *заключительный*: публичная защита проектов, рефлексия, обсуждение результатов, оценка вклада каждого участника группы.

Критерии оценки проектов:

- содержание проекта;
- оформление и визуализация;
- защита и презентация проекта;
- уровень командной работы;
- индивидуальная оценка каждого участника команды, исходя из его роли и вклада в общую картину проекта.

Каждый обучающийся составил отчёт о проделанной работе, представил его в приложении к проекту.

Анализ представленных проектов показал, что обучающиеся не только освоили новые экономические понятия на уровне требований ФГОС СОО, но и увлеклись процессом исследования реальных экономических ситуаций, научились работать с достоверными источниками информации, обучающиеся улучшили навыки финансовых вычислений.

Значительный прогресс отмечен в развитии коммуникативных навыков: работая в командах, обучающиеся научились договариваться, распределять обязанности и поддерживать друг друга. Освоение инструментов визуализации проявилось в уровне оформления презентаций с использованием графиков и таблиц, которые помогали доходчиво донести результаты проекта. Данный формат помог им не только запомнить термины, но и понять суть экономических процессов и их практическое значение.

В 10 «Б» и 11 «Б» классах обучение экономике проводилось в традиционном формате без использования методов проектного обучения. Процесс строился по классической схеме: основу составляли уроки с объяснением теоретического материала, за которыми следовало выполнение практических заданий; самостоятельных, контрольных работ.

Начальный уровень знаний в обеих группах был невысоким: средний балл варьировался от 2,8 до 3,2, что свидетельствовало о наличии у

обучающихся проблем в освоении содержания модуля «Экономика». После трёх месяцев обучения результат позитивно заметно изменился, причём динамика в группах оказалась принципиально разной. В первой группе, где применялся проектный метод, динамика оказалась существенной: средний балл вырос на 0,85. При этом в обоих классах этой группы полностью исчезли неудовлетворительные оценки, что говорит о качественном сдвиге в освоении материала – доля оценок «4» и «5» у обучающихся первой группы достигла 79,2%.

Во второй группе, обучавшейся в привычном формате, динамика была менее существенной: в отличие от первой группы, средний балл вырос на 0,3 что в 2,8 раз меньше, чем в первой группе. В данной группе по-прежнему сохранилась значительная доля удовлетворительных оценок, а неудовлетворительные оценки отмечены у более чем 15% обучающихся; успеваемость не превысила 87,5%.

Полученные результаты дают основания для ряда выводов. В частности, преимущество проектного метода заключается не в механическом повышении оценок, а в глубинном изменении подхода к обучению. Обучающиеся перестали воспринимать экономику как набор абстрактных формул и увидели возможности её практического применения: они работали с реальными кейсами, моделировали бизнес-процессы, рассчитывали бюджеты. Командная работа помогла обучающимся включиться в процесс посредством выполнения ролей в проектной группе, проявить лидерские качества и результативно улучшить методы взаимодействия в команде.

Для того чтобы проектный метод обеспечил результативность: прежде всего, углубление предметных знаний, развитие навыков самостоятельного поиска информации, командной работы, анализа данных, были разработаны практические рекомендации, которые предлагается интегрировать в образовательный процесс:

- система подготовки к реализации проектного метода обучения должна быть отражена в тематическом планировании, где каждый из этапов сопровождается решением конкретных задач;
- темы, предлагаемые для проектного задания, должны быть актуальными, соответствовать программе модуля и требованиям ФГОС СОО, учитывать возрастные особенности обучающихся, а также быть практикоориентированными, ориентированными на применение методов моделирования и анализа статистических данных;
- группы обучающихся для выполнения проекта формируются с учетом уровня подготовки, сильных сторон и проблемных аспектов развития

каждого ученика. Важно, чтобы внутри коллектива были выстроены правила коммуникации друг с другом, а также механизмы взаимоконтроля и поддержки;

- педагогическая поддержка и наставничество целесообразно осуществлять путем систематических консультаций, организации регулярных встреч команды, своевременной и конструктивной обратной связи, а также коррекции работы команды над проектом;

- по окончании проектной деятельности обязательны рефлексия в свободном формате: анкетирование, групповое обсуждение, сбор предложений, а также непосредственная демонстрация результатов деятельности

Реализация данных рекомендаций позволит сделать метод проектов эффективным инструментом обучения экономике, способствующим развитию функциональной грамотности, критического мышления и готовности обучающихся к решению практико-ориентированных экономических задач.

Активные формы обучения позволяют интегрировать различные аспекты знаний, развивать исследовательские навыки и применять теорию на практике, а также выстраивать индивидуальную образовательную траекторию для каждого старшеклассника, что особенно актуально при формировании экономических знаний с учетом профессиональных интересов и когнитивных особенностей учащихся 15-17 лет [2, с. 18].

Список литературы

1. Абидова, З. К. Метод проектов в образовании: теоретические основы и практика использования / З. К. Абидова // XVI Машеровские чтения : материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 21 октября 2022 года. Том 1. – Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2022. – С. 141-143.

2. Бенгина, Т. А. Способы мотивации проектной деятельности обучающихся / Т. А. Бенгина, Л. В. Лиманова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2025. – Т. 27, № 1(100). – С. 17-22.

© Лубочкина А.А.

**ФОРМИРОВАНИЕ ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ У ДЕТЕЙ:
РОЛЬ ПЕДАГОГА И МЕТОДЫ ВОСПИТАНИЯ**

Власенко Алина Сергеевна

студент

Научный руководитель: **Прокопенко Галина Ивановна**

доцент кафедры общей педагогики

и педагогических технологий

ГБОУ ВО «Ставропольский

государственный педагогический институт»

Аннотация: в статье рассматривается формирование лидерских качеств у детей как педагогически управляемый процесс, основанный на включении обучающихся в реальные социальные роли. Показано, что лидерство в детском коллективе не может сводиться к активности отдельных учеников или формальному участию в мероприятиях. На основе нормативных требований и научных публикаций анализируются роль педагога, возможности ученического самоуправления, проектной деятельности, коллективных творческих дел, игровых и кейс-технологий. Особое внимание уделено рискам стихийного лидерства, закрепления узкой группы активистов и подмены воспитательной работы формальными поручениями.

Ключевые слова: лидерские качества, детское лидерство, педагогическое сопровождение, воспитание, ученическое самоуправление, проектная деятельность, коллективное творческое дело, социальная активность.

**FORMATION OF LEADERSHIP QUALITIES IN CHILDREN: THE ROLE
OF THE TEACHER AND EDUCATIONAL METHODS**

Vlasenko Alina Sergeevna

State Budgetary Educational

Institution of Higher Education

«Stavropol State Pedagogical Institute»

Abstract: the article examines the formation of leadership qualities in children as a pedagogically guided process based on the involvement of students in

real social roles. It is shown that leadership in a children's group cannot be reduced to the activity of individual students or formal participation in school events. Based on regulatory requirements and scientific publications, the role of the teacher, the possibilities of student self-government, project activity, collective creative work, game and case technologies are analyzed. Special attention is paid to the risks of spontaneous leadership, the consolidation of a narrow group of active students and the substitution of educational work by formal assignments.

Key words: leadership qualities, children's leadership, pedagogical support, education, student self-government, project activity, collective creative work, social activity.

Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования не выделяет лидерство в самостоятельный результат, но фактически вводит его основные элементы в систему требований к обучающемуся. В числе личностных и метапредметных результатов закрепляются готовность к сотрудничеству со взрослыми и сверстниками, способность не создавать конфликтов, находить выходы из спорных ситуаций, участвовать в совместной деятельности, выполнять учебные и проектные задачи, работать на общий результат [1]. Это не декоративные формулировки. За ними стоит конкретная школьная практика: ребенок должен уметь предложить решение, согласовать его с другими, принять поручение, выполнить часть общего дела и соотнести собственное действие с интересами группы.

Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года задает ту же рамку шире. В документе акцент сделан на гражданской ответственности, социальной активности, поддержке детских общественных объединений, развитии воспитательной среды и участии детей в общественно значимой деятельности [2]. В такой логике лидерские качества уже нельзя понимать как личную яркость или стремление быть первым. Для школы важнее другое: способен ли ребенок действовать вместе с другими, брать ответственность за порученное дело, вести группу не за счет давления, а за счет организации совместной работы.

Проблема начинается там, где нормативная задача сталкивается с обычной жизнью класса. В каждом детском коллективе быстро появляются ученики, которые чаще говорят, чаще предлагают, чаще получают поручения. Они становятся «активом» класса. Остальные привыкают выполнять

второстепенные роли или вообще наблюдать со стороны. Формально воспитательная работа идет: проводятся праздники, проекты, конкурсы, акции. Фактически лидерские пробы получают одни и те же дети. Такая модель не развивает коллектив. Она закрепляет уже сложившуюся иерархию.

В исследовании А.А. Портнягиной и Л.Н. Габеевой показано, что в группе младших школьников большинство детей относится к категории ведомых, около 2 % обучающихся не принимаются классом, а группу лидеров обычно составляют 3–4 человека [3, с. 62–67]. Эти данные важны не как статистическая деталь. Они показывают педагогический риск: если учитель не вмешивается в распределение ролей, лидерство остается ресурсом небольшой группы. Одни дети накапливают опыт организации, публичного выступления и принятия решений. Другие годами остаются исполнителями.

Лидерство в детском возрасте не складывается только из уверенности и активности. Ребенок может громко говорить, быстро брать инициативу, спорить, настаивать на своем – и при этом не уметь слышать группу. Такое поведение внешне похоже на лидерство, но по сути может закреплять доминирование. Для воспитания важен другой набор качеств: целеустремленность, планирование деятельности, распределение обязанностей, активность, способность отстаивать мнение и одновременно соотносить его с коллективной задачей [3, с. 62–67]. Без этой связки активность легко превращается в конфликтность.

Поэтому педагогическая задача заключается не в поиске «прирожденных лидеров». Учитель работает с ситуациями. Он видит, кто способен предложить идею, кто умеет довести дело до конца, кто берет ответственность молча, кто влияет на сверстников через поддержку, а кто – через давление. В одном случае ребенку нужна публичная роль. В другом – малое поручение, где он впервые почувствует собственную значимость. В третьем – ограничение, потому что активность ученика уже мешает другим проявиться.

Детское лидерство ситуативно. Один ученик легко организует спортивную игру, но теряется при защите проекта. Другой молчит на классном часе, но аккуратно распределяет материалы и напоминает группе о сроках. Третий не стремится быть впереди, зато умеет примирить спорящих. Если школа признает только яркое публичное лидерство, она не видит значительную часть детского потенциала. Воспитательная работа становится беднее: лидерство сводится к выступлению у доски, ведению праздника или должности в активе класса.

В дошкольном возрасте лидерские качества могут проявляться через игру, социально-культурную деятельность, участие в совместных творческих формах. Н.О. Дубченкова и Г.В. Палаткина связывают их формирование у старших дошкольников именно со средствами социально-культурной деятельности [4, с. 196–200]. Это важно для школы: ребенок приходит в первый класс уже с некоторым опытом влияния на сверстников. Но этот опыт может быть разным. Один привык командовать. Другой – уступать. Третий – действовать только рядом со взрослым. Начальная школа не начинает развитие лидерства с нуля, она перестраивает ранние формы детской активности.

Младший школьный возраст делает эту перестройку особенно заметной. Войсковая Ю.О. рассматривает развитие лидерских качеств у детей младшего школьного возраста как самостоятельную педагогическую задачу [5, с. 241–246]. Именно в этот период ребенок впервые устойчиво понимает свое место в группе: «я могу организовать», «я только выполняю», «меня не слушают», «лучше не предлагать». Эти установки быстро закрепляются. Если ученик в начальной школе постоянно получает роль исполнителя, позже ему сложнее принять позицию инициатора.

Формальная должность в классе сама по себе лидерства не формирует. Староста, командир группы, ведущий мероприятия, редактор стенгазеты могут выполнять поручение взрослого без реальной самостоятельности. В этом случае ребенок не принимает решения, а только передает указания. Внешне создается картина ученической активности, но воспитательного результата мало. Лидерские качества появляются там, где есть выбор, ответственность, согласование с другими и видимый результат.

Роль педагога в этом процессе точнее описывать через управление условиями. Учитель распределяет не только задания, но и возможности. Он решает, кому доверить координацию группы, кого поставить в пару с более уверенным учеником, кому дать короткое публичное выступление, кому поручить организационную часть, кого вывести из привычной пассивной позиции. Это не механическое чередование ролей. Это работа с конкретным ребенком и конкретной ситуацией.

В классе всегда есть неформальные лидеры. Они могут помогать педагогу, удерживать дисциплину, запускать общие дела. Могут и разрушать коллектив: высмеивать слабых, формировать закрытую группу, навязывать решения, обесценивать чужие идеи. Если взрослый не замечает этого влияния, оно продолжает действовать без коррекции. Тогда лидерство становится не

воспитательным ресурсом, а источником скрытого давления. Педагог не должен подавлять неформального лидера. Но он обязан перевести его влияние в социально приемлемую форму.

Сильный ученик должен учиться делиться ответственностью. Если он все делает сам, проект не становится командным. Если он постоянно говорит за группу, остальные не тренируют речь и аргументацию. Если он распределяет роли по симпатии, коллектив получает урок несправедливости. Поэтому педагог может специально ввести правило: координатор не выполняет всю работу, а следит за распределением; выступает не один представитель, а несколько участников; итог обсуждается всей группой, а не только активом.

С застенчивыми детьми нужна другая логика. Их нельзя сразу выводить на крупную публичную роль и затем фиксировать неудачу. Более точный путь – малые лидерские действия: подготовить вопросы, проследить за временем, собрать предложения группы, представить один пункт, помочь младшему, провести мини-опрос, оформить результат. Такие роли не выглядят эффектно, но именно они расширяют поле лидерских проб. Ребенок впервые действует не как пассивный участник, а как ответственный за небольшой участок общего дела.

Ученическое самоуправление дает школе наиболее очевидный механизм такой работы. А.С. Прутченков и И.С. Фатов рассматривают ученическое самоуправление как систему деятельности, имеющую организационно-правовые основы и связанную с участием обучающихся в жизни образовательной организации [6, с. 1–113]. Его смысл не в том, чтобы создать еще одну структуру с председателем, заместителем и протоколами. Смысл в том, чтобы ребенок получил опыт представления интересов группы, обсуждения решений, организации дел и ответа за результат перед сверстниками.

Совет класса, совет обучающихся, временная комиссия по подготовке акции, группа школьных медиаторов, волонтерский отряд, редакция классной страницы – все эти формы работают только при одном условии: дети реально влияют на содержание деятельности. Если взрослый заранее решил, кто, что и как сделает, самоуправление превращается в декорацию. Если школьники обсуждают проблему, предлагают решение, распределяют задачи, ошибаются и исправляют ход работы, появляется материал для воспитания лидерства.

Самоуправление приучает ребенка к публичной ответственности. В обычной учебной ситуации ученик отвечает за свою тетрадь, ответ, оценку.

В самоуправлении он отвечает за дело, которое затрагивает других. Нужно договориться о сроках, объяснить решение классу, выполнить обещание, принять критику, пересмотреть план. Это сложнее, чем выступить на празднике. Именно поэтому самоуправление нельзя сводить к торжественным мероприятиям и символическим выборам.

Методическая опасность состоит в имитации. В школе может быть совет обучающихся, но решения принимает администрация. Может быть актив класса, но в него входят одни и те же дети. Может быть план воспитательной работы, но дети подключаются только на этапе исполнения. В таких условиях лидерство не формируется. Ребенок не учится выбирать и отвечать за выбор. Он учится угадывать ожидание взрослого.

Педагогическое сопровождение самоуправления держится на балансе. Если учитель полностью контролирует процесс, детская инициатива исчезает. Если он устраняется, активные ученики быстро монополизируют влияние. Нужна средняя позиция: взрослый помогает уточнить цель, задает границы, предупреждает конфликт, но не забирает у детей право на обсуждение и решение. В начальной школе такая поддержка особенно важна. Самостоятельность еще не стала устойчивым качеством, она собирается из отдельных успешно прожитых ситуаций.

Коллективное творческое дело дает другой механизм. Его нельзя понимать как любой праздник или конкурс. КТД имеет воспитательный смысл только тогда, когда дети участвуют в замысле, подготовке, распределении ролей, проведении и обсуждении результата. Если сценарий полностью написал взрослый, а дети выучили слова, лидерские качества почти не затрагиваются. Они исполняют, но не организуют.

Портнягина А.А. и Габеева Л.Н. связывают специально организованные групповые занятия и коллективные дела со сплочением детского коллектива и формированием лидерской позиции [3, с. 62–67]. В этой связке важен сам процесс. При подготовке классного дела ребенок сталкивается с реальной организационной задачей: предложить идею, выбрать форму, договориться с участниками, распределить материалы, учесть время, решить спор, представить итог. В каждом из этих действий лидерство проявляется конкретно, а не декларативно.

КТД хорошо показывает разные типы лидерства. Один ученик предлагает тему. Другой собирает группу. Третий следит за сроками. Четвертый берет на себя оформление. Пятый помогает тем, кто не успевает.

Если педагог видит только ведущего мероприятия, он теряет половину воспитательного содержания. Настоящая диагностика происходит во время подготовки: кто работает стабильно, кто исчезает после первой идеи, кто умеет договариваться, кто присваивает общий результат.

В проектной деятельности эта логика становится еще жестче. Проект нельзя сводить к презентации. Его структура требует прохождения нескольких этапов: проблема, цель, задачи, распределение ролей, поиск информации, оформление продукта, защита, оценка результата. На каждом этапе возникает возможность для лидерского действия. Ребенок не просто проявляет инициативу. Он проверяет ее через план, сроки и ответственность перед группой.

Групповой проект особенно полезен. Индивидуальный проект развивает самостоятельность, но не всегда учит организовывать взаимодействие. В группе сразу появляются трудности: кто будет искать материал, кто оформит результат, кто выступит, что делать с участником, который не выполнил свою часть, как выбрать между двумя идеями. Здесь лидерство перестает быть красивым словом. Оно выражается в способности удержать работу группы без давления и без ухода от ответственности.

Косова В.В. и Макаруч Я.В. рассматривают формирование лидерских качеств младших школьников именно во внеурочной деятельности [7, с. 183–189]. Это закономерно. На уроке содержание жестко задано программой, временем, оценкой, ответом учителя. Во внеурочной деятельности больше пространства для выбора. Ребенок может предложить тему, способ представления, форму участия, роль в группе. Поэтому внеурочная работа становится не приложением к уроку, а самостоятельной площадкой воспитания лидерства.

Но и здесь есть риск. Внеурочная деятельность часто закрепляет актив класса. Одни и те же дети ведут мероприятия, участвуют в конкурсах, представляют школу, выступают от имени коллектива. Остальные помогают «по мелочи» или не участвуют вообще. В таком виде внеурочная работа не расширяет социальный опыт, а воспроизводит старую иерархию. Чтобы этого избежать, педагог должен специально вводить смену координаторов, парные роли, малые группы, временные поручения, разные уровни публичности.

Игровые и кейс-технологии работают иначе. Они моделируют ситуацию до того, как ребенок столкнется с ней в реальности. Например, группа не может выбрать идею проекта. Один участник не выполняет поручение. Два

ученика спорят из-за роли. Координатор говорит за всех. Команда успела сделать продукт, но часть детей осталась вне работы. Это не отвлеченные сюжеты. Это обычные школьные ситуации, в которых проявляется качество лидерства.

Деловая или ролевая игра позволяет безопасно проиграть такие ситуации. Ребенок может попробовать роль организатора, представителя группы, посредника, помощника, критика, наблюдателя. Педагог видит, как он действует: предлагает ли решение, слышит ли других, способен ли уступить, умеет ли аргументировать, не уходит ли в приказной тон. После игры важно обсуждать не победу, а способ взаимодействия. Кто включил остальных? Кто подавил? Кто помог группе выйти из тупика? Кто взял ответственность только на словах?

Кейс-технологии особенно нужны для отделения лидерства от доминирования. Можно предложить ситуацию, где активный ученик добился быстрого результата, но не дал группе высказаться. Или ситуацию, где тихий участник предложил удачное решение, но его не услышали. Или ситуацию, где класс выбрал удобный вариант, но он оказался несправедливым для части детей. Такие кейсы показывают: результат важен, но способ его достижения тоже имеет воспитательное значение.

Работа с лидерскими качествами требует постоянной рефлексии. Без нее ребенок выполняет поручение и идет дальше, не понимая, какой опыт получил. После проекта, КТД, игры, заседания совета класса нужны короткие, но точные вопросы: кто предложил решение; как распределили роли; что помешало; кто помог; кто остался в стороне; что нужно изменить в следующий раз. Рефлексия переводит действие в личностный результат.

Прокопенко Г.И. и Генадис М.Е. связывают формирование лидерских качеств младших школьников с учебно-воспитательным процессом начальной школы [8, с. 81–84]. Это важная позиция. Лидерство не должно жить только во внеурочных мероприятиях. Оно проявляется и на уроке: в парной работе, групповой задаче, обсуждении текста, учебном проекте, взаимопроверке, помощи однокласснику. Если урок построен только как индивидуальный ответ учителю, пространство лидерских проб сужается.

Учебная группа может стать сильным инструментом. Но она должна быть организована. Если педагог просто посадил детей вместе, это еще не командная работа. Чаще всего один ученик начинает делать задание, второй соглашается, третий отвлекается, четвертый переписывает готовое. Лидерские

качества формируются тогда, когда роли заданы или согласованы: координатор, докладчик, эксперт, оформитель, контролер времени. Через несколько занятий роли меняются. Иначе лидерство снова получает только один ребенок.

Безопасный психологический климат не является мягким дополнением к методам. Это условие, без которого ребенок не рискнет проявить инициативу. Если ошибка вызывает смех, предложение сразу обесценивается, а неудача становится поводом для ярлыка, лидерские пробы прекращаются. Особенно это касается детей, которые и так занимают периферийное положение в группе. Они не выйдут в инициативную позицию, пока класс не научится принимать пробу без насмешки.

При этом безопасная среда не означает отсутствие требований. Лидерство требует дисциплины. Ребенок должен понимать срок, границы задачи, ответственность перед другими. Инициатива без доведения до результата быстро превращается в шум. Поэтому педагог связывает свободу с обязательством: предложил идею – участвуй в ее реализации; взял роль – выполни; не успеваешь – предупреди группу; не согласен – аргументируй. В такой рамке дисциплина перестает быть внешним запретом и становится условием общего дела.

Семья влияет на лидерское поведение ребенка, но школа не может переносить на нее основную ответственность. Дома ребенок может иметь обязанности, право выбора, опыт самостоятельности. Может, наоборот, жить в режиме постоянного контроля или полной безответственности. В классе он попадает в другую среду: здесь нужно действовать не только с близкими взрослыми, но и со сверстниками, которые не обязаны уступать. Поэтому именно школа дает опыт социального лидерства, а не только бытовой самостоятельности.

Системность решает больше, чем масштаб мероприятия. Одно яркое событие не формирует лидерские качества. Класс может провести акцию, подготовить концерт, защитить проект, но если это разовый эпизод, устойчивый результат слабый. Ребенку нужна повторяемость социальных ролей. Сегодня он отвечает за материалы, через неделю – за мини-группу, затем – за вопрос на обсуждении, позже – за часть проекта. Так собирается привычка действовать ответственно.

Для этого педагогу нужна не отдельная «программа лидерства», а встроенная логика воспитательной работы. В каждом классе можно выделить

несколько постоянных механизмов: сменяемые поручения, групповые учебные задачи, проектные команды, классные обсуждения, временные творческие группы, участие в самоуправлении, рефлексия после общего дела. Эти формы не требуют искусственного усложнения. Они требуют последовательности.

Главная ошибка – путать лидерство с конкурсностью. Если лидерство подается как борьба за первое место, часть детей сразу выходит из процесса. Они не хотят соревноваться с сильными активистами. Более продуктивна кооперативная модель: лидер не побеждает группу, а помогает ей достичь результата. В такой модели ценятся не только уверенность и публичность, но и способность распределить работу, поддержать участника, сохранить справедливость, признать вклад других.

В этой логике меняется и оценка результата. Важно не только то, насколько красиво прошла защита проекта или праздник. Важно, сколько детей реально участвовало в подготовке, менялись ли роли, кто получил новый опыт, были ли услышаны слабые участники, как группа решила конфликт, кто взял ответственность за трудную часть. Такая оценка ближе к воспитанию, чем к отчетности.

Формирование лидерских качеств у детей требует трезвого взгляда на школьную практику. Нельзя считать, что лидерство развивается автоматически, если в плане есть самоуправление, проекты и внеурочная деятельность. Каждая из этих форм может стать рабочим инструментом, а может остаться имитацией. Все решает педагогическая организация: реальность детского выбора, смена ролей, сопровождение неформальных лидеров, поддержка тихих детей, анализ конфликтов и обязательная рефлексия.

Лидерские качества у детей формируются не через декларации и не через закрепление статуса за наиболее активными учениками. Они складываются в деятельности, где ребенок получает социальную роль, действует вместе с другими, принимает решение, отвечает за участок общего дела и видит последствия своего участия. Нормативные требования к личностным и метапредметным результатам образования задают для этого прямое основание: школа должна развивать сотрудничество, самостоятельность, ответственность, участие в совместной деятельности и готовность работать на общий результат.

Детский коллектив сам по себе не гарантирует равных лидерских возможностей. Исследования показывают, что в группе обычно выделяется небольшое число лидеров, большинство детей остается в позиции ведомых, а часть обучающихся может не приниматься сверстниками [3, с. 62–67]. Поэтому без педагогического сопровождения лидерство закрепляется стихийно. Одни дети постоянно получают опыт организации и публичности, другие остаются на периферии.

Роль педагога состоит в управлении этими процессами. Учитель выявляет неформальное влияние, ограничивает доминирование, поддерживает скрытый потенциал, распределяет роли, создает ситуации малой и большой ответственности. Ученическое самоуправление, коллективные творческие дела, проектная деятельность, игровые и кейс-технологии работают только при такой организации. Их сила не в названии метода, а в том, что ребенок включается в реальную социальную практику.

Именно поэтому лидерство в детском возрасте следует рассматривать как результат воспитания, а не как заранее заданное свойство личности. Школа не производит «готовых лидеров». Она создает условия, в которых разные дети учатся действовать инициативно, ответственно и с учетом интересов других людей. Это и составляет педагогический смысл формирования лидерских качеств.

Список литературы

1. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования : утвержден приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 г. № 286 (с изм. и доп.).
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 23. Ст. 3357.
3. Портнягина А. А., Габеева Л. Н. Развитие лидерских качеств у младших школьников // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2022. № 1. С. 62–67.
4. Дубченкова Н. О., Палаткина Г. В. Формирование лидерских качеств у детей старшего дошкольного возраста средствами социально-культурной деятельности // Современные наукоемкие технологии. 2022. № 2. С. 196–200.

5. Войсковая Ю. О. Развитие лидерских качеств у детей младшего школьного возраста // Вестник науки. 2023. № 5 (62). Т. 4. С. 241–246.

6. Прутченков А. С., Фатов И. С. Ученическое самоуправление: организационно-правовые основы, система деятельности. М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2013. 113 с.

7. Косова В. В., Макачук Я. В. О формировании лидерских качеств у младших школьников во внеурочной деятельности // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2019. № 4 (104). С. 183–189.

8. Прокопенко Г. И., Генадис М. Е. Формирование лидерских качеств у младших школьников в учебно-воспитательном процессе начальной школы // Педагогическое образование. 2023. Т. 4. № 7. С. 81–84.

© Власенко А.С.

**МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА**

Колотилина Вероника Эдуардовна

студент

Научный руководитель: **Кравченко Ксения Алексеевна**

канд. пед. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Новосибирский

государственный педагогический университет»

Аннотация: в статье рассматривается проблема развития образных представлений у младших школьников на уроках изобразительного искусства. Предлагается методика, включающая три группы методов: наглядно-образные, практико-ориентированные и игровые. Раскрывается содержание каждого метода. Особое внимание уделяется принципу «методического ключа», рисованию с натуры и роли игровой мотивации в активизации творческого воображения детей 7–8 лет.

Ключевые слова: образные представления, младший школьный возраст, изобразительное искусство, методический ключ.

**METHODOLOGY FOR THE FORMATION OF FIGURATIVE
REPRESENTATIONS IN PRIMARY SCHOOL CHILDREN DURING FINE
ARTS LESSONS**

Kolotilina Veronika Eduardovna

student

Scientific adviser: **Kravchenko Ksenia Alekseevna**

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Novosibirsk State Pedagogical University

Abstract: the article deals with the problem of developing figurative representations in primary school children during fine arts lessons. A methodology including three groups of methods is proposed: visual-figurative, practice-oriented and game-based. The content of each method is revealed. Special attention is paid to

the principle of the «methodological key», drawing from nature and the role of game motivation in activating the creative imagination of children aged 7–8 years.

Key words: figurative representations, primary school age, fine arts, methodological key.

Младший школьный возраст является сензитивным периодом для развития образных представлений. Л.С. Выготский в своих трудах отмечает, что «творческая деятельность воображения находится в прямой зависимости от богатства и разнообразия прежнего опыта человека» [1, с. 11]. В возрасте 7–11 лет у ребенка активно формируется наглядно-образное мышление. Однако педагогическая практика показывает, что возрастных предпосылок недостаточно и необходима специально выстроенная методическая работа.

Анализ рисунков учащихся 2 класса позволяет выделить три группы типичных затруднений. Первой группой является содержательно-образная: склонность к графическим штампам. Вторая группа выразительно-изобразительная: цвет используется как инструмент заполнения контура, линия неуверенная. И, наконец, третья группа — композиционно-техническая: нарушение пропорций, незавершенность работы, несоблюдение последовательности «от общего к частному».

В основе этих затруднений лежит противоречие между богатством воображения младшего школьника и недостаточным уровнем его графических навыков. Л.С. Выготский подчеркивает, что творческому воображению необходимо «внешнее соотнесение» для полного воплощения [1, с. 42]. Таким внешним соотнесением выступает владение языком изобразительного искусства.

Эмоции детей 7–8 лет непосредственны и подвижны. Это означает, что ребенок может увлечься идеей, но быстро потерять интерес при столкновении с техническими трудностями. Поэтому занятия должны строиться с учетом смены видов деятельности и включать элементы игры.

С.Е. Игнатьев отмечает, что переход от «проволочной» линии к «нащупывающей» знаменует качественный скачок в развитии ребенка, когда движение руки начинает опережать мысль [2, с. 19]. Педагог должен помогать ребенку закрепить этот переход специальными упражнениями.

Цвет в рисунках детей проходит этапы от контурного обозначения до поиска сложных оттенков. И вновь мы будем ссылаться на труды Игнатьева, в которых он отмечал, что у младших школьников «выработаны связи

наименования цвета и предмета» [2, с. 22], которые могут превращаться в стереотипы (трава зеленая, небо синее). Их необходимо преодолевать через наблюдение натуры.

Е.А. Лупандина и соавторы подчеркивают, что художественно-образное мышление неразрывно связано с эмоциональным реагированием на мир и направлено на создание художественного образа как результата развития ребенка-творца [3, с. 104]. Данный вид мышления позволяет эффективно развивать внутреннюю культуру ребенка.

Ключевой ориентир для педагогической практики дает принцип «методического ключа». И.Ю. Руднев определяет его как оптимальность в выборе методов и средств деятельности, позволяющую достичь качественного результата с наименьшими затратами сил [4, с. 7]. Применительно к начальной школе таким ключом становится рисование с натуры, которое развивает наблюдательность и дает ребенку прочную опору в виде реального объекта. И.Ю. Руднев также подчеркивает, что центральным фактором организации композиции является тема, взятая из событий реальной жизни.

Разнообразие художественных материалов и техник также очень важно как условие поддержания интереса детей. На этом акцентирует внимание Н.М. Сокольникова в своих исследованиях: «связь ИЗО с другими учебными предметами и жизненным опытом ребенка обогащает замысел его работы» [5, с. 201].

На основе анализа теоретических источников была разработана система методов формирования образных представлений, включающая три группы:

1. Наглядно-образные методы: их целью является обогащение зрительного опыта и преодоление шаблонности восприятия через сравнения, анализ произведений искусства и наблюдение натуры.

2. Практико-ориентированные методы: они позволяют ребенку обойти недостаток технических навыков. Здесь формируется и правильная закономерность работы, например принцип «от общего к частному». Также не стоит бояться давать детям пробовать разные техники и материалы. Г.М. Логвиненко отмечает, что работа с разными материалами и фактурами развивает фантазию, чувство гармонии, ритма и композиции [6, с. 56].

3. Игровые и проблемные методы: эта группа служит пусковым механизмом для воображения. Ключевым условием здесь является воспитание у учащихся веры в собственные силы и создание ситуации успеха. Например, эффективен прием «оживления» персонажа (придумать имя, характер,

историю), а также создание проблемных ситуаций («Какие цвета подходят доброму персонажу? А какие подходят злему?»).

Разработанная методика была апробирована на уроках изобразительного искусства во 2 классе. Использовались вводная беседа с элементами проблемного обучения, коллективные просмотры, мастер-класс педагога. Особое внимание уделялось атмосфере доброжелательности, где любое творческое высказывание ценится. Результаты апробации показали положительную динамику: у детей повысился интерес и уверенность к изобразительной деятельности, уменьшилось количество графических штампов, улучшилась композиционная организация.

Таким образом, разработанная методика, состоящая из трех групп методов, благоприятно направлена на развитие у младших школьников способности создавать выразительный художественный образ.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. — СПб.: СОЮЗ, 1997. — 96 с.
2. Игнатъев С.Е. Закономерности изобразительной деятельности детей: учеб. пособие для вузов. — М., 2005. — 101 с.
3. Лупандина Е.А., Мантя К.А., Коробейников А.В., Пешкова О.В. Формирование художественно-образного мышления младших школьников: опыт диагностического исследования // Современная высшая школа: инновационный аспект. — 2017. — Т. 9. — № 3. — С. 103-110.
4. Руднев И.Ю. Методика обучения тематической композиции младших школьников в системе дополнительного образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. — М., 2018. — 26 с.
5. Сокольникова Н.М. Изобразительное искусство и методика его преподавания в начальной школе. — 4-е изд., стер. — М.: Издательский центр «Академия», 2008. — 368 с.
6. Логвиненко Г.М. Декоративная композиция: учеб. пособие для студентов вузов. — М.: ВЛАДОС, 2004. — 144 с.

© Колотилина В.Э., 2026

**ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА:
ОТ ДЕТСТВА К АКТИВНОМУ ДОЛГОЛЕТИЮ**

Мандрик Ольга Викторовна

студент

Научный руководитель: **Седова Наталия Фёдоровна**

старший преподаватель

ГрГУ им. Янки Купалы, г. Гродно

Аннотация: в статье изучается значимость физической культуры на каждом этапе жизни человека. Проведены опросы, которые помогают определить отношение людей разных возрастов к физической культуре. Также предложены методы улучшения осведомленности и вовлечения населения в занятия спортом.

Ключевые слова: физическая культура, здоровье, жизнь, спорт, активность.

**PHYSICAL CULTURE IN HUMAN LIFE:
FROM CHILDHOOD TO ACTIVE LONGEVITY**

Mandrik Olga Viktorovna

Scientific adviser: **Sedova Natalia Fedorovna**

Abstract: the article examines the importance of physical education at every stage of a person's life. Surveys were conducted to determine the attitudes of people of different ages toward physical education. Methods for increasing awareness and engaging the population in sports are also proposed.

Key words: physical education, health, life, sports, activity.

Физическая культура — это уникальный социокультурный феномен, сопровождающий человека на всех этапах его жизни. Ее роль динамично трансформируется в соответствии с возрастными задачами, биологическими возможностями. Понимание этой эволюции — от закладки фундамента в детстве через поддержание пика возможностей в зрелости к сохранению функциональной независимости в старости — является ключом к осознанному построению траектории здоровья и долголетия. Для проведения дальнейшего исследования были проведены опросы среди десяти случайных

респондентов. Была поставлена задача определить, на какой возрастной этап, по мнению респондентов, приходится наиболее значимая роль спорта (рис. 1).

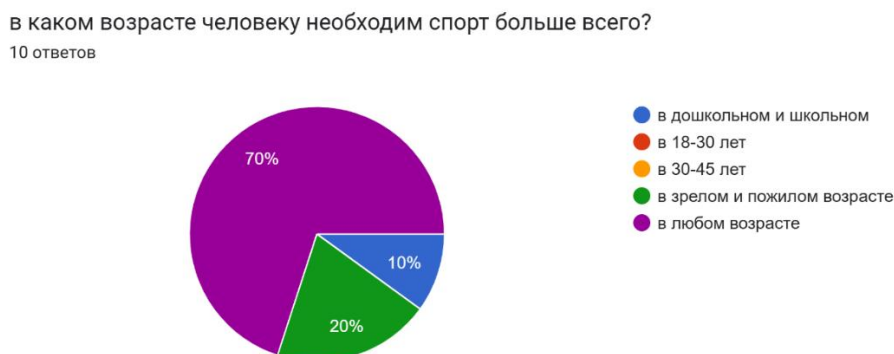

Рис. 1. Значение спорта по возрастам

Большинство опрошенных считают, что важность спорта на каждом периоде жизни одинакова. 20% считают, что в зрелом и пожилом возрасте спорт необходим больше всего. А 10% отмечают важность спорта в дошкольном и школьном возрасте (рис. 2).

Предстоит установить задачи спорта, релевантные для каждого этапа жизни.

Период детства, отрочества и юности является определяющим и критически важным для всего последующего жизненного пути человека. Задачи физической культуры на этом этапе носят в первую очередь формирующий, развивающий и воспитательный характер. Центральной задачей этого этапа является формирование «двигательного интеллекта» — арсенала жизненно важных двигательных навыков и умений. Происходит естественное и поэтапное освоение спектра базовых навыков: ходьбы, бега, прыжков, лазанья, ползания, плавания, метания. Упущенные в этот период возможности для двигательного развития компенсируются в дальнейшем с трудом или не компенсируются вовсе [1, с. 66]. Качественно и полноценно пройденный детско-юношеский этап физического воспитания создает здоровое и функциональное тело, формирует стойкую, осознанную потребность в движении.

В период социальной, профессиональной и семейной активности, который принято называть зрелостью, ключевые задачи физической культуры претерпевают трансформацию. Её роль смещается от развития к системному

поддержанию, компенсации негативных факторов современной жизни и профилактике досрочного старения, заболеваний. На этом этапе физическая культура превращается из внешне регулируемой деятельности (уроки в школе, секции) в осознанную внутреннюю потребность. От ее регулярности напрямую зависит качество жизни в настоящий момент, величина «резерва здоровья», который определит характер и возможности старения [3, с. 127]. Главной целью этапа становится борьба с естественным биологическим старением всех систем организма. Период зрелости подразумевает под собой этап пика продуктивности. Активно занимаясь спортом в данном возрасте, человек может сделать большой вклад в свое здоровое будущее и активное долголетие.

На заключительном этапе жизненного пути физическая культура определяется как обеспечение активного долголетия — максимально длительного сохранения физической, психической и социальной дееспособности, то есть качества жизни [2, с. 217]. Систематические физические нагрузки являются научно доказанным и самым эффективным немедикаментозным средством профилактики развития сердечно-сосудистых патологий, метаболического синдрома и сахарного диабета 2-го типа и ряда онкологических заболеваний. Итогом этого этапа помимо продления жизни любой ценой является сохранение ее человеческого содержания — достоинства, самостоятельности.

Для опрошенных следующие задачи физической культуры являются основными (рис. 2):

в чем главная задача физической культуры?
10 ответов

Рис. 2. Задача физической культуры

Изучив информацию о пользе спорта на каждом этапе жизни человека, был сделан вывод, что спорт необходим на любом этапе жизненного цикла. Определить возраст, в котором потребность организма в спорте наибольшая невозможно. Для повышения всеобщего благосостояния нужно повысить интерес населения к физической культуре. Для достижения этой цели предлагаем проводить “спортивные дни” на государственном уровне. Особенностью таких дней будет бесплатное посещение спортивных залов и других оздоровительных комплексов. Предложили данную идею участникам опроса, 100% опрошенных считают, что проведение таких дней необходимо (рис. 3).

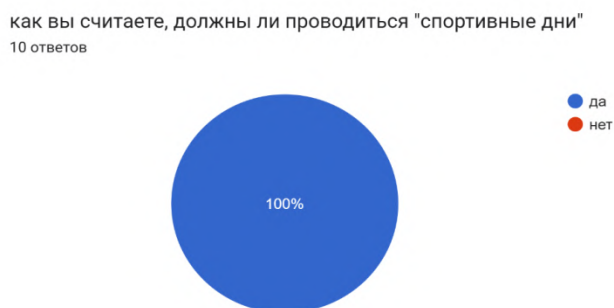

Рис. 3. Программа пропаганды спорта

Благодаря проведенным исследованиям установлено, что физическая культура представляет собой непрерывный, сквозной процесс, значимость которого не уменьшается на протяжении всего существования человека. Для вовлечения населения в здоровый образ жизни рекомендовано проводить “спортивные дни” на масштабном уровне.

Список литературы

1. Беженцева, Л. М. Основы методики физического воспитания [Электронный ресурс] / Л. М. Беженцева, Л. И. Беженцева. — Томск : ТГУ, 2009. — 160 с.
2. Бурякин Ф.Г. Физическая культура зрелого и пожилого контингентов населения (общие основы теории и практики). – Москва, 2023. – 367 с.
3. Капилевич, Л. В. Физиология спорта / Л. В. Капилевич. — Томск : ТГУ, 2013. — 192 с.

© Мандрик О.В.

**СЕКЦИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

ОСНОВНЫЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ В УСЛОВИЯХ ВЫСОКОЙ КЛЮЧЕВОЙ СТАВКИ

Быканова Ксения Дмитриевна
Ульянич Елизавета Владимировна
Хляпова Альбина Владимировна
Фуч Елизавета Сергеевна
студенты

Научный руководитель: **Митюшина Ирина Леонидовна**
старший преподаватель
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)

Аннотация: данная статья посвящена изучению основных инвестиционных стратегий на Российском рынке в условиях высокой ключевой ставки. В статье рассматривается роль и значение инвестиционного рынка и влияние на него ключевой ставки. Авторами статьи уделяется внимание изучению определения инвестиционной стратегии, ее цели и задачам. Отдельное внимание посвящается рассмотрению основных инвестиционных стратегий, на основе которых делается вывод о важности выбора правильной стратегии для эффективной диверсификации и сохранения активов.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционный рынок, инвестиционные стратегии, ключевая ставка, высокая ключевая ставка.

THE MAIN INVESTMENT STRATEGIES IN THE RUSSIAN MARKET IN THE CONDITIONS OF A HIGH KEY RATE

Bykanova Ksenia Dmitrievna
Ulyanich Elizaveta Vladimirovna
Khlyapova Albina Vladimirovna
Fuch Elizaveta Sergeevna
Scientific supervisor: **Mityushina Irina Leonidovna**

Abstract: this article is devoted to the study of the main investment strategies in the Russian market in the context of a high key rate. The article examines the role and significance of the investment market and the impact of the key rate on it. The authors of the article pay attention to the definition of an investment strategy, its

goals, and objectives. Special attention is given to the main investment strategies, based on which the importance of choosing the right strategy for effective diversification and preservation of assets is concluded.

Key words: investments, investment market, investment strategies, key rate, high key rate.

В современном мире инвестиционный рынок имеет большое значение, поскольку способствует обеспечению притока капитала, поддержке предприятий и развитию инфраструктуры. Кроме того в ситуациях экономической нестабильности он способствует мобилизации внутренних внешних ресурсов, тем самым положительно сказываясь на стимулировании инноваций и развития технологий. Так, можно сказать, что развитый инвестиционный рынок создает инструменты хеджирования, позволяющие экономическим агентам управлять финансовыми рисками и тем самым повышать предсказуемость своей деятельности.

Стоит отметить, что одним из самых главных элементов инвестиционного рынка является инвестиционная стратегия, изучением которого занимались и занимаются многие ученые. Так, основные подходы авторов к определению инвестиционной стратегии представлено ниже на рисунке 1.

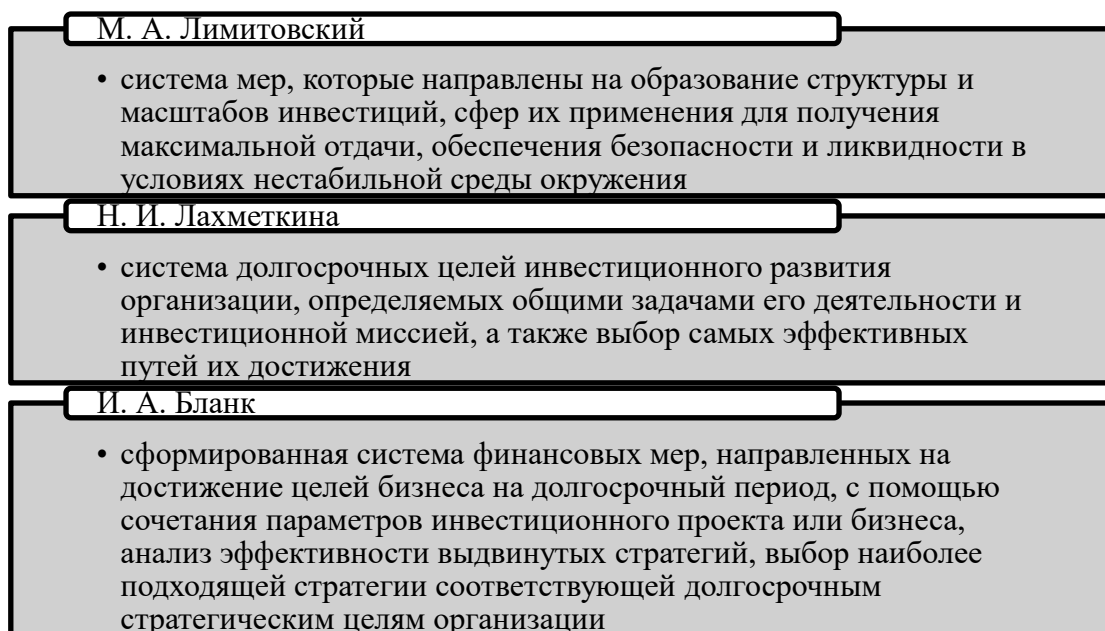

Рис. 1. Разные подходы авторов к определению финансовых инструментов [2, с. 233]

Учитывая то, что приведенные понятия «Финансовых инструментов» не являются эталонными, следовательно, можно сформулировать авторское определение. Так, инвестиционная стратегия представляет собой определенную систему долгосрочных целей деятельности, определяемых общими задачами развития и эффективных путей их достижения [4]. Основной целью инвестиционной стратегии является достижение стратегических финансовых результатов. К основным задачам можно отнести следующее:

- Максимизация прибыли от инвестиционной деятельности;
- Минимизация инвестиционных рисков;
- Определение приоритетов инвестиционной деятельности на конкретные промежутки времени;
- Определение характера и объема необходимых инвестиционных ресурсов.

Однако инвестиционный рынок и его стратегии экономики страны зависит от ключевой ставки, ведь «ожидание повышения или понижения ключевой ставки становится одним из определяющих факторов для инвесторов при формировании прогноза динамики курса национальной валюты», а также вырабатываемых стратегий [1, с. 60].

Высокая ключевая ставка имеет как положительное, так и отрицательное значение для инвестиционного рынка и выбранной стратегии инвестором. Так, например, она повышает привлекательность консервативных инструментов, а именно банковских вкладов и облигаций, но при этом снижает инвестиционную активность бизнеса, сказывается на удорожании ипотечного кредитования и оказывает давление на котировки акций. Именно поэтому в условиях высокой ключевой ставки перед инвесторами встает вопрос выбора оптимальной инвестиционной стратегии. Некоторые из стратегий, применимых в условиях высокой ключевой ставки представлены на рисунке 2.

Рис. 2. Основные инвестиционные инструменты и стратегии российского рынка в условиях высокой ключевой ставки

Говоря про рынок облигаций в условиях высокой ключевой ставки, то он имеет двойственный характер, выражающийся в том, что новые выпуски фиксированных купонных облигаций предлагают исторически высокую доходность, в то время как ранее выпущенные облигации с низким купоном существенно снижаются в цене, создавая убытки у держателей. В связи с этим стоит проанализировать стратегии, применяемые в условиях высоких ставок, среди которых следующие:

1. Покупка флоатеров;

Облигации такого вида отличаются переменной доходностью, которая привязана к определенной базе ставки. В периоды роста ключевой ставки их доходность автоматически увеличивается, обеспечивая инвесторам защиту от инфляции и повышения стоимости заимствований [5]. Данный вид стратегии особенно привлекателен для консервативных инвесторов, которые стремятся защитить капитал и обеспечить стабильный поток дохода на фоне волатильности и роста стоимости заимствований на рынке.

2. Лестничная стратегия;

Данный вид стратегии предполагает последовательное инвестирование в активы или поэтапное увеличение позиций, а также постепенное закрытие их в зависимости от изменений на рынке. Лестничная стратегия в условиях высокой ключевой ставки является надежным и гибким инструментом, который позволяет инвесторам адаптироваться к динамичной ситуации на рынке, снизив риски и при этом сохранив возможность получать доход.

3. Долгосрочные облигации.

Инвестирование в долгосрочные облигации при высокой ключевой ставке позволяет зафиксировать более высокую доходность по сравнению с краткосрочными инструментами, что в свою очередь обеспечивает доходность в случае снижения ставки. Данная стратегия применима в случаях, когда инвестор ориентирован на получение регулярных доходов.

Отдельное внимание стоит уделить рассмотрению рынка акций, который является наименее привлекательным в условиях высокой ключевой ставки, поскольку это влияет на снижение ее справедливой стоимости. Так, в условиях высоких ставок наиболее устойчивыми на рынке акций оказываются дивидендные стратегии, среди которых покупка российских «голубых фишек». Они представляют собой акции крупнейших, наиболее надежных и ликвидных компаний российского фондового рынка, к таким компаниям относятся следующие представленные на рисунке 3:

Сбербанк	Газпром	Лукойл	Роснефть
Новатэк	Норникель	Полюс	Татнефть
Яндекс	МТС	Магнит	Сургутнефтегаз
Полиметалл	TCS Group	ФосАгро	

Рис. 3. Список компаний, которые имеют индекс голубых фишек [3]

Применение стратегии покупки акций таких компаний в условиях высокой ключевой ставки неслучайно, поскольку она имеет ряд преимуществ и особенностей. Российские «голубые фишки» регулярно выплачивают дивиденды, обеспечивают надежность, поскольку компании имеют государственную поддержку, что в свою очередь снижает риск их банкротства, а также котировки таких акций меняются медленно, делая их неподходящими для краткосрочных спекуляций.

Кроме того отдельное внимание стоит рассмотреть инвестиционной стратегии, подразумевающей покупку драгоценных металлов, ведь золото является традиционным защитным активом в периоды экономической нестабильности. Однако в отличие от облигаций и акций драгоценные металлы не приносят финансового дохода, но при этом сохраняют свою покупательскую способность и могут служить защитой при возможных экономических кризисах.

Таким образом, можно сказать, что в Российской Федерации в условиях высокой ключевой ставки формирование и применение эффективных инвестиционных стратегий становится особенно важным для обеспечения финансовой стабильности, сохранения и роста капитала. Инвестиционные стратегии в условиях высокой ключевой ставки требуют учета и анализа макроэкономических рисков и политической ситуации, поскольку грамотно

выбранная стратегия позволит не только защитить активы, но и повысить их доходность. Кроме того необходимо постоянно диверсифицировать портфель, использовать активы с высокой доходностью и хеджировать риски, что в свою очередь позволит более быстро адаптироваться к изменяющимся рыночным условиям.

Список литературы

1. Растеряева Т.В., Прошин Д.Д. Влияние величины ключевой ставки на инвестиционную активность участников рыночных отношений // Финансовые рынки и банки. 2023. № 8. С.59-64.
2. Храмова, К. Ю. Инвестиционное развитие организации: понятие, основы и значение // Молодой ученый. 2018. № 42 (228). С. 232-234.
3. Голубые фишки Мосбиржи в БПИФ: какой индексный фонд даёт максимальное покрытие Сбера, Лукойла, Газпрома URL: <https://fondium.ru/blog/golubye-fishki-mosbirzhi-v-bpif-pokrytie-sber-lukoil-gazprom/> (дата обращения: 19.05.2026).
4. Инвестиционная стратегия URL: <https://lib.kgmtu.ru/wp-content/uploads/no-category/5606.pdf> (дата обращения: 19.05.2026).
5. Как выбирать облигации URL: <https://moex.rbc.ru/kak-vybirat-obligazii/> (дата обращения: 19.05.2026).

© Быканова К.Д., Ульянич Е.В., Хляпова А.В.,
Фуч Е.С., 2026

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ:
СТРАТЕГИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА**

Комаров Артём Евгеньевич
Рамазанов Абдулла Зайпуллаевич
студенты

Научный руководитель: **Чунина Александра Евгеньевна**
к.э.н., доцент, заведующая кафедрой
Западный Филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации ЗФРАНХиГС

Аннотация: в статье рассматривается экономическая безопасность России как комплексное состояние устойчивости национальной экономики. Анализируются ключевые компоненты макроэкономической стабильности, финансовой и продовольственной безопасности, современные вызовы и угрозы, санкционные ограничения и технологический дефицит. Особое внимание уделяется моделям взаимодействия государства и бизнеса, инструментам государственно-частного партнерства, корпоративному управлению и ESG-принципам как факторам снижения рисков.

Ключевые слова: экономическая безопасность, государственно-частное партнерство, санкционные ограничения, макроэкономическая стабильность, промышленная политика, риски, ESG-принципы.

**RUSSIA'S ECONOMIC SECURITY:
A STRATEGY FOR STATE-BUSINESS COOPERATION**

Komarov Artem Evgenievich
Ramazanov Abdulla Zaipullaevich
Scientific adviser: **Chunina Aleksandra Evgenievna**

Abstract: the article examines Russia's economic security as a comprehensive state of the national economy's sustainability. It analyzes the key components of macroeconomic stability, financial and food security, current challenges and threats, sanctions restrictions, and technological shortages. Special attention is given to the models of interaction between the government and business,

public-private partnership tools, corporate governance, and ESG principles as factors in reducing risks.

Key words: economic security, public-private partnerships, sanctions restrictions, macroeconomic stability, industrial policy, risks, and ESG principles.

Экономическая безопасность России представляет собой комплексное состояние устойчивости национальной экономики, которое гарантирует бесперебойное воспроизводство жизненно важных функций государства. Это состояние достигается за счет эффективного противодействия как внутренним, так и внешним негативным факторам, способным подорвать экономическую стабильность страны. Обеспечение экономической безопасности является фундаментом для реализации стратегических национальных приоритетов и поддержания суверенитета. Официальная трактовка понятия «экономическая безопасность» дана в обновлённой «Стратегии экономической безопасности», которая определяет её как «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации» [6]. Данное определение подчеркивает многоаспектность понятия, включая защиту от угроз и создание условий для развития. Ключевыми компонентами экономической безопасности являются макроэкономическая стабильность, финансовая устойчивость и продовольственная безопасность. Макроэкономическая стабильность подразумевает низкий уровень инфляции, устойчивый экономический рост и сбалансированный государственный бюджет. Финансовая устойчивость обеспечивается стабильностью банковской системы и достаточным уровнем золотовалютных резервов, что позволяет противостоять внешним шокам. Продовольственная и энергетическая безопасность также выступают важнейшими элементами, гарантирующими независимость страны от внешних поставок критически важных ресурсов. Технологическая независимость, в свою очередь, является основой для инновационного развития и конкурентоспособности национальной экономики. Эти компоненты взаимосвязаны и формируют единую систему экономической безопасности. Для оценки уровня экономической безопасности используются различные показатели и методики, включающие анализ ВВП, уровня инфляции, государственного долга, инвестиционной

активности и доли высокотехнологичной продукции. Эти критерии позволяют своевременно выявлять потенциальные угрозы и разрабатывать адекватные меры по их нейтрализации. Комплексный подход к оценке обеспечивает объективность и полноту анализа.

Макроэкономическая политика выступает базовым инструментом обеспечения национальной экономической безопасности посредством поддержания макроэкономической стабильности и предсказуемости экономических условий. Фискальная дисциплина предполагает сбалансированное бюджетное планирование и прозрачность налоговой политики, что снижает уязвимость экономики к внешним и внутренним шокам. Монетарные меры и антикризисное бюджетное планирование дополняют фискальную политику, обеспечивая возможность оперативного реагирования на нестабильность финансовых рынков. Практическая реализация этих мер включает валютное регулирование, механизмы целевой поддержки отраслей и корректировку бюджетных расходов.

Нормативно-институциональные меры формируют правовую основу и систему государственного управления рисками, необходимых для обеспечения экономической безопасности. Правовое регулирование должно устанавливать четкие правила функционирования рынков, механизмы предотвращения экономической концентрации и инструменты реагирования на угрозы национальным интересам. Система государственного управления рисками предполагает создание межведомственных процедур координации, оперативного мониторинга и обмена информацией между ключевыми институтами власти и бизнесом. Внедрение механизмов контроля и координации усиливает предсказуемость регулирования и уменьшает институциональные риски для стратегических решений в интересах национальной экономики. В системе экономической безопасности выделяются три основные модели взаимодействия государства и бизнеса: регулятивная, партнёрская и контрактная. Регулятивная модель предполагает жёсткий контроль со стороны государства через законодательные нормы и надзорные функции, что характерно для стратегических отраслей с высокими рисками. Партнёрская модель основана на принципах равноправного сотрудничества при реализации совместных проектов в сферах инфраструктуры и инноваций. Контрактная модель предусматривает заключение специфических соглашений для реализации отдельных задач в рамках государственного заказа. Выбор конкретной модели взаимодействия определяется характером отраслевых рисков и стратегическими приоритетами

обеспечения экономической безопасности. Для секторов с критической инфраструктурой преимущественно применяется регулятивная модель с элементами партнёрства. В инновационно-ориентированных отраслях предпочтение отдаётся гибридным формам, сочетающим контрактные механизмы с элементами государственного стимулирования. Ключевым критерием выступает способность модели минимизировать системные угрозы при сохранении экономической эффективности. Корпоративное управление и социальная ответственность бизнеса выступают факторами снижения системных рисков в экономике через повышение прозрачности операций и соблюдение отраслевых стандартов безопасности. Внедрение ESG-принципов (ESG (Environmental, Social, Governance) — это концепция устойчивого развития бизнеса, основанная на трёх ключевых принципах: заботе об окружающей среде, социальной ответственности и качественном корпоративном управлении) способствует формированию устойчивых бизнес-моделей, ориентированных на долгосрочное развитие в рамках национальных интересов. Добровольное следование международным стандартам отчётности (GRI — глобальная инициатива, основанная в 1997 году; SASB — некоммерческая организация, основанная в 2011 году) усиливает доверие между участниками рынка и государственными регуляторами. Корпоративные программы по кибербезопасности и защите данных минимизируют уязвимости в цифровой сфере как составной части экономической безопасности. Оперативное взаимодействие государственных органов и частных компаний при кризисных ситуациях обеспечивается через специализированные платформы обмена информацией и координационные советы. Системы раннего предупреждения позволяют своевременно выявлять угрозы цепочкам поставок, финансовым рынкам и критической инфраструктуре. Протоколы экстренного реагирования, разработанные для ключевых отраслей, регламентируют порядок совместных действий при кибератаках, техногенных авариях или рыночных шоках. Интеграция государственных и корпоративных центров мониторинга повышает эффективность управления рисками в режиме реального времени. В современных условиях санкционные и торговые ограничения представляют собой значительную угрозу для экономической безопасности России. Они приводят к потере традиционных экспортных рынков, что негативно сказывается на доходах страны и конкурентоспособности отечественных производителей. Кроме того, такие ограничения вызывают технологический дефицит, препятствуя доступу к передовым иностранным разработкам и

оборудованию. Это, в свою очередь, замедляет модернизацию производственных процессов и инновационное развитие экономики, а также ограничивает возможности привлечения иностранного капитала, необходимого для инвестиций и роста. Финансовые риски являются неотъемлемой частью современных экономических вызовов, проявляясь в нестабильности валютных курсов. Колебания курсов валют создают неопределенность для бизнеса и населения, влияя на импортные и экспортные операции. Банковские и кредитные угрозы, включая риски невозврата кредитов и банкротства финансовых учреждений, могут дестабилизировать всю банковскую систему. Системные риски ликвидности на внутренних рынках также представляют серьезную опасность, поскольку они могут привести к нехватке денежных средств и параличу экономических операций.

Энергетическая и сырьевая уязвимость экономики России остается одним из ключевых рисков, что проявляется в зависимости бюджетных доходов и промышленности от колебаний мировых цен на сырье. Эта зависимость делает экономику подверженной внешним шокам и снижает её устойчивость к изменениям конъюнктуры мировых рынков. Существуют опасения, что Россия может превратиться в поставщика сырья и энергетических ресурсов, если сохранит доминирование этих отраслей в экономике. Как отмечают эксперты, «Полностью разделяем его опасения, что Россия превратится в поставщика сырья, энергетических ресурсов в другие страны мира, если сохранит доминирование этих отраслей в экономике. Новая индустриализация (реиндустриализация) призвана переломить эту тенденцию» [9]. Институциональные риски оказывают значительное влияние на экономическую безопасность, подрывая доверие и эффективность государственных механизмов. Коррупция является одной из наиболее серьезных проблем, искажая рыночные отношения и препятствуя честной конкуренции. Слабость регулятивных институтов приводит к неэффективному контролю и надзору, что создает благоприятную почву для злоупотреблений. Правовая неопределённость, в свою очередь, отпугивает инвесторов и снижает эффективность любых мер по обеспечению экономической безопасности, поскольку правила игры остаются непрозрачными и изменчивыми.

Риски нарушения цепочек поставок и логистики представляют серьезную угрозу для стабильности производства и экономики в целом. Зависимость от критических импортных компонентов делает отечественные

предприятия уязвимыми к внешним шокам и сбоям в глобальных поставках. Такие нарушения могут приводить к остановке производственных линий, дефициту товаров и увеличению издержек для компаний. В конечном итоге, это негативно сказывается на конкурентоспособности продукции и общем экономическом росте страны.

Список литературы

1. Анискевич А. Оценка эффективности механизмов государственно-частного партнерства при создании и модернизации объектов транспортной инфраструктуры с учетом жизненного цикла проекта // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2026. — № 1. — С. 64–75.

2. Бабкин А.В., Лошаков А.С. Формирование направлений совершенствования экономической безопасности предприятия в условиях цифровой трансформации // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. — 2021. — № 6. — С. 78–88.

3. Белоусов Д.Р. Образ экономики России 2050 – ключевые вызовы и перспективы // VII Международный промышленный форум «Горизонт 2050». — Череповец, 2024. — С. 1–5.

4. Бикметов Р.Р. Обеспечение национальной экономической безопасности в условиях геополитической напряженности // Вестник евразийской науки. — 2024. — №6. — С. 1–11.

5. Измайлов М.К., Арбенина Е.А. Цифровые способы обеспечения экономической безопасности как основа устойчивого развития промышленного сектора // Бизнес и дизайн ревю. — 2024. — № 4. — С. 21–31.

6. Крючков И.В. Геополитические факторы национальной безопасности Российской Федерации // Теории и проблемы политических исследований. — 2022. — № 4. — С. 231–238.

7. Кузовкова Т.А., Салютин Т.Ю. Риски цифровой трансформации экономики и общества и инструментарий управления экономической безопасностью бизнеса в цифровой среде // Век качества. — 2024. — № 1. — С. 63–87.

8. Лаптев Р.А., Перепелкин И.Г., Коварда В.В. Обеспечение экономической безопасности России в условиях трансформации внешнеэкономической политики страны как ответа на кризисные явления в мировой экономике // Вестник евразийской науки. — 2023. — № 6. — С. 1–17.

9. Масютин С.А., Животовская А.Г. Политика импортозамещения и реиндустриализации в условиях санкций // Вестник алтайской академии экономики и права. — 2019. — № 2. — С. 116–120.

© Комаров А.Е., Рамазанов А.З.

**ОТ ЭФФЕКТИВНОСТИ К УСТОЙЧИВОСТИ:
СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ
МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ КОМПАНИЙ ВО ВРЕМЯ
ПАНДЕМИИ COVID-19**

**Алкасем Мохамад Нур
Оффордил Ученна Чинеду
Тшамолонье Ком Габен Бодрель**

магистранты
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»

Аннотация: пандемия COVID-19, ставшая шоком в конце 2019 года, затронула не какой-либо конкретный промышленный сектор, а глобальную промышленную среду. Фармацевтическая отрасль уникальна среди международных секторов благодаря высокой интенсивности инноваций, сложности и зависимости от регулирующих органов. Кризис COVID-19 был не просто высшей точкой востребованности, а фундаментальной опорой стратегической трансформации для многонациональных фармацевтических компаний. Он сместил их стратегический компас планирования с акцента на эффективность на акцент на адаптацию. В данной статье рассматривается состояние мирового фармацевтического рынка до пандемии, анализируется многогранное воздействие COVID-19 на многонациональные фармацевтические предприятия в научном, логистическом, геополитическом и регуляторном аспектах, а также определяются стратегические и организационные ответные меры, принятые этими фирмами.

Ключевые слова: COVID-19, многонациональные фармацевтические предприятия, глобальный фармацевтический рынок, стратегический шок, динамические возможности, устойчивость цепочки поставок, реформа регулирования.

**FROM EFFICIENCY TO RESILIENCE:
STRATEGIC TRANSFORMATION OF PHARMACEUTICAL
MNES DURING THE COVID-19 PANDEMIC**

**Alkasem Mohamad Nour
Offordile Uchenna Chinedu
Tchamologne Kom Gabin Baudre**

Abstract: the COVID-19 pandemic, which was a shock in late 2019, did not affect a specific industrial sector. Rather, it affected the global industrial landscape. The pharmaceutical industry is unique among international sectors due to its high level of innovation intensity, complexity, and reliance on regulatory bodies. The COVID-19 crisis was not just the highest point of demand, but a fundamental pillar of strategic transformation for multinational pharmaceutical companies. It shifted their strategic planning compass from a focus on efficiency to a focus on adaptation. This article examines the pre-pandemic state of the global pharmaceutical market, analyzes the multifaceted impact of COVID-19 on multinational pharmaceutical enterprises (MNEs) across scientific, logistical, geopolitical, and regulatory dimensions, and identifies the strategic and organizational responses adopted by these firms.

Key words: COVID-19, multinational pharmaceutical enterprises, global pharmaceutical market, strategic shock, dynamic capabilities, supply chain resilience, regulatory reform.

Многонациональное предприятие (МНП) — это бизнес-субъект, который владеет и управляет производством товаров или услуг как минимум в одной стране за пределами своей страны происхождения. За последние 10 лет глобализация привела к быстрому росту активности МНП. МНП активно стремились реорганизовать свою деятельность, будь то межфирменная или внутрифирменная; внутригосударственная или трансграничная, используя возможности, которые предоставила глобализация. Многонациональная бизнес-модель оказалась особенно важной в фармацевтическом секторе, позволяя компаниям координировать глобальные исследования и разработки, производство и дистрибуцию. Эти технологии были проверены во время пандемии COVID-19, которая выявила преимущества и недостатки тактики МНП.

Большинство глобальных отраслей являются традиционными производителями готовой продукции, связанными с потребительским выбором. В отличие от них, в случае фармацевтической промышленности ее готовая продукция — это не просто выбор, а жизненно важная потребность человека для здоровья и выживания. Фармацевтическая промышленность уникальна среди международных секторов благодаря высокой интенсивности инноваций, сложности и зависимости от регулирующих органов, поэтому влияние внешних стратегических шоков на эту отрасль имеет ряд особенностей, требующих дополнительного изучения.

В отличие от конъюнктурных колебаний, стратегические шоки оказывают сильнейшее дестабилизирующее влияние на структуру спроса и предложения в отраслях, конкурентные позиции и даже бизнес-модели участников рынка. По оценке МВФ пандемия COVID-19 стала таким шоком для большинства отраслей мировой экономики, став худшим экономическим спадом со времен Великой депрессии [5].

Отличительными чертами фармацевтической отрасли являются две ее характеристики. Первая — это очень высокая интенсивность НИОКР, значительно превосходящая производство традиционной продукции, иногда занимающая более десяти лет до выхода на рынок, не говоря уже о строгих клинических испытаниях. Это также влечет за собой огромные затраты, превышающие миллиарды долларов. Вторая характеристика — это интеллектуальная собственность компаний, которая предоставляет некоторым компаниям монопольные права на производство. Это влияет на динамику рынка и ценообразование. Что касается надзора и регулирования, эта отрасль находится под контролем Управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США (FDA) и Европейского агентства по лекарственным средствам (EMA) [4].

За последнее десятилетие мировая фармацевтическая индустрия продемонстрировала значительный рост. Ускорение глобализации решительно подстегнуло мировую фармацевтическую индустрию, при этом крупные компании все чаще объединяют силы посредством слияний и поглощений. По оценкам, для разработки совершенно нового лекарственного препарата потребуется более 1,2 миллиарда долларов США. На тестирование этого продукта и его разработку до конечного, юридически зарегистрированного и одобренного для рынка продукта может потребоваться более 12 лет [3].

На основе результатов анкетирования 350 экспертов со всего мира в отчете СРНИ за 2019 год оценивалось состояние фармацевтического бизнеса по следующим показателям: производство активных фармацевтических ингредиентов (АФИ), инновации, конкурентоспособность, потенциал роста и производство конечной продукции. Три ведущие страны — США (7,56), Германия (7,37) и Япония (7,16) — показали незначительные различия в баллах. Показатели Китая улучшились на 4% в 2019 году и на 13,6% за предыдущие два года, что сделало его страной с самым быстрым темпом развития среди оцениваемых стран [1].

Глобальный фармацевтический рынок продемонстрировал устойчивый и значительный рост с 2010 по 2019 год, со среднегодовым темпом роста от 4 до 7%. Эти расходы в основном были связаны с новыми разработанными методами лечения, такими как онкологические препараты и препараты для лечения вирусного гепатита, которые внесли существенный вклад. Соединенные Штаты были крупнейшим рынком и ключевым двигателем роста, их стоимость в 2019 году составила приблизительно 533,5 млрд долларов США из общего мирового объема в 1,45 трлн долларов США [3].

До начала пандемии COVID-19 мировой рынок фармацевтических препаратов был сегментирован на три основные категории: терапевтические средства, дженерики и вакцины. Из них терапевтические средства приносили наибольший доход в отрасли, составив около 1,2 трлн долларов США в 2019 году, что составляет около 70-75% мирового рынка фармацевтических препаратов. Вклад дженериков в 2019 году составил около 350-400 млрд долларов США, что составляет примерно 20-25% от общего дохода, но на дженерики приходится около 80% всех выписанных рецептов. С другой стороны, вклад вакцин незначителен и составляет около 33 млрд долларов США в 2019 году, что эквивалентно примерно 2% от общего дохода [2].

Фармацевтическая отрасль подвержена высокой степени концентрации и монополистической конкуренции. До начала кризиса COVID-19 эта характеристика отрасли проявлялась в доминировании небольшого числа глобальных фармацевтических компаний, которые в значительной степени контролировали рынки. Эти компании также занимали центральное положение в глобальной цепочке создания стоимости фармацевтической отрасли, особенно в тех отраслях, которые предполагают интенсивные инновации.

Изучение многогранного влияния пандемии на фармацевтическую промышленность с научной, логистической, геополитической и регуляторной точек зрения имеет решающее значение для понимания масштабов этой проблемы. Влияние кризиса COVID-19 на спрос на фармацевтические препараты привело к стратегическому параличу. Прогнозирование спроса на фармацевтические препараты стало чрезвычайно сложным. В целом, спрос на фармацевтические препараты снизился, а количество посещений клиник уменьшилось. Кроме того, значительно вырос спрос на анестетики, седативные средства и препараты для интенсивной терапии, что привело к серьезному дефициту этих лекарств на рынке [2].

Научный аспект. В научном плане фармакологическая отрасль понесла основную тяжесть разработки беспрецедентных методов лечения и вакцин против ранее неизвестных и неидентифицированных патогенов. Стимулы для инноваций в области вакцин демонстрировали явные признаки спада в 2019 году, несмотря на общий рост отрасли. Одним из последствий пандемии стало то, что она стимулировала глобальное научное сотрудничество для разработки результатов и нахождения новых решений в условиях кризиса. Например, китайские исследователи свободно опубликовали свои результаты, раскрыв генетическую карту коронавируса. Рынок вакцин достиг своего пика в 2021 году, превысив 10 миллиардов доз, что было обусловлено государственной политикой, обязывающей граждан к вакцинации [3].

Логистический аспект. В логистическом плане отрасль пережила серьезный шок из-за закрытия границ между странами, что нарушило глобальные цепочки поставок и повлияло на растущий спрос на готовую продукцию и сырье. Китай и Индия, на долю которых приходится от 40% до 50% мировых АФИ, ввели экспортные ограничения и остановили производство на основных производственных мощностях. Например, цена парацетамола выросла более чем на 70% в первые месяцы 2020 года. Авиаперевозки по всему миру практически остановились, сократившись более чем на 90% в апреле 2020 года. Транспортные расходы выросли из-за ограничений на поездки по всему миру, перегруженности портов и необходимости авиаперевозок, что привело к увеличению цен на доставку на 100-200% из-за ограничений производственных мощностей [3].

Геополитическое измерение. В геополитическом плане эта пандемия создала новое восприятие цепочек поставок и основных товаров, что выявило потенциальный геополитический сдвиг. Когда возникла сильная зависимость от Китая, возникла необходимость пересмотреть эти цепочки поставок в качестве стратегической задачи. Глобальные цепочки поставок стали ненадежными и более уязвимыми к потрясениям, что потребовало их пересмотра. Учитывая геополитическую дилемму, с которой сталкивается Китай как крупный поставщик, некоторые правительства призвали компании вернуть производство из-за границы. Япония объявила о выделении 2 миллиардов долларов в виде прямых субсидий и кредитов компаниям, переносящим производство из Китая в Японию. В результате мир все больше разделяется на блоки, а цепочки поставок трансформируются в ответ на политические решения [3].

Регуляторный аспект. На протяжении всей эпидемии фармацевтический сектор и регулирующие органы тесно сотрудничали в создании и распространении диагностических тестов, лекарств и вакцин с беспрецедентной скоростью. Предварительные встречи по вопросам новых лекарственных препаратов (IND) с Управлением по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США (FDA) были разрешены менее чем за 30 дней. В отрасли наблюдался переход от местных к централизованным процедурам утверждения площадок, что сократило сроки утверждения площадок с месяцев до дней. Носимые технологии и электронные системы оценки клинических результатов (eCOA) повышают принятие предприятиями и органами власти данных, предоставляемых непосредственно пациентами, что улучшает качество и безопасность фармацевтических препаратов [3].

Пандемия COVID-19 стала беспрецедентным стратегическим потрясением, затронувшим не только одну стратегическую сторону, но и повлиявшим на предложение, спрос и геополитические правила в целом, что сделало невозможным постепенную адаптацию к кризису. В ответ на этот кризис, управленческие отделы фармацевтических транснациональных корпораций с одной стороны, принимая оперативные решения по реакции на кризисные явления в краткосрочной перспективе, и трансформировали свои долгосрочные стратегические планы по размещению своих производственных мощностей.

Наиболее заметной реакцией фармацевтических транснациональных корпораций стало расширение производства и дистрибуции. Эти компании были вынуждены перепрофилировать свои существующие мощности и расширять производственные линии за счет горизонтальной экспансии, например, путем быстрого заключения контрактов с производственными организациями в нескольких регионах. Стратегическое сотрудничество с биотехнологическими компаниями помогло им объединить взаимодополняющие активы, такие как инновационные технологии, инфраструктура для проведения испытаний, нормативно-правовые знания и глобальные сети дистрибуции, что помогло им снизить риски разработки и ускорить вывод продукции на рынок [3].

Используя теорию динамических возможностей [4], можно утверждать, что транснациональные корпорации в фармацевтической отрасли продемонстрировали высокие возможности в распознавании, использовании и

стратегическом переосмыслении кризиса. Многонациональные фармацевтические компании пересмотрели свои стратегии цепочек снабжения, перейдя от стратегии сокращения затрат к стратегии, ориентированной на гибкость и диверсификацию рисков. Компании перешли от моделей, ориентированных на эффективность, к созданию адаптивных возможностей за счет тиражирования цепочек снабжения, множественных источников и стратегического хранения — от производства «точно в срок» к мультирегиональной диверсификации поставщиков, созданию стратегических запасов в целях повышения устойчивости своего производства.

Пандемия кардинально изменила стратегическое поле деятельности: правительства стали одновременно и партнерами, и гарантами доступа к сырью и рынкам. Экспортный контроль нарушил поток товаров через границы. Создание устойчивых цепочек поставок перестало быть просто желательным, а стало обязательным условием конкурентоспособности. Пандемия также выявила слабость малых фармацевтических и биотехнологических компаний, которым не хватало капитала, производственных мощностей или организационного опыта, в то время как позиции крупных инновационных транснациональных корпораций укрепились [5].

Структурный сдвиг в стратегиях исследований и инноваций фармацевтических и биотехнологических корпораций ускорился во время пандемии. Успех технологии мРНК является примером масштабных изменений в инновациях. В период пандемии фармацевтические и биотехнологические корпорации больше сосредоточились на сегменте инфекционных заболеваний и вновь придали ему легитимность, в то время как до появления COVID-19 они больше внимания уделяли сегментам онкологических и хронических заболеваний [3].

Пандемия стала проверкой динамических возможностей компании, и те фирмы, которые смогли интегрировать технологии, организационные изменения и управление рисками с точки зрения геополитики, смогли занять выгодное положение в постпандемийной фармацевтической отрасли. Пандемия повлияла не только на конкурентоспособность компаний, но и коренным образом изменила характер глобальной конкурентоспособности в фармацевтической отрасли. Можно сказать, что структурные изменения затронули глобальные цепочки поставок фармацевтической продукции, с почти полным переходом к моделям диверсификации ресурсов и поддержания

запасов, в целях смягчения потенциальных шоков и подготовки к подобным будущим потрясениям путем сосредоточения внимания на гибкости поставок и прогнозировании будущих потребностей.

Список литературы

1. CPHI Annual Report (2019): Assessment of national pharmaceutical markets / CPHI Worldwide. – [В. м.]: CPHI Worldwide, 2019. – 120 p.
2. The global use of medicine in 2019 and outlook to 2023 / IQVIA Institute for Human Data Science. – [В. м.] : IQVIA Institute, 2019. – 56 p.
3. The pharmaceutical industry and global health: Facts and figures 2022 / International Federation of Pharmaceutical Manufacturers & Associations (IFPMA). – Geneva: IFPMA, 2022. – URL: https://www.ifpma.org/wp-content/uploads/2023/01/i2023_IFPMA-Facts-And-Figures-2022.pdf (дата обращения: 29.05.2026).
4. Teece, D. J. Dynamic capabilities and strategic management / D. J. Teece, G. Pisano, A. Shuen // Strategic Management Journal. – 1997. – Vol. 18, no. 7. – P. 509–533.
5. World Economic Outlook, April 2020: The Great Lockdown / International Monetary Fund. – Washington, DC : IMF, 2020. – 180 p. – ISBN 978-1-51353-974-4.

© Алкасем М.Н., Оффордил У.Ч., Тшамолонье К.Г.Б.

УДК 65

ИННОВАЦИИ В ГОРОДСКОЙ ЛОГИСТИКЕ

Ганиева Ляйсан Флоридовна

Лоренц Варвара Александровна

студенты

Научный руководитель: **Морозова Ольга Юрьевна**

старший преподаватель

Уральский государственный университет путей сообщения

Аннотация: в статье показано, как цифровые технологии и новые потребительские привычки превращают городскую логистику из затратного звена в инструмент маркетинга и создания ценности для клиента. На основе аналитических моделей (5S, 7P, NPS, CSI, CEI, карта пути клиента) и примеров (дроны, dark stores, шеринг-экономика, Big Data), в ходе работы сделан вывод, что логистика становится ключевым нематериальным активом и точкой дифференциации бренда. Выводы подкреплены графиками (зависимость NPS от времени доставки, сравнение LTV, SWOT-матрица ESG-логистики).

Ключевые слова: городская логистика, маркетинг взаимодействия, клиентский опыт (CX), устойчивое развитие, ESG-маркетинг, автоматизация доставки, темные склады, last mile, big data, брендинг, NPS, CSI.

INNOVATIONS IN URBAN LOGISTICS

Ganieva Lyaysan Floridovna

Lorents Varvara Alexandrovna

Scientific supervisor: **Morozova Olga Yurievna**

Abstract: the article shows how digital technologies and new consumer habits are turning urban logistics from a cost-intensive link into a marketing tool and a value-creating tool for the customer. Based on analytical models (5S, 7P, NPS, CSI, CEI, customer journey map) and examples (drones, dark stores, sharing economy, Big Data), the work concludes that logistics is becoming a key intangible asset and a point of brand differentiation. The conclusions are supported by graphs

(NPS dependence on delivery time, LTV comparison, and ESG logistics SWOT matrix).

Key words: urban logistics, interaction marketing, customer experience (CX), sustainable development, ESG marketing, delivery automation, dark warehouses, last mile, big data, and branding.

Введение: Современная городская среда создаёт уникальные вызовы для логистики: высокая плотность застройки, ограниченные временные окна и «парадокс последней мили» (до 50% затрат на доставку). В маркетинге инновации в городской логистике становятся основой для пересмотра ценностного предложения. Логистика из скрытой функции превратилась в эмоционально окрашенный этап взаимодействия с брендом - «момент истины», где ожидания клиента либо оправдываются, либо разрушаются. Для оценки её роли применима модель 5S (по Чэффи): продажи (Sell), обслуживание (Serve), коммуникация (Speak), снижение оттока (Save) и дифференциация (Sizzle).

Персонализация через Big Data и предиктивную аналитику - главный драйвер инноваций [1, с. 129]. Маркетинговые стратегии в ритейле и e-commerce требуют интеграции с логистическими платформами, где инновация - переход от реактивной модели («заказал - привезли») к проактивной. Алгоритмы машинного обучения формируют предложения на основе локации, истории перемещений и привычного времени покупок, создавая «невидимую логистику»: клиент получает товар в идеальное время без отслеживания курьера. Это повышает ценность бренда как заботливого партнера. Ключевые метрики: NPS, CSI, CEI. На рисунке 1 показана гипотетическая зависимость NPS от времени доставки, демонстрирующая вклад логистических инноваций в лояльность.

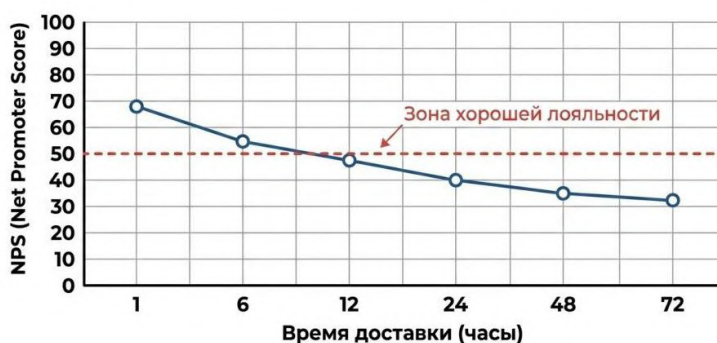

Рис. 1. Зависимость NPS от времени доставки

Отдельного внимания заслуживает трансформация физической инфраструктуры под влиянием маркетинговых установок на скорость и удобство. Появление «темных складов» и микрологистических хабов в спальных районах городов - это прямая реакция на запрос «здесь и сейчас», сформированный маркетинговыми коммуникациями [2, с. 380]. Однако ключевая инновация заключается в том, как эти объекты интегрируются в брендинг компании. Если раньше склад был B2B-объектом, то сегодня он превращается в точку присутствия бренда в городской среде. Маркетинг начинает работать на овеществление сервиса: дизайн велопарковок, брендование электромобилей и даже эстетика упаковки становятся элементами городского ландшафта, работающими на узнаваемость. В этом контексте инновации в логистике смыкаются с наружной рекламой и событийным маркетингом, превращая рутинный процесс перемещения грузов в генератор контактов с аудиторией. Для системного анализа места логистики в комплексе маркетинга применим модель 7P, где логистические инновации влияют на каждый элемент: Product (доставка - часть продукта), Place (dark store - точка присутствия), Promotion (брендованный курьер - реклама), Physical evidence (упаковка и форма), Process (автоматизация), People (курьеры как часть бренда) и Price (готовность платить премию).

Устойчивое развитие (ESG) стало еще одним значимым маркетинговым вектором инноваций в городской логистике. Экологический аспект, который ранее был периферийным, сегодня выступает мощным инструментом дифференциации. Внедрение электрического коммерческого транспорта, использование мультимодальных схем доставки (например, перегрузка товаров с грузовиков на электрокарго или трамваи в исторических центрах европейских городов) и оптимизация маршрутов для снижения выбросов CO₂ активно используются в маркетинговых коммуникациях. Потребитель (особенно в сегменте Millennials и Gen Z) демонстрирует готовность платить премию или выбирать бренд именно на основании его экологической ответственности. Таким образом, «зеленые» логистические инновации становятся не статьей расходов, а инвестицией в лояльность и репутационный капитал, формируя образ бренда как социально ответственного игрока [3, с. 311].

Экономика совместного потребления также вносит коррективы в маркетинговый подход к городской логистике. Инновационные модели, такие как краудсорсинговые платформы доставки и объединение грузопотоков

конкурирующих брендов в рамках одной логистической платформы (агрегация), меняют природу отношений «бренд-клиент» [4, с. 193]. С точки зрения маркетинга, это позволяет снизить стоимость доставки до нуля для конечного пользователя, что является мощнейшим стимулом для совершения покупки. Более того, вовлечение местных жителей в процесс доставки через мобильные приложения формирует новую форму лояльности, где клиент выступает не только покупателем, но и агентом экосистемы. Это создает эффект сетевого участия, где каждый успешно доставленный заказ укрепляет социальные связи между участниками платформы, что является высшей формой маркетинга взаимодействия. На рисунке 2 приведена воронка RACE, иллюстрирующая этапы привлечения (Reach), активации (Act), конверсии (Convert) и вовлечения (Engage) для краудсорсинговой доставки.

Рис. 2. Воронка RACE для краудсорсинговой доставки

Нельзя не отметить и технологическую революцию в области автоматизации. Использование автономных роботов-доставщиков, дронов и роботизированных сортировочных центров оказывает прямое влияние на позиционирование бренда [5, с. 15]. Для маркетинга высокотехнологичных товаров или премиального сегмента внедрение роботизированной доставки служит подтверждением инновационности и статусности компании. Это работает как технологический сигнал: клиент ассоциирует бренд с прогрессом, безопасностью и эффективностью. Однако истинная маркетинговая ценность этих инноваций раскрывается в их способности обеспечивать новый уровень контроля и прозрачности. Приложения с трекингом в реальном времени, интегрированные с чат-ботами на основе генеративных нейросетей, позволяют превратить ожидание заказа из

стрессового процесса в развлекательный или информативный опыт, снижая отток клиентов и увеличивая частоту повторных покупок.

Заключение: Таким образом, инновации в городской логистике меняют парадигму: от управления издержками к управлению клиентским опытом. В условиях насыщенного рынка способность бренда обеспечить бесшовную, экологичную и персонализированную доставку становится ключевым фактором выбора. Логистическая инфраструктура - это продолжение медийного образа компании. Бренды, инвестирующие в «умную» логистику как в маркетинговый инструмент, не просто сокращают путь товара, но и выстраивают эмоциональную связь. Сводная диаграмма (рисунок 3) обобщает влияние инноваций на NPS, CSI и LTV в формате «до и после», демонстрируя маркетинговую эффективность инвестиций. Побеждает не тот, кто доставляет быстрее всех, а тот, кто превращает доставку в значимую часть бренда.

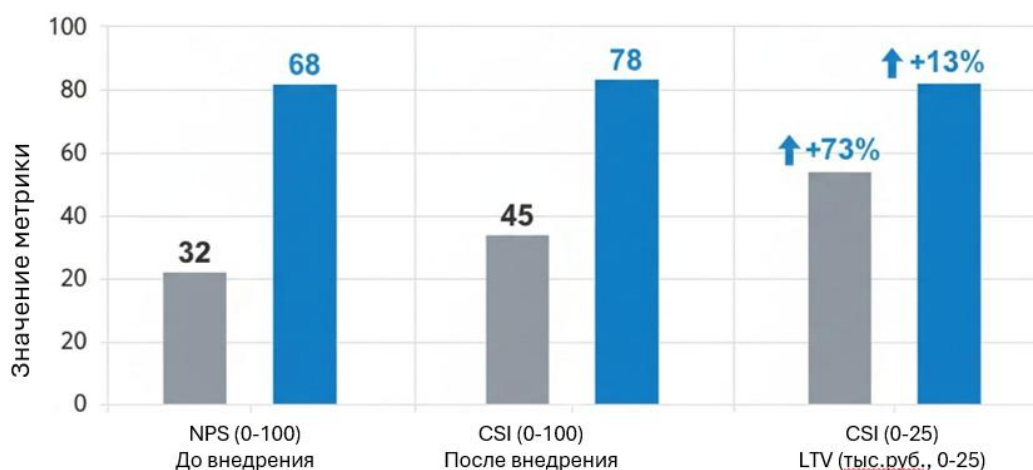

Рис. 3. Влияние логистических инноваций на ключевые метрики

Список литературы

1. Абросимова, А. А. Информационное обеспечение процессов городской логистики / А. А. Абросимова. — Текст : Непосредственный // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2020. — № 11. — С. 128-133.
2. Несолёный, Д. А. Инновационные технологии в сити-логистике как инструмент: обеспечения устойчивого и безопасного городского развития / Д. А. Несолёный. — Текст : Непосредственный // Обеспечение устойчивости и безопасности развития экосистем: современные методы и инструменты диагностики рисков и угроз. — М. : Ооо "Издательский Дом "Научная Библиотека", 2023. — С. 373-385.

3. Андреев, К. П. Городская логистика – современный подход к решению транспортных проблем городов / К. П. Андреев, Г. К. Рембалович, В. В. Терентьев. — Текст : Непосредственный // Технологические новации как фактор устойчивого и эффективного развития современного агропромышленного комплекса. — Рязань : Рязанский гос. агротехнологический ун-т им. П.А. Костычева, 2020. — С. 308-311.

4. Савин, Г. В. Инновации в городской логистике / Г. В. Савин. — Текст : Непосредственный // Научно-практическая конференция "Экономический рост России в условиях санкций". — Екатеринбург : Уральский гуманитарный ин-т, 2015. — С. 190-194.

5. Арифджанова, Н. З. Условия развития и совершенствования городских транспортно-логистических систем / Н. З. Арифджанова. — Текст : Непосредственный // Проблемы современной науки и образования. — 2023. — № 9. — С. 11-17.

© Ганиева Л.Ф., Лоренц В.А.

**ЦИФРОВАЯ ЭКОСИСТЕМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ МОСКВЫ:
СТРАТЕГИЯ «УМНЫЙ ГОРОД – 2030» И ИНТЕГРАЦИЯ
УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЫ**

Гусейнов Марат Тимурович

магистрант

Научный руководитель: **Анасенко Елена Валерьевна**

к.э.н., доцент

АНОВО «Московский международный университет»

Аннотация: статья посвящена анализу процесса цифровой трансформации системы высшего образования города Москвы в контексте реализации стратегии «Умный город – 2030». На основе сравнительного анализа цифровых сервисов пяти ведущих московских вузов (МГУ, НИУ ВШЭ, РАНХиГС, МИРЭА, МГПУ) исследуется интеграция городских платформ («Московская электронная школа», портал «Открытый университет», сервисы «Мои документы») в университетскую среду. Выявлен уровень проникновения онлайн-курсов и технологий искусственного интеллекта, рассмотрены примеры автоматизации административных процессов. Особое внимание уделено проблемам информационной безопасности. В заключение формулируются предложения по стандартизации интерфейсов и развитию единого образовательного ландшафта столицы.

Ключевые слова: цифровая экосистема, высшее образование, Москва, Московская электронная школа (МЭШ), искусственный интеллект, цифровой университет, стандартизация.

**DIGITAL ECOSYSTEM OF HIGHER EDUCATION IN MOSCOW:
THE “SMART CITY 2030” STRATEGY AND INTEGRATION
OF THE UNIVERSITY ENVIRONMENT**

Guseynov Marat Timurovich

Scientific adviser: **Anasenko Elena Valerievna**

Abstract: the article is devoted to the analysis of the digital transformation process of the higher education system in Moscow within the context of implementing the “Smart City – 2030” strategy. Based on a comparative analysis of

digital services of five leading Moscow universities (MSU, HSE, RANEPA, MIREA, MGPU), the integration of city platforms into the university environment is studied. The penetration level of online courses and artificial intelligence technologies is revealed, and examples of administrative process automation are considered. Special attention is paid to the problems of information security. In conclusion, proposals for interface standardization and the development of a unified educational landscape of the capital are formulated.

Key words: digital ecosystem, higher education, Moscow, Moscow Electronic School, artificial intelligence, digital university, standardization.

Стратегия «Умный город – 2030», реализуемая Правительством Москвы, представляет собой комплексную программу цифровой трансформации городского хозяйства, в рамках которой высшее образование занимает одно из ключевых позиций. В условиях цифровизации экономики России в 2020–2025 гг. происходит трансформация вузовских образовательных программ. Сегодня 87% российских университетов используют цифровые платформы, а 62% внедрили искусственный интеллект в учебные процессы. В 2025 г. на модернизацию высшей школы направлено 34 млрд рублей, что позволило оснастить 1200 аудиторий системами виртуальной и дополненной реальности. Центральным элементом городской цифровой инфраструктуры долгое время являлась «Московская электронная школа», однако сегодня наблюдается процесс выхода данной платформы за рамки среднего образования и формирования единого цифрового ландшафта, охватывающего колледжи и университеты в рамках открытой экосистемной модели [1, с. 687].

Для проведения сравнительного анализа были выбраны пять высших учебных заведений Москвы, различающихся по статусу, ведомственной принадлежности и профилю подготовки. В выборку вошли: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (классический университет), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (исследовательский и социально-экономический профиль), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (управленческий профиль), МИРЭА – Российский технологический университет (технический профиль), Московский городской педагогический университет (педагогический профиль). Выбор данных вузов обусловлен их репрезентативностью для московской системы высшего

образования и различием в подходах к цифровизации, что соответствует концепции университета как центра интеллектуального и социально-экономического развития городской территории [2, с. 31].

В основе методологии лежит компаративистский анализ открытых источников, официальных сайтов образовательных учреждений и публикаций по проблематике цифровизации образования. Анализ проводился по нескольким параметрам, а именно: используемая система управления обучением (LMS), уровень интеграции с городскими сервисами, применение технологий ИИ, доступность массовых открытых онлайн-курсов (МООК), наличие автоматизированных административных сервисов. Также использовались статистические данные Министерства науки и высшего образования РФ и Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. Подобный набор показателей позволяет оценить не только технологическую оснащённость, но и готовность кадрового потенциала к работе в цифровой среде [3, с. 62]

Системы управления обучением (LMS). Проведенный анализ показал, что все рассматриваемые вузы перешли на использование LMS, однако спектр платформ различается. МГУ имени М.В. Ломоносова в значительной степени опирается на открытую платформу Moodle: факультет вычислительной математики и кибернетики использует собственную площадку `moodle3.cs.msu.ru`, а Центр развития электронных образовательных ресурсов поддерживает портал `distant.msu.ru`, что создает определенную фрагментарность цифровой среды внутри самого университета. В противоположность этому, НИУ ВШЭ демонстрирует централизованный подход, внедрив собственную систему SmartLMS, которая создана на принципах открытой архитектуры, поддерживает мировые стандарты интеграции (SCORM, LTI и др.) и объединяет всех участников учебного процесса, формируя ядро единой цифровой образовательной среды [3, с. 64]. В РАНХиГС используется LMS на базе Moodle, обслуживающая более 500 тыс. студентов и слушателей, а также создана виртуальная рабочая среда VDI для 15 тыс. учащихся. МИРЭА развивает учебный портал `online-edu.mirea.ru`, фокусируясь на специализированных курсах в области искусственного интеллекта.

С 2025 г. все колледжи Москвы полностью интегрированы в цифровую образовательную платформу «Московская электронная школа» (МЭШ). Сервисами МЭШ пользуются более 7 млн учеников, родителей и педагогов по

всей стране. Планируется развитие сервиса «Цифровой учитель» и создание сервисов профориентации для старшеклассников. Для выпускников школ в МЭШ запущен сервис автоподборки вузов на основе результатов ЕГЭ и индивидуальных достижений, что делает платформу связующим звеном между средним и высшим образованием и реализует принцип сквозной цифровой инфраструктуры умного города [2, с. 32].

Внедрение технологий ИИ носит пока экспериментальный характер. Лидером в этой области является МГПУ, где реализуется проект «Цифровое зеркало», разрабатываемый в рамках программы «Приоритет – 2030» [4]. Система использует ИИ для анализа учебных занятий, оценивая эмоциональный фон урока, вовлеченность студентов и методические приемы, а также создает расшифровку урока. Студенты МГПУ создали цифровых ассистентов на базе платформы «Нейролик»: «МетодикAi» для помощи при подготовке научных работ, «Цифрового водителя» для работы в детских лагерях и научного помощника для формулирования тем ВКР. Развитие подобных инструментов напрямую связано с формированием цифровых компетенций, позволяющих студентам не только потреблять, но и создавать цифровые продукты [1, с. 687].

Автоматизация административных процессов является важным направлением развития цифровой экосистемы, так, например, студенты МГПУ разработали голосовых и текстовых роботов на базе диалоговой платформы DialogOS, позволяющих разрабатывать и тестировать нейросетевые решения. Платформа Modeus успешно применяется в ряде вузов для формирования индивидуальных расписаний и управления выбором элективов. Создаются чат-боты для мессенджеров, позволяющие получать расписание, оценки и заказывать справки без захода на официальный сайт вуза.

Однако, при всех положительных моментах, следует также обрисовать и проблемы, связанные с широким развитием цифровых технологий, а именно с риском утечки данных. Консолидация персональных данных в цифровых системах создает серьезные угрозы. В 2022 г. хакеры из группировки NLB опубликовали базу, содержащую 17 млн строк с данными учителей, школьников и родителей, включая ФИО, 3,6 млн уникальных номеров телефонов, 5,5 млн адресов электронной почты, даты рождения и СНИЛС. Хотя Департамент информационных технологий Москвы опроверг факт утечки, инцидент подрывает доверие пользователей и подчеркивает

необходимость жесткого регулирования информационной безопасности в вузовских экосистемах.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что Москва создает прецедент формирования «цифрового университета как городского сервиса». Однако существующее многообразие платформ и интерфейсов создает барьеры для беспшовного перемещения студента между образовательными уровнями и сервисами. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 59870-2021 «Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Цифровой университет. Общие положения» уже определяет необходимость стандартизации концептуальной модели и архитектуры цифрового университета [5, с.4]. В связи с этим предлагается:

Создание единого реестра цифровых сервисов для студентов, доступного через портал mos.ru.

Внедрение обязательных программ повышения цифровой квалификации для преподавателей с акцентом на практическое применение ИИ.

Разработка отраслевых стандартов кибербезопасности для вузов с регулярным аудитом защищенности данных.

Создание системы грантовой поддержки межвузовских цифровых проектов по автоматизации административных процессов.

Список литературы

1. Мурадова Н. У. Особенности экосистемы вузов в цифровой среде // International Symposium "Advanced Research in Economics and Business Management": материалы международного симпозиума. – 2025. – С. 686–688. – DOI: 10.5281/zenodo.17288871. – Текст : электронный.

2. Долженко Р. А., Долженко С. Б. Университет как центр умного города: целевое видение и разрывы в развитии // Муниципалитет: экономика и управление. – 2022. – № 4(41). – С. 30–40. – DOI: 10.22394/2304-3385-2022-4-30-40. – Текст : электронный.

3. Ларионов В. Г., Шереметьева Е. Н., Горшкова Л. А. Цифровая трансформация высшего образования: технологии и цифровые компетенции // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2021. – № 2. – С. 61–69. – DOI: 10.24143/2073-5537-2021-2-61-69. – Текст : электронный.

4. Цифровое зеркало МГПУ : инновационная система анализа учебных занятий / Московский городской педагогический университет. – Москва, 2025. – URL: https://digida.mgpu.ru/index.php?title=Цифровое_зеркало.

5. ГОСТ Р59870-2021. Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Цифровой университет. Общие положения: национальный стандарт Российской Федерации : утвержден и введен в действие Приказом Росстандарта от 24 ноября 2021 г. № 1559-ст. – Москва : ФГБУ «РСТ», 2021. – 23 с.

© Гусейнов М.Т.

**СЕКЦИЯ
ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Морозова Татьяна Федоровна
Бутузова Марина Владимировна
преподаватели
АНПОО «Колледж ВИБТ»

Аннотация: в статье рассматривается принцип состязательности, являющийся основой современного уголовного процесса, регулирующий формы взаимодействия участников. Данный принцип имеет важное значение, так как зачастую определяет исход сложных судебных споров, особенно когда стороны активно спорят между собой, оспаривают доказательства или подвергают сомнению законность и обоснованность действий оппонента. Значение принципа усиливается в контексте реформ УПК РФ.

Ключевые слова: принцип состязательности в уголовном процессе, равноправие сторон, уголовный процесс, суд, стороны, доказательства, защита прав и законных интересов.

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF COMPETITION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Morozova Tatiana Fedorovna
Butuzova Marina Vladimirovna

Abstract: the article examines the principle of competition, which is the basis of modern criminal proceedings, regulating the forms of interaction between participants. This principle is important because it often determines the outcome of complex legal disputes, especially when the parties actively argue among themselves, challenge evidence, or question the legality and validity of the opponent's actions. The importance of the principle increases in the context of the reforms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Key words: the principle of competition in criminal proceedings, equality of the parties, criminal proceedings, court, parties, evidence, protection of rights and legitimate interests.

В последнее время в России граждане все чаще стали обращаться в суд для защиты своих законных прав и интересов, а принципы состязательности и равноправия сторон, наделяют их определенными правами по отстаиванию собственных интересов и равными возможностями, по защите своих прав.

В ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации закреплён один из важнейших постулатов правового государства: принцип состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве. Построение именно уголовного судопроизводства на этом высшем конституционном положении предполагает существование жестко регламентированного процесса, в центре которого находится независимый суд. Только суд может быть единственным субъектом правосудия, поскольку только он вправе выносить окончательное решение [1].

Данный принцип нашел также свое отражение в статье 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ), согласно которой суд обязан обеспечить равенство сторон и возможность каждой стороны осуществлять предоставленные права. Согласно ч. 4 статьи 15 УПК РФ «Стороны обвинения и защиты равноправны перед судом» [2].

Институт состязательности в УПК РФ неразрывно связан с базовыми конституционными принципами равенства всех перед законом и права на защиту, создавая тем самым единую согласованную систему судопроизводства.

Положения, составляющие содержание принципа состязательности, выступают основанием для процессуальной деятельности любого участника, особенно в части судебного разбирательства. Они регулируют не только правовое положение стороны обвинения и стороны защиты, но и определяют статус суда и его обязанности в организации судебной деятельности.

Вокруг суда находятся две процессуально равноправные стороны – обвинение и защита, каждая из которых исполняет свои функции. Значение принципов состязательности и равноправия сторон заключается в возможности лиц, участвующих в деле, распоряжаться как материальными, так и процессуальными правами на равных условиях. Такая идеальная процессуальная позиция в условиях сложной современной формы уголовного судопроизводства наблюдается в ходе открытого судебного разбирательства. Таким образом, данный принцип означает активное равноправное противостояние обвинения и защиты перед судом, при котором обе стороны обладают равными возможностями на доказывание своей позиции.

На практике состязательность выражается в том, что стороны сами

представляют доказательства. Прокурор и следователь строят обвинение на основе собранных доказательств, а защита и потерпевший могут выдвигать свои аргументы, просить независимую экспертизу или представить свидетелей. Без полноценного взаимодействия этих двух равноправных сил в суде невозможно обеспечить объективное установление истины.

Принцип состязательности имеет важное правовое значение, так как его действие распространяется не только на досудебный этап, но и на всё судебное разбирательство. Судья не ищет и не собирает доказательства сам, а лишь проверяет те материалы, которые уже были представлены сторонами.

Нарушение принципа состязательности, например, отказ суда в удовлетворении ходатайства защиты о допросе ключевого свидетеля может стать самостоятельным основанием для отмены приговора на стадии апелляционного обжалования.

Суды должны детально документировать все нарушения равноправия сторон, что непосредственно отражается в судебных протоколах.

Таким образом, суть этого принципа состоит в том, что стороны сами активно создают доказательственную часть, выдвигают свои доказательства, излагают версию событий и приводят доводы, при этом суд остается беспристрастным. Принцип состязательности не только организует процесс, но и делает его гибким, позволяя точнее оценивать обстоятельства дела и обеспечивать справедливость на всех уровнях правосудия.

В судебной практике Воронежской области и других регионов особенно выделяются дела, где равноправие сторон действительно влияло на ход и исход процесса. Чаще всего это проявлялось в уголовных делах по тяжким статьям, например, умышленное причинение вреда здоровью или незаконный оборот наркотиков. В таких делах материалы следствия часто были неполными или спорными, и здесь инициатива защиты становилась решающей. Так, в ряде случаев по статье 111 УК РФ следователи опирались только на показания потерпевших, но защита находила свидетелей, которые могли рассказать иную версию событий, указывая на нестыковки в хронологии [3].

В экономическом уголовном процессе принцип состязательности находит свое воплощение прежде всего в обеспечении равных процессуальных возможностей для сторон обвинения и защиты в плане инициирования дополнительных проверок фактов и доказательств. Это не должно приводить к монополизации информации или методов расследования какой-либо из сторон, если это мешает объективному разбирательству.

Одной из актуальных и массовых проблем судебной практики выступает сложность с назначением независимых экспертиз, особенно когда речь идёт о узкоспециализированных дисциплинах, например, судебно-медицинской диагностике или психолого-лингвистическом анализе. Для существенного усиления фундаментального принципа состязательности в современных процессах весьма перспективно кардинально расширить процессуальные возможности участников дела на инициативное проведение дополнительных независимых экспертиз. Это особенно важно в сложных производствах, где требуется узкая экспертиза, например, уголовные дела с судебно-медицинскими исследованиями или дела, связанные с психолого-лингвистической оценкой доказательств, от заключения которых напрямую зависит установление истины.

Проблема российского уголовного судопроизводства в том, что не на всех стадиях уголовного судопроизводства в полной мере реализован принцип состязательности. Для успешной реализации принципа состязательности в досудебном производстве необходимо устранять неравенство сторон обвинения и защиты, и обеспечивать равные правовые возможности для всех участников процесса, а также разработать четкую законодательную базу, регламентирующую действительное фактическое равенство сторон судопроизводства.

Основные проблемы в толковании содержания принципа состязательности связаны в основном с определением полномочий участников стороны обвинения, действия и решения которых обжалуют участники стороны защиты. Вместе с тем не всегда жалобы обвиняемых, осужденных и их защитников, являются обоснованными и предметными. Конституционный Суд РФ в большинстве случаев вынужден отказывать в принятии и рассмотрении жалоб заявителей на не конституционность ст.15 УПК РФ, в связи с их необоснованностью, а иногда и прямым искажением реальных фактов.

Системные проблемы усугубляются низкой квалификацией части защитников, бюрократизацией и перегруженностью судов, что превращает состязательность из реального метода поиска истины в формальную процедуру, лишаящую процесс его подлинной эффективности и способности раскрывать объективную правду по делу.

Для повышения состязательности требуется системный подход: например, семинары для участников процесса, межведомственные рабочие

группы по анализу практики, а также обеспечение баланса между обвинением и защитой на всех стадиях, что напрямую влияет на качество судебных решений и гарантирует равные права сторон в ходе расследования и суда.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 27. – Ст. 4196.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

© Морозова Т.Ф., Бутузова М.В.

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ
В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Морозова Татьяна Федоровна

преподаватель

Кончаковская Софья Владимировна

студент

АНПОО «Колледж ВИБТ»

Аннотация: в статье рассматривается содержание принципа законности в гражданском судопроизводстве, которое раскрывается через несколько взаимосвязанных элементов, характеристика признаков принципа законности в гражданском судопроизводстве, место в системе принципов гражданского судопроизводства, его действие на всех стадиях гражданского процесса.

Ключевые слова: принцип законности в гражданском производстве, реализация принципа законности.

**IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF LEGALITY
IN CIVIL PROCEEDINGS**

Morozova Tatiana Fedorovna

teacher

Konchakovskaya Sofya Vladimirovna

student

College of the Voronezh Institute of High Technologies

Abstract: the article examines the content of the principle of legality in civil proceedings, which is revealed through several interrelated elements, characteristics of the features of the principle of legality in civil proceedings, its place in the system of principles of civil proceedings, its effect at all stages of civil proceedings.

Key words: the principle of legality in civil proceedings, the implementation of the principle of legality.

Принцип законности является одним из фундаментальных начал правовой системы Российской Федерации и занимает особое место в системе принципов гражданского судопроизводства. Конституция Российской

Федерации провозглашает Российскую Федерацию правовым государством, в котором высшей ценностью признаются человек, его права и свободы, а государство обязано обеспечивать их защиту. Именно гражданское судопроизводство является важнейшим механизмом такой защиты, поскольку предоставляет каждому гражданину и организации право на рассмотрение их дела в суде на основании закона. Реальность этого права, его практическая осуществимость напрямую зависят от того, в какой мере принцип законности соблюдается судами при рассмотрении и разрешении гражданских дел. В условиях продолжающегося совершенствования гражданского процессуального законодательства, цифровизации правосудия и реформирования судебной системы исследование принципа законности в его теоретическом и практическом измерениях приобретает особую актуальность.

Общеправовой характер принципа законности выражается в том, что он действует во всех отраслях права и не ограничивается рамками какой-либо одной правовой сферы. Законность представляет собой не частное правило, а фундаментальное начало, обеспечивающее реальное действие права. Именно поэтому применительно к гражданскому судопроизводству законность следует рассматривать прежде всего как общеправовой принцип, который затем получает отраслевую конкретизацию.

Конституционная природа законности подтверждает её исходное, базовое значение для всей правовой системы Российской Федерации. Так, статья 15 Конституции Российской Федерации устанавливает, что органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы. Это положение носит всеобщий характер и охватывает все формы правоприменительной деятельности. Особое значение для раскрытия принципа законности в судопроизводстве имеет часть 1 статьи 120 Конституции Российской Федерации, согласно которой судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону» [1]. Следовательно, независимость суда не противопоставляется законности, а, напротив, реализуется через подчинение исключительно закону. Такая взаимосвязь показывает, что законность является не внешним ограничителем судебной деятельности, а её внутренней правовой основой.

В системе принципов гражданского судопроизводства законность занимает центральное место, поскольку именно она создаёт нормативные рамки для реализации других принципов. Состязательность возможна лишь в пределах установленной законом процедуры; диспозитивность действует

только постольку, поскольку закон допускает свободу распоряжения процессуальными правами; гласность ограничивается случаями, прямо предусмотренными законом. Законность объединяет эти принципы в единую систему, не позволяя им реализовываться произвольно и вне правовых пределов.

На данное обстоятельство прямо указал Верховный Суд Российской Федерации. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» закреплено, что «решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права» [6]. Это разъяснение имеет принципиальное значение для понимания сущности законности в гражданском судопроизводстве. Таким образом, законность в гражданском судопроизводстве всегда предполагает единство содержания и формы.

Важно отметить, что принцип законности не противостоит справедливости, а выступает её юридической формой. Действительно, если решение принимается вне закона, оно не может быть признано справедливым в юридическом смысле, даже если субъективно кажется правильным.

Как общеправовой принцип законность тесно связана и с принципом судебной защиты прав и свобод. Право на судебную защиту не может считаться реализованным, если дело рассмотрено судом с нарушением установленной законом процедуры либо на основе неправильного применения материального права. Иными словами, судебная защита становится реальной только тогда, когда она осуществляется законным судом, в законной процедуре и на основе закона.

Необходимо учитывать и то, что общеправовой характер принципа законности предопределяет его действие на всех стадиях гражданского процесса. Он проявляется не только в момент вынесения решения, но и при возбуждении дела, подготовке его к судебному разбирательству, исследовании доказательств, пересмотре судебных актов и исполнительном производстве. Уже на стадии подготовки дела суд обязан определить юридически значимые обстоятельства, разъяснить сторонам их права и обязанности, содействовать представлению необходимых доказательств, действуя строго в рамках закона. Это означает, что законность не может рассматриваться как требование исключительно к итоговому судебному акту. Напротив, она пронизывает весь процесс с самого его начала и до фактического восстановления нарушенного права.

Важным проявлением общеправовой природы законности является её связь с единообразием судебной практики. Если нормы права применяются судами произвольно и неодинаково, то это подрывает саму идею законности, поскольку создаёт ситуацию правовой неопределённости. Именно в этом проявляется общеправовое значение законности: она обеспечивает не только правильность отдельного решения, но и целостность всей системы правосудия.

Таким образом, принцип законности как общеправовой принцип гражданского судопроизводства представляет собой фундаментальное начало, имеющее конституционную природу и универсальное действие. Он распространяется на все стадии процесса, на суд и всех иных участников судопроизводства, определяет пределы судебного усмотрения, обеспечивает единство материальной и процессуальной сторон правосудия и выступает необходимой гарантией реализации права на судебную защиту. Будучи системообразующим принципом, законность связывает воедино все иные принципы гражданского процесса и обеспечивает их реализацию в правовой, а не произвольной форме. В системе этих принципов законность занимает особое место – не просто как один из элементов наряду с другими, но как начало, задающее правовые рамки для всего судопроизводства в целом. Именно поэтому анализ содержания и признаков принципа законности позволяет глубже понять природу гражданского процесса.

Содержание принципа законности в гражданском судопроизводстве раскрывается через несколько взаимосвязанных элементов. Первым из них является обязанность суда правильно применять нормы материального права при разрешении гражданских дел по существу. Это означает, что суд не вправе применять закон, не подлежащий применению к конкретным правоотношениям. Таким образом, правильное применение материального закона составляет ядро принципа законности и предопределяет законность вынесенного решения в его содержательном измерении.

Второй элемент содержания принципа законности – обязанность суда соблюдать нормы процессуального права, то есть осуществлять правосудие в установленной законом форме. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает порядок возбуждения дела, его подготовки, судебного разбирательства, вынесения решения и его обжалования. Соблюдение этого порядка является не формальностью, а содержательным требованием, поскольку процессуальная форма служит гарантией прав участников процесса. В частности, нарушение порядка

извещения сторон, правил оценки доказательств, требований к форме и содержанию судебного решения – всё это является нарушением принципа законности, влекущим отмену судебного акта. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении», решение является законным, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права» [6]. Данная формулировка подтверждает, что процессуальная законность является равноценной составляющей общего принципа законности.

Третий элемент содержания принципа законности охватывает требования к деятельности участников процесса – сторон, их представителей, прокурора, третьих лиц, свидетелей, экспертов. Все они обязаны действовать в рамках закона, добросовестно пользоваться своими процессуальными правами и не злоупотреблять ими. Таким образом, принцип законности носит не односторонний характер, но является всеобъемлющим нормативным требованием ко всем субъектам процессуальных правоотношений.

Четвёртый элемент содержания принципа законности состоит в требовании соответствия применяемых норм Конституции Российской Федерации. В условиях конституционного государства законность не может ограничиваться формальным следованием нормам отраслевого законодательства – она предполагает также соответствие применяемых норм высшему юридическому акту страны. Данный элемент придаёт принципу законности особую глубину: суд не является простым исполнителем буквы закона, но выступает хранителем конституционного правопорядка, обязанным отказаться от применения нормы, противоречащей Конституции.

Переходя к характеристике признаков принципа законности в гражданском судопроизводстве, необходимо прежде всего назвать его нормативность. Данный признак означает, что законность опирается на реально действующие правовые нормы, а не на обычаи, моральные представления или усмотрение судьи. Требования законности существуют, поскольку они закреплены в законе, и изменяются вместе с изменением нормативной базы. Нормативность принципа законности отличает его от неправовых регуляторов и обеспечивает его общеобязательное и единообразное применение.

Следующий признак – всеобщность. Принцип законности распространяется на всех участников гражданского судопроизводства без исключения. Ни суд, ни стороны, ни прокурор, ни иные лица, участвующие в

деле, не вправе действовать вопреки требованиям закона. Данный признак тесно связан с принципом равенства всех перед законом и судом: если бы законность распространялась лишь на отдельных субъектов процесса, она утратила бы своё правовое значение.

Обязательность как признак принципа законности означает, что его несоблюдение влечёт применение мер процессуальной ответственности или отмену незаконных судебных актов. В гражданском процессуальном праве механизм реагирования на нарушения законности включает несколько уровней: апелляционное, кассационное, надзорное обжалование, а также пересмотр по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

Обязательность принципа законности, таким образом, обеспечивается системой процессуальных санкций, действующих автоматически при констатации соответствующих нарушений.

Единство является ещё одним принципиальным признаком законности в гражданском судопроизводстве. Оно означает, что требования законности едины на всей территории Российской Федерации и не допускают регионального или субъектного разнообразия. Российское гражданское процессуальное законодательство относится к предметам ведения Российской Федерации, что само по себе гарантирует единообразие процессуального права.

Принцип законности в гражданском судопроизводстве обладает также признаком иерархичности, который отражает структуру правовой системы Российской Федерации. Суд при применении норм обязан соблюдать их иерархию: Конституция имеет высшую юридическую силу, затем следуют федеральные конституционные законы, федеральные законы, подзаконные акты. В случае противоречия между нормами разной юридической силы подлежит применению норма более высокой степени иерархии. Часть 2 статьи 11 ГПК РФ прямо предписывает суду при разрешении дел применять в первую очередь нормы Конституции, затем – международные договоры, и лишь после – федеральное законодательство» [2]. Таким образом, иерархичность правовой системы непосредственно отражается на содержании принципа законности.

Таким образом, принцип законности в гражданском судопроизводстве имеет богатое и многоаспектное содержание, которое не сводится к простому следованию норме, но включает правильное применение материального и процессуального права, соответствие судебных актов Конституции, единообразие правоприменения и защиту субъективных прав участников

процесса. Его признаки – нормативность, всеобщность, обязательность, единство, иерархичность и охранительная направленность – в совокупности определяют особое место данного принципа среди всех основ гражданского судопроизводства. Краткий вывод состоит в следующем: принцип законности является системообразующим, содержательно насыщенным и многопризнаковым правовым началом, от полноты и последовательности реализации которого непосредственно зависят качество правосудия по гражданским делам и степень реальной защиты прав и законных интересов участников процесса.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Российская газета. – 1993. – 25 дек. – № 237.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1.
5. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. действующая) // Российская газета. – 1992. – № 39.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 2.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 1.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 9.

БИЛЛИНГ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Абдракипова Диана Ильнуровна

Ахметзянова Зарина Наилевна

студенты

Научный руководитель: **Маркелов Александр Геннадьевич**

к.ю.н., доцент

Казанский институт (филиал)

Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация: в статье рассматривается значение биллинговых данных операторов сотовой связи как нетрадиционного, но высокоинформативного источника доказательств в уголовном судопроизводстве. Анализируется процессуальный порядок получения детализации звонков и соединений абонента, а также её роль в установлении местонахождения лица, проверке алиби и выявлении круга контактов подозреваемого. Особое внимание уделяется проблемам допустимости биллинговой информации, связанным с нарушением требований закона при её изъятии и приобщении к материалам дела.

Ключевые слова: биллинг, уголовный процесс, сотовая связь, следственные действия, допустимость доказательств.

BILLING IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abdrakipova Diana Ilnurovna

Akhmetzyanova Zarina Nailevna

Scientific adviser: **Markelov Alexander Gennadievich**

Abstract: the article discusses the significance of billing data from mobile network operators as an unconventional but highly informative source of evidence in criminal proceedings. The article analyzes the procedural order for obtaining call and connection details, as well as its role in establishing a person's location, verifying an alibi, and identifying the suspect's circle of contacts. Special attention is given to the issues of admissibility of billing information related to violations of legal requirements during its seizure and inclusion in the case materials.

Key words: billing, criminal proceedings, cellular communication, investigative actions, admissibility of evidence.

С развитием телекоммуникаций сотовый телефон перестал быть просто средством связи — он стал персональным устройством фиксации перемещений и контактов человека. В уголовном судопроизводстве данные о соединениях между абонентами и подключениях к базовым станциям (так называемый биллинг) превратились в мощный инструмент доказывания.

Актуальность темы биллинга в уголовном процессе обусловлена не только цифровой природой современных доказательств, но и колоссальными масштабами использования этого инструмента государственными органами. Согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за первое полугодие 2025 года органы дознания и следствия направили в суды около 1,3 миллиона различных ходатайств, связанных с ограничением конституционных прав граждан. Из них 247 тысяч (то есть каждое пятое ходатайство) касались получения доступа к детализации звонков и переписке (так называемый «биллинг») [1].

Это говорит о том, что контроль за телекоммуникационной активностью стал рутинным механизмом следствия, а проблемы точности, допустимости и своевременности получения этих доказательств имеют первостепенное практическое значение.

Биллинг (от англ. to bill — выставить счет) — это совокупность процессов сбора, тарификации, хранения и анализа данных о предоставленных абоненту услугах связи. Данный информационный ресурс позволяет следствию реконструировать маршруты перемещения субъекта, анализировать его социальные связи и фиксировать иные факты, способствующие формированию доказательственной базы по уголовному делу.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит термина «биллинг», однако в статье 186.1 УПК РФ устанавливает порядок получения информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами [2].

Статья 186.1 УПК РФ. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами:

1. При наличии достаточных оснований полагать, что информация о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами имеет

значение для уголовного дела, получение следователем указанной информации допускается на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном статьей 165 настоящего Кодекса [3].

В состав сведений, получаемых при анализе соединений, входят:

- 1) идентификационные параметры SIM-карты пользователя;
- 2) международный идентификатор мобильного оборудования (IMEI);
- 3) временные характеристики сессии (дата, точное время начала и хронометраж разговора);
- 4) абонентские номера обеих сторон процесса коммуникации;
- 5) установочные данные (ФИО или наименование) владельцев номеров;
- 6) технические номера приемопередающих вышек в момент установления и разрыва связи;
- 7) географическая локация (координаты) задействованных базовых станций.

Для уголовного дела наиболее ценны локационная информация (какая базовая станция обслуживала абонента в момент звонка) и хронология коммуникаций (кто с кем и когда связывался).

Алгоритм реализации судебного контроля при получении данных о соединениях:

1) Сторона следствия инициирует процедуру путем подачи в судебный орган мотивированного ходатайства.

2) В тексте обращения фиксируются реквизиты уголовного дела, правовое обоснование необходимости действия, временные рамки исследования и данные конкретного провайдера.

3) Судья, рассмотрев ходатайство, принимает постановление о разрешении выемки указанных сведений.

4) Судебный акт передается в телекоммуникационную компанию, для которой предоставление данных становится юридически обязательным.

5) Изучение поступивших материалов проводится в присутствии технического специалиста с фиксацией хода осмотра в соответствующем протоколе.

Биллинг в уголовном деле используется для проверки и опровержения различных версий.

1. Алиби и местонахождение

Сопоставление идентификатора базовой станции (Cell ID), обслуживавшей телефон в момент преступления, с географическими

координатами места происшествия. Это позволяет подтвердить или опровергнуть нахождение обвиняемого на месте преступления.

Суды критически относятся к «слепому» совпадению соты. Для признания доказательства допустимым необходима телекоммуникационная экспертиза или справка оператора о зоне покрытия (радиусе действия конкретной вышки), так как в сельской местности одна сота может покрывать до 30 км, что не гарантирует точного нахождения именно в точке преступления.

2. Связи и круг общения

Анализ детализации звонков и SMS (частота, длительность, время) для установления устойчивых связей, особенно в групповых преступлениях [4].

Суды обращают внимание на «звонки-молчание» (короткие вызовы без соединения, используемые как сигнал) или интенсивный обмен сообщениями сразу после совершения преступления (координация действий соучастников, обсуждение содеянного).

3. Время совершения преступления

Сверка времени активных соединений (начало/конец звонка, SMS или сессии передачи данных) со следовой картиной преступления (время смерти по экспертизе, время срабатывания сигнализации).

Ключевое значение имеет разница во времени на оборудовании оператора и официальным временем. Следствие запрашивает справку о синхронизации времени на коммутаторах.

4. Установление личности по IMEI/IMSI

IMEI (уникальный номер телефона) остается неизменным даже при смене SIM-карты. IMSI (идентификатор абонента) привязан к SIM-карте.

Позволяет связать разные телефонные номера, которыми пользовался один человек, и доказать факт использования телефона конкретным лицом, если телефон найден у него при обыске.

5. Опровержение ложного доноса или инсценировки

Фактологическая проверка заявления (входящие/исходящие вызовы, наличие контакта в записной книжке оператора).

Биллинг позволяет выявить техническую невозможность события (не было звонка в указанное время), либо установить, что «неизвестный» звонил с номера, который заявитель ранее часто набирал или сохранил в телефонной книге [5].

В российской правовой науке проблематика использования данных операторов связи в доказывании разрабатывалась следующими специалистами:

1. В.С. Балакшин, В.Б. Вехов, В.Н. Григорьев (под ред. С.В. Зуева) — исследовали развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве, заложив основы для понимания цифровых доказательств.

2. Ю.В. Гаврилин и Г.З. Гаспарян — в своих работах анализировали использование биллинга при расследовании хищений и преступлений в сфере банковских технологий.

3. А.А. Цыкора — в диссертационном исследовании разрабатывал тактико-криминалистические особенности производства следственных действий, связанных с получением информации по каналам связи.

Проблематика:

1. Погрешность геолокации. Данные биллинга не гарантируют абсолютной точности: местоположение абонента определяется с ошибкой, величина которой зависит от густоты сети базовых станций. В городе погрешность может составлять около 10 метров, тогда как в сельской зоне она нередко превышает 800 метров. Это создаёт риски как для невиновного (ложное обвинение), так и для потерпевшего (необоснованное оправдание).

2. Зависимость от активности абонента. Зафиксировать, где находился телефон в прошлом, можно только при условии совершения вызова, отправки SMS или выхода в интернет. Если аппарат был выключен или владелец им не пользовался, оператор не сохраняет данных о его местонахождении. Таким образом, «молчащий» телефон остаётся невидимым для биллингового архива.

3. Доступ до возбуждения дела. На практике возникает спорный вопрос: вправе ли следователь истребовать биллинг в ходе доследственной проверки? Согласно процессуальной позиции, обращаться в суд за разрешением на получение подобных сведений можно только после возбуждения уголовного дела. Запрос детализации до этого момента рискует быть признан нарушением закона.

Правоприменительная практика:

1. Пример использования биллинга по делам о посягательствах на свободу личности

Как отмечается в научной литературе, биллинг зарекомендовал себя как эффективный инструмент при расследовании преступлений против свободы личности. Анализ детализации звонков помогает установить, где в интересующий период находились преступники или их жертвы, восстановить

их маршруты передвижения, а также определить круг контактов подозреваемых. Для обработки больших объёмов подобных данных используются специализированные программные комплексы

2. Практика по делам о наркотиках

Биллинг активно применяется при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. С его помощью подтверждается факт нахождения подозреваемых в месте сбыта или хранения наркотических средств, а также выявляются связи между членами преступной группы. Отдельного внимания заслуживает использование биллинга для проверки, находились ли так называемые «подставные» понятия в действительности на месте проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Анализ правоприменительной практики выявил пробелы в правовом регулировании, требующие внесения изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ:

1. Ввести в УПК РФ легальное определение «биллинга» или «информации о телекоммуникационной активности»

В настоящее время термин отсутствует в законе. Предлагается дополнить ст. 5 УПК РФ пунктом: «Информация о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (биллинг) — сведения, автоматически генерируемые оборудованием оператора связи, содержащие данные о дате, времени, длительности связи, идентификаторах абонентов (IMEI, IMSI), номерах базовых станций и географических координатах местности, обслуживаемых ими».

2. Обязать операторов связи предоставлять справку о радиусе действия конкретной базовой станции (Cell ID)

Для устранения погрешности геолокации предлагается дополнить ст. 186.1 УПК РФ требованием: «В ответе оператора связи наряду с данными о соединениях должны быть указаны технические характеристики зоны покрытия (радиус действия, адрес установки оборудования, сектор) каждой базовой станции, с которой осуществлялось соединение абонентского устройства. Без данной информации детализация не может быть признана допустимым доказательством места нахождения».

3. Легализовать получение биллинга в режиме реального времени (мониторинг)

Статья 186.1 УПК РФ описывает получение только состоявшихся соединений. В делах о похищениях людей или без вести пропавших часто необходим доступ к будущим соединениям. Предлагается дополнить статью

частью 1.1: «При наличии данных об угрозе жизни или здоровью лица следователь на основании судебного решения вправе истребовать у оператора связи информацию о текущих и будущих соединениях абонентского устройства на указанный в решении срок (мониторинг)».

Таким образом, биллинг (детализация соединений) является одним из наиболее востребованных и информативных источников доказательств в современном уголовном процессе. Благодаря возможности установить местонахождение абонента, его контакты и хронологию событий, данные операторов связи активно используются по делам о наркотиках, похищениях людей, мошенничестве и терроризме.

Вместе с тем выявлены серьёзные проблемы правоприменения. Техническая погрешность геолокации, зависимость от активности телефона, отсутствие легального механизма получения биллинга на стадии доследственной проверки, а также сложность соблюдения всей процессуальной процедуры — всё это создаёт риски признания детализации недопустимым доказательством.

Правоприменительная практика подтверждает, что при надлежащем оформлении и критическом подходе к «слепому» совпадению базовых станций биллинг становится мощным инструментом как для уличения, так и для оправдания. Однако для его эффективного и законного использования требуется совершенствование уголовно-процессуального законодательства — в частности, легальное закрепление понятия биллинга, обязательное предоставление операторами справок о радиусе покрытия вышек и урегулирование вопроса о доступе к этим данным до возбуждения уголовного дела.

Список литературы

1. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за первое полугодие 2025 года. – М., 2025. – Раздел «Рассмотрение материалов в порядке ст. 165 УПК РФ».

2. Биллинг как метод раскрытия преступлений. URL: <https://l-zone.ru/category/wiki/article/2801?ysclid=mpp931cz86943861245> (дата обращения 13.05.2026).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52.

4. Сидорова, Е. Д. Понятие и значение получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами / Е. Д. Сидорова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 3 (398). — С. 356-358.

5. Биллинг как доказательство по уголовному делу. URL: <https://samhainspb.ru/dokument/1/billing-kak-dokazatelstvo-po-ugolovnomu-delu> (дата обращения 13.05.2026).

© Абдракипова Д.И., Ахметзянова З.Н.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КУПЛИ-ПРОДАЖИ НЕДВИЖИМОСТИ: ОТ ОСПАРИВАНИЯ СДЕЛОК ДО РИСКОВ УТРАТЫ СОБСТВЕННОСТИ

Мкртчян Асмик Артаковна
Кислова Вероника Витальевна

студенты

Научный руководитель: **Лачина Елена Анатольевна**

к.ю.н., доцент

Владимирский филиал РАНХиГС

Аннотация: в данной статье рассматриваются противоречия в правовом регулировании купли-продажи недвижимости. Анализируются основания оспаривания сделок, проблемы добросовестности приобретателя, риски, сопряжённые с регистрацией перехода права. Предлагаются пути минимизации рисков утраты собственности для участников оборота.

Ключевые слова: купля-продажа, недвижимость, договор купли-продажи недвижимости, несовершеннолетние, риски, мошенничество.

PROBLEMATIC ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF REAL ESTATE PURCHASE AND SALE: FROM CHALLENGING TRANSACTIONS TO THE RISKS OF LOSING PROPERTY

Mrrtchyan Asmik Artakovna
Kislova Veronika Vitalievna

Scientific adviser: **Lachina Elena Anatolievna**

Abstract: this article examines the contradictions in the legal regulation of the purchase and sale of real estate. It analyzes the grounds for challenging transactions, the problems of the purchaser's good faith, and the risks associated with the registration of the transfer of ownership. The article suggests ways to minimize the risks of losing ownership for market participants.

Key words: purchase and sale, real estate, real estate purchase and sale agreement, minors, risks, fraud.

Покупка и продажа недвижимого имущества – вопрос многогранный и

сложный. Правоприменительная практика свидетельствует о наличии проблемных аспектов, связанных с формальными требованиями к регистрации, качеством правовой экспертизы и злоупотреблениями со стороны недобросовестных участников.

Институт купли-продажи недвижимого имущества является одним из традиционных правовых институтов, становление которого происходило на протяжении длительного исторического периода. В соответствии со статьёй 454 Гражданского кодекса Российской Федерации по договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него денежную сумму (цену). В качестве предмета соглашения выступает недвижимое имущество, к которому относятся земельные участки, участки недр и всё, что прочно связано с землёй, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершённого строительства. Следовательно, именно наличие прочной и неразрывной связи объекта с землёй служит основополагающим условием для его признания недвижимостью.

Ключевую роль в регламентации порядка совершения и условий купли-продажи недвижимости играет договорное соглашение между её участниками. В силу предписаний статьи 549 Гражданского кодекса Российской Федерации продавец по договору купли-продажи недвижимого имущества обязуется передать в собственность покупателя земельный участок, здание, сооружение, квартиру или другое недвижимое имущество. При этом заключение такого договора допускается только в письменной форме. Неправильное оформление договора купли-продажи недвижимости влечёт за собой существенные риски, включая признание сделки недействительной, невозможность государственной регистрации перехода права собственности и возникновение судебных споров о правах третьих лиц.

При составлении договора купли-продажи недвижимого имущества в его содержание в обязательном порядке включаются следующие сведения: паспортные данные каждой из участвующих в сделке сторон, календарная дата подписания документа, географическое наименование населённого пункта, выступающего местом заключения соглашения, развёрнутая характеристика отчуждаемого объекта (в том числе его общая площадь, индивидуальный кадастровый номер, точный адрес расположения и официальное наименование), предмет соглашения (суть сделки), взаимные

права и обязанности сторон, а также цена объекта и иные существенные условия договора.

Законодательством установлено требование об обязательном нотариальном заверении для отдельных категорий сделок. К таким сделкам относятся: сделки по отчуждению или договоры ипотеки долей в праве общей собственности на недвижимое имущество; сделки, связанные с распоряжением недвижимостью на условиях опеки, а также по отчуждению недвижимого имущества, принадлежащего несовершеннолетнему или ограниченно дееспособному гражданину; договор ренты; сделки, связанные с наследством; брачный договор. В том числе в случаях, когда законом не установлено, но по соглашению сторон в договоре указано, что требуется нотариальное удостоверение. В значительном числе ситуаций именно нотариальное удостоверение гарантирует законность и правомерность действий в данной сфере, обеспечивая защиту прав сторон сделки. Среди перечисленных видов договоров, подлежащих обязательному нотариальному удостоверению, есть так называемые «проблемные» объекты недвижимости. В первую очередь это объекты недвижимости, связанные с наследством. Недвижимое имущество, которое было наследовано, можно продать только спустя 6 месяцев после открытия наследства. Однако основной проблемой в этом вопросе является мошенническая схема, суть которой заключается в том, что гражданин, продавая недвижимость, полученную в наследство, не заявляет об этом покупателю.

По оценкам специалистов, мошеннические практики в сегменте жилой недвижимости демонстрируют тенденцию к усложнению. Результаты первого квартала 2026 года свидетельствуют о возрастании числа применяемых злоумышленниками приёмов социальной инженерии (показатель увеличился на 35,7%) и объёма фишинговых атак (рост на 16,8%).[3] В рамках судебной практики по делам об оспаривании договоров отчуждения жилых помещений выделилась устойчивая группа споров. Их участниками выступают продавцы — преимущественно лица пенсионного возраста, — которые утверждают, что заключали сделку под воздействием обмана либо в состоянии заблуждения, спровоцированного незаконными действиями третьих лиц (мошеннических структур) [5]. Длительное время судебные инстанции, исходя из принципа защиты экономически слабой стороны, преимущественно удовлетворяли заявленные требования. Последствием этого становилось возвращение жилых объектов первоначальным собственникам, тогда как добросовестные покупатели оставались и без приобретённой недвижимости, и без возврата

выплаченных денежных сумм, которые к тому моменту оказывались уже похищенными злоумышленниками. Принципиальный перелом в сложившейся судебной практике наступил после того, как Верховный Суд Российской Федерации рассмотрел одно из наиболее громких дел указанной категории. [6]

В сознании значительной части потенциальных приобретателей жилья присутствует убеждение, что существенные риски при совершении сделок с недвижимым имуществом связаны с ситуациями, когда в объекте зарегистрирован либо выступает в лице правообладателя ребёнок, не достигший совершеннолетия. Разрешение на продажу квартиры будет существовать, если органы опеки и попечительства установят, что после продажи ему будет, где жить. А также условия проживания в новой недвижимости должны быть не хуже, чем в старой. Об этом и других особенностях распоряжения, охране имущественных прав и интересов несовершеннолетнего подробно говорится в Федеральном законе от 24.04.2008 N 48-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об опеке и попечительстве». [4]

Проблемным аспектом могут также выступать запреты, ограничения в виду обременений на совершение действий с объектом недвижимости. В указанной ситуации сторона, приобретающая имущество, наделена возможностью запросить информационную выписку из базы данных ЕГРН, где подробно описана недвижимость. Рассматриваемый документ для совершения сделки необходим для того, чтобы удостовериться в лице собственника недвижимости, минимизировать риски и обезопаситься от мошеннических схем.

Особого внимания требует передача недвижимого имущества ненадлежащего качества, которое находится в противоречии с положениями, зафиксированными в соглашении. При возникновении ситуации, когда отчуждаемый объект недвижимости передаётся приобретателю, обладая перечисленными дефектами, он имеет право потребовать соразмерного уменьшения цены, безвозмездного устранения недостатков в разумный срок, а также возмещение своих расходов на устранение недостатков. Помимо этого, покупатель наделён правом отказаться от исполнения договора купли-продажи недвижимости и потребовать возврата уплаченной суммы.

Проблематика отчуждения объектов недвижимого имущества достаточно обширна в рассматриваемой области и необходимо тщательно и досконально изучать каждый нюанс. Примечательно, что правоотношения в указанной сфере находятся под непосредственным государственным регулированием, что является логически обоснованным, поскольку оборот

недвижимости оказывает существенное влияние на экономическое развитие страны. Безусловно, сохраняется ряд проблемных аспектов, препятствующих реализации сделок и усложняющих их процедуру. Однако законодательство в этой сфере совершенствуется, вследствие чего минимизируются мошеннические схемы, а проблемы, возникающие при купле-продаже недвижимости, последовательно устраняются.

Список литературы

1. Альбов А. П. Наследственное право: учебник и практикум для СПО / А.П. Альбов, С. В. Николюкин. — 2-е изд. - Москва : Юрайт, 2025. - 184 с. - (Профессиональное образование). — ISBN 978-5-534-11856-8. — URL: <https://urait.ru/bcode/557262> (дата обращения: 19.05.2026).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ : принят Гос. Думой 22 дек. 1995 г. : одобрен Советом Федерации 28 дек. 1995 г. — Текст : непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.

3. Мошенники похитили с банковских счетов россиян 7,4 млрд рублей — какие у них схемы. — Текст: электронный // Metro Москва. — 2026. — 17 мая. — URL: <https://www.gazetametro.ru/articles/moshenniki-pohitili-s-bankovskih-schetov-rossijan-74-mlrd-rublej-kakie-u-nih-shemy-18-05-2026> (дата обращения: 05.05.2026)

4. Об опеке и попечительстве: Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. №48-03 (последняя редакция). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: — URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/ (дата обращения: 30.04.2026).

5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2025 № 5-КГ25-174-К2, 2-387/2025 (дело о признании сделки купли-продажи квартиры недействительной вследствие мошеннических действий). — Текст: электронный // КонсультантПлюс. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413190525/> (дата обращения: 29.04.2026).

6. Сделка под влиянием мошенников: где проходит граница судебной защиты? — Текст: электронный // Ассоциация юристов России: официальный сайт. — 2025. — 18 декабря. — URL: <https://alrf.ru/articles/sdelka-pod-vliyaniem-moshennikov-gde-prokhodit-granitsa-sudebnoy-zashchity/> (дата обращения: 30.04.2026)

7. Хлопотов, С. Н. Гражданско - правовое регулирование сделок с недвижимым имуществом / С. Н. Хлопотов. — Текст : электронный // Молодой учёный. — 2024. — № 45 (544). — С. 367-371. — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/544/119104> (дата обращения: 19.05.2026).

© Мкртчян А.А., Кислова В.В.

**СУБЪЕКТ И СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА. ПРОБЛЕМА УМЫСЛА
И НЕОСТОРОЖНОСТИ ПРИ ЛЕКАРСТВЕННОМ «ОПЬЯНЕНИИ»**

Котова Ольга Игоревна

магистрант

Научный руководитель: **Гореликов Андрей Иванович**

кандидат исторических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре

государственный университет»

Аннотация: анализ правоприменительной практики выявил необходимость в дифференцированных критериях оценки состояния водителя транспортного средства, находящегося под воздействием разрешенных лекарственных препаратов – «лекарственного опьянения». Данные меры продиктованы неоднозначной правоприменительной практикой и сложностями с установлением судами неосторожной вины субъекта правонарушения, предусмотренного ст. 12.8 КоАП РФ. Ошибки правоприменителя, связанные с необоснованном привлечением данной категории водителей к административной ответственности, а также отсутствие пороговых значений отдельных групп лекарственных препаратов, по мнению автора статьи, создают предпосылки для нарушения прав водителей. Представляется, что восполнение указанных правовых пробелов позволит достичь баланса между административной ответственностью и конституционными правами человека, в частности, его права на справедливое наказание и защиту от необоснованных обвинений.

Ключевые слова: исследование, административная ответственность, рекомендации, нормативно-правовая практика.

**THE SUBJECT AND THE SUBJECTIVE SIDE. THE PROBLEM
OF DISTINGUISHING BETWEEN INTENT AND NEGLIGENCE
IN DETERMINING THE GUILT OF THE DRIVER OF A VEHICLE
UNDER THE INFLUENCE OF PERMITTED DRUGS**

Kotova Olga Igorevna

Research supervisor: **Gorelikov Andrey Ivanovich**

Abstract: the analysis of law enforcement practice revealed for differentiated criteria for condition vehicle under the influence of the under the influence of permitted medicines, as well as for clarifying the concept of "intoxication" in the norms of the administrative legislation of the Russian Federation. These measures of the negligent are dictated by ambiguous law enforcement practice and difficulties with the establishment by the courts guilt of the subject of the offense provided for in art. 12.8 of the Administrative Code of the Russian Federation. The mistakes of the law to the unjustified bringing of this category of drivers to thresholds for administrative responsibility, as well as the lack enforcement officer related certain groups of medicines, according to the author of the article, create prerequisites for violation of drivers' rights. It seems that gaps will help achieve a balance between administrative his right responsibility and constitutional human rights, in particular, filling these legal to fair punishment and protection from unfounded accusations.

Key words: research, administrative responsibility, recommendations, regulatory practice.

Популярность препаратов с седативным и психотропным эффектом, наблюдаемая на современном российском рынке лекарственных средств, поднимает важные вопросы безопасности дорожного движения. Широкое распространение как рецептурных, так и безрецептурных препаратов, влияющих на когнитивные функции водителя, может представлять угрозу безопасности дорожного движения, так как водитель может пребывать в состоянии измененного сознания. Существующие правовые акты, регулирующие подобные ситуации, не всегда должным образом учитывают медицинские критерии, связанные с воздействием разрешенных лекарств на водителя, и могут не полностью учитывать способность тех или иных лекарственных препаратов влиять на сознание водителя транспортного средства. Такое несоответствие ставит под сомнение традиционные методы определения виновности в административном праве. Оценка правового значения опьянения, вызванного лекарственными средствами, усложняется, поскольку сложно различить исполнение врачебных рекомендаций от умышленного создания опасности на дороге. Это затрудняет установление границ между законным лечением и противоправным поведением водителя. К сожалению, КоАП РФ, главным образом, фокусируется на ситуациях, связанных с алкогольным или наркотическим опьянением, и не содержит специальных положений, учитывающих специфику воздействия легальных

лекарственных препаратов на человеческий организм. Это приводит к правовой неопределенности при установлении степени вины водителя, а также к непониманию того, что он мог не понимать возможных последствий приема лекарственных средств и их влияние на способность управлять транспортным средством.

Субъект, совершивший административное правонарушение на дороге, обладает рядом отличительных черт, которые позволяют его выделить среди других субъектов, привлекаемых к административной ответственности. Водитель, управляющий транспортным средством, является особым субъектом, чья деятельность строго регламентируется специальным набором правовых норм. Этот особый статус накладывает на него более обширный круг обязанностей и возлагает повышенную ответственность за их несоблюдение, в отличие от других участников дорожного движения. Водитель, управляющий транспортным средством, представляющим повышенную опасность, представляет угрозу для других участников дорожного движения. Это обстоятельство диктует особые правила эксплуатации транспортных средств. В связи с этим правовой статус водителя как лица, ответственного за безопасность на дороге, формируется именно в силу того, что транспортное средство – источник повышенной опасности. Основным документом, которым подтверждается статус водителя, является водительское удостоверение. В удостоверении имеет место отметка о квалификации водителя, а само удостоверение накладывает на его владельца ответственность в случае нарушения правил дорожного движения. Важно подчеркнуть, что права водителя не являются абсолютными. В их основе лежат установленные законом требования к управлению транспортным средством.

Ответственность за правонарушения, произошедшие за рулем, формируется на основе комплексного подхода, который учитывает, как возрастные, так и медицинские факторы, регламентированные административным законодательством Российской Федерации. Возрастные ограничения на управление транспортными средствами закреплены в системе выдачи водительских удостоверений определенных категорий. Медицинский контроль за безопасным движением на дорогах осуществляется посредством обязательных предрейсовых медицинских проверок и периодических медицинских осмотров. Даже имея водительское удостоверение, водитель не может избежать ответственности за управление транспортным средством,

если его состояние здоровья не соответствует установленным законом требованиям.

Наличие вины субъекта является ключевым элементом субъективной стороны административного правонарушения, без которого невозможно квалифицировать совершенное деяние и назначить адекватное наказание. Это особенно актуально в сфере управления транспортными средствами. Если признаки вины отсутствуют, привлечение лица к административной ответственности становится невозможным.

В процессе квалификации административных правонарушений необходимо четко определять виды умысла. Прямым умыслом считается осознанное совершение противоправных действий с намерением причинить вред, что наблюдается, например, при умышленных нарушениях правил дорожного движения. Косвенный умысел характеризуется осознанием незаконности действия, но без учета возможных негативных последствий. К такому поведению можно отнести, например, вождение автомобиля, несмотря на имеющиеся медицинские противопоказания. Небрежность и легкомыслие относятся к разновидности вины. Легкомыслие проявляется тогда, когда человек понимает, что его действия могут привести к негативным последствиям, но безосновательно уверен в своей возможности избежать их. В качестве иллюстрации можно привести случай с приемом седативных препаратов, способных снижать концентрацию внимания и повышать угрозу жизни и здоровья, как водителя, так и пешеходов [4].

При определении степени виновности в правонарушениях по КоАП РФ субъективные факторы, такие как мотив и цель, оказывают существенное влияние. Например, желание сесть за руль в нетрезвом виде может быть продиктовано острой потребностью в передвижении, а это напрямую влияет на наказание, смягчая ответственность. В таких случаях, как правило, нет осознанного намерения совершить правонарушение.

При анализе административных правонарушений связь субъектных характеристик и виновности становится очевидной при изучении индивидуальных особенностей правонарушителя. К ключевым субъектным признакам относятся возрастная правосубъектность, вменяемость и статус водителя, если речь идет о правонарушениях, связанных с управлением транспортным средством.

Психологическое состояние человека, особенно в связи с противоправными действиями и их последствиями, существенно зависит от перечисленных субъектных признаков.

Оценка уровня осознания водителями общественной опасности действий, подпадающих под признаки правонарушения, требует особого подхода, обусловленного спецификой профессии и ответственностью, возлагаемой на водителя. К примеру, хронические болезни или кратковременные потери сознания у водителя могут свидетельствовать о снижении его способности предвидеть исход совершаемых им действий за рулем. При установлении виновности эти факторы следует подвергать глубокому анализу. При определении виновности, учитывая индивидуальные особенности человека, необходимо сопоставить объективные данные о его состоянии на момент правонарушения с его собственным восприятием и оценкой произошедшего.

Определение юридических последствий административного правонарушения, которое стало результатом употребления алкоголя, тесно связано с балансом между субъективными характеристиками и формой вины. Справедливое применение наказания за подобные деяния во многом определяется точной оценкой этого соотношения, которое является определяющим при назначении наказания.

Лекарственные препараты, действующие на психомоторные функции водителей, классифицируются на три категории по степени и характеру такого влияния.

К первой группе относятся седативные препараты, которые незначительно ухудшают концентрацию внимания за рулем.

Вторая группа стимуляторов вызывает кратковременное повышение реактивности, однако может сопровождаться последующим снижением работоспособности, что, в конечном итоге, значительно снижает работоспособность.

Третья группа лекарственных препаратов – это препараты самой высокой группы риска, способные сильно нарушать психомоторные функции. Их употребление с управлением транспортным средством не совместимо. При этом действие препаратов третьей группы непредсказуемо и может существенно различаться у разных людей в зависимости от индивидуальных особенностей организма.

Лекарственные препараты третьей группы могут воздействовать на центральную нервную систему, вмешиваясь в обмен сигналами между нейронами и меняя их скорость. Все это может привести к снижению когнитивных функций, нарушению пространственной ориентации и способности водителя правильно оценивать дорожную обстановку.

Седативные препараты третьей группы подавляют активность коры головного мозга, что замедляет восприятие информации и тормозит реакцию водителя на внешние стимулы, тем самым увеличивая риск ДТП. Психостимуляторы приводят к чрезмерному возбуждению, которое может искажать восприятие окружающего мира. Использование антидепрессантов и нейролептиков может вызывать побочные эффекты, например, головокружение и снижение мышечного тонуса. В результате этого может ухудшиться реакция водителя на дорожную обстановку, что повышает риск аварий и угрожает безопасности участников дорожного движения.

Чтобы квалифицировать действия водителя как прямой умысел при управлении транспортным средством под воздействием лекарственных препаратов, необходимо установить, что он осознавал возможные риски такой поездки и сознательно решил сесть за руль, зная о негативном воздействии лекарств на способность управлять транспортным средством. То есть, важно доказать, что водитель был осведомлен о том, как алкоголь, наркотики или лекарственные препараты повлияют на его способность управлять транспортным средством, и все же принял решение сесть за руль. В случае косвенного умысла водитель осознает, что его действия могут иметь негативные последствия, однако не стремится нанести вред сознательно. Определить, когда человек принимал лекарства по рецепту врача, не зная о потенциальных побочных эффектах, и когда речь идет об умышленном причинении вреда – сложно.

Определение наличия умысла при вождении транспортного средства после приема разрешенных лекарств усложняется из-за отсутствия четких правовых норм, регулирующих управление транспортным средством в состоянии так называемого «лекарственного опьянения». Проблема заключается в том, что никаких отметок о «лекарственном опьянении» в статье 12.8 КоАП нет. Данная статья упоминает «опьянение» без уточнения, вызвано оно алкоголем или лекарственными препаратами.

Основанием для закрепления легального термина «лекарственное опьянение» стали ситуации, при которых в последние годы некоторые суды трактовали расплывчатую норму «иные вызывающие опьянение вещества» максимально расширительно, лишая прав и за прием, казалось бы, безобидных препаратов. Так, «в 2021 году поведение некоего Василий Ш. из Салехарда, застрявшего колесом на бордюре, показалось проходным неадекватным. Они вызвали ГИБДД и после медицинского освидетельствования в крови мужчины были обнаружены ненаркотические

медпрепараты габапентин и нимесулид. Еще одно дело по некому гражданину Д. также показало, что «состояние алкогольного опьянения у Д. не было установлено, в пробе биологического объекта обнаружены лекарственные препараты, не содержащие наркотических средств и психотропных веществ», — говорится в обзоре. Другого жителя Курской области лишили прав на полтора года за то, что в его крови был обнаружен фенobarбитал (включен в список наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оборот которых в Российской Федерации запрещен) – действующее вещество «Корвалола» [5].

В сложившейся ситуации Конституционный суд Российской Федерации в 2022 году вынес решение, согласно которому до тех пор, пока в законодательство не будут внесены соответствующие поправки, привлекать к административной ответственности водителей за употребление лекарственных препаратов, не относящихся к этиловому спирту или наркотикам, нельзя. В 2026 году по заявлениям депутатов Государственной Думы РФ ожидается принятие поправок в КоАП РФ, которые вводят понятие «лекарственного опьянения». Официальный список препаратов, запрещенных для водителей, утвердит Правительство РФ. Если хотя бы следы таких веществ обнаружат в анализах, то наказание будет таким же суровым, как за наркотики [5].

Считаем предложение российских парламентариев обоснованным, поскольку неопределенность российского законодательства, не устанавливающего однозначного запрета на употребление некоторых лекарственных препаратов перед вождением, а также отсутствие единых критериев для оценки влияния этих лекарственных средств на водителя, создают пробелы как в правовой, так и в медицинской базе. Такая ситуация, в свою очередь, осложняет процесс установления виновности. В связи с этим следователям приходится полагаться на косвенные улики, такие как сведения из инструкций к лекарствам или показания свидетелей, достоверность которых часто подвергается сомнению.

В судебных процессах часто поднимается вопрос о степени осведомленности водителя о потенциальных побочных эффектах употребляемого им лекарственного средства. Суды, придерживаясь объективного подхода, не всегда учитывают индивидуальное восприятие водителя, что может привести к ответственности, даже в случае, если водитель не осознавал, что лекарственные препараты могут оказывать опьяняющий эффект. В результате водитель может быть привлечен к

ответственности, не зная о сохранении этих эффектов. В итоге водитель может быть привлечен к ответственности, не обладая достаточными знаниями о том, как лекарственные препараты влияют на его состояние.

Таким образом, для совершенствования законодательства, регулирующего ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения, а также для упрощения квалификации по ст. 12.8 КоАП РФ и установления умысла субъекта данного правонарушения предлагается:

1) уточнение в ст. 12.8 КоАП РФ понятия «опьянение», а именно, конкретизация трех видов опьянения: алкогольного, наркотического и опьянения в связи с приемом лекарственных препаратов;

2) поддержать выдвинутую в 2026 году депутатскую инициативу о законодательном закреплении термина «лекарственное опьянение», а также рекомендовать к закреплению на уровне закона пороговые значения для различных групп лекарственных препаратов, на которые мог бы опираться правоприменитель при установлении признаков субъективной стороны правонарушения, предусмотренного ст. 12.8 КоАП РФ, а именно, для разграничения умысла и неосторожности.

Представляется, что установить противоправность действий водителя, совершенных под воздействием лекарственных препаратов, необходимо, четко разграничивая умысел и неосторожность. Умысел предполагает сознательное нарушение водителем запрета на вождение после приема лекарственных препаратов, имеющих седативный эффект, однако в реальности такой осознанный подход встречается редко. Неосторожность может проявляться двумя формами: либо легкомысленным убеждением водителя в безопасности употребления лекарств, либо пренебрежением к изучению им побочных воздействий лекарственных препаратов на его организм. Определение уровня осведомленности водителя о фармакодинамике конкретного лекарственного препарата представляет собой объективную трудность, что осложняет установление признаков объективной стороны правонарушения.

Резюмируя сказанное выше, подчеркнем, что индивидуализация ответственности и обеспечение презумпции невиновности водителя при управлении транспортным средством в состоянии, вызванном употреблением лекарственных препаратов, представляет значительную сложность. Ситуация, при которой невозможно установить умысел на совершение данного правонарушения, чревата неправомерным наложением штрафа на водителя, принимающего разрешенные к употреблению лекарственные средства,

которые, однако, способны изменять его сознание. Полагаем, отсутствие в законодательстве четких критериев оценки влияния лекарственных препаратов на способность водителя управлять транспортным средством есть не что иное как правовой пробел. Это усложняет правоприменение и, как следствие, требует пересмотра законодательства, дополнительной проработки понятийного и выработки четких критериев, под которыми предлагается понимать пороговые значения для различных групп лекарственных препаратов, превышение которых способно в той или иной степени изменять его сознание и учитываться судом при установлении вины субъекта правонарушения, предусмотренного ст. 12.8 КоАП РФ. В противном случае права автовладельцев надлежащим образом не защищены.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026)
3. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 N 1090 (ред. от 16.07.2025) "О Правилах дорожного движения" (вместе с "Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения") (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025).
4. Чащина, С. В. Совершенствование правового регулирования вопросов жизнеобеспечения коренных малочисленных народов Дальнего Востока как основа устойчивого развития цивилизации / С. В. Чащина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2023. – № II (66). – С. 77-82.
5. Новое в законе 2026: как будут наказывать за «лекарственное опьянение». – URL: <https://www.zr.ru/content/articles/975234-lislenie-prav-za-lekarstva/> (дата обращения: 05.05.2026).

© Котова О.И., 2026

**СЕКЦИЯ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

РОЛЬ И МЕСТО СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ

Забегаяева Анна Анатольевна

к.э.н., доцент

Пономарёва Софья Дмитриевна

студент 2 курса направления подготовки 38.03.04
«Государственное и муниципальное управление»

Шишкина Ангелина Алексеевна

студент 3 курса направления подготовки 38.03.04
«Государственное и муниципальное управление»

Анапский филиал МПГУ

Аннотация: в данной работе рассматриваются роль и место социологических исследований в системе управления. Авторы анализируют социологический инструментарий как ключевой элемент информационно-аналитического обеспечения управленческих решений. Указывается значение социологических исследований в диагностике текущего состояния социальной среды, прогнозировании рисков, повышения эффективности социального управления в целом.

Ключевые слова: управление, метод, социологическое исследование, управленческие решения.

THE ROLE AND PLACE OF SOCIOLOGICAL RESEARCH IN THE MANAGEMENT SYSTEM

Zabegaeva Anna Anatolyevna

Ph.D., Associate Professor

Ponomareva Sofya Dmitrievna

Shishkina Angelina Alekseevna

students

Moscow State Pedagogical University, Anapa branch

Abstract: this article examines the role and place of sociological research in the management systems. The authors analyze sociological tools as a key element in the information and analytical support of management decisions. The importance of

sociological research in assessing the current state of the social environment, forecasting risks, and improving the effectiveness of social management in general is highlighted.

Key words: management, method, sociological research, management decisions.

Современное управление сталкивается с возрастающей сложностью социальных процессов. Эффективность управленческих решений сегодня напрямую зависит от качества информационного обеспечения, в котором ключевое место занимают данные о человеческом факторе: потребностях, мотивации, уровне удовлетворённости и социальном самочувствии людей. Социологические исследования позволяют выявить скрытые от прямого наблюдения проблемы и спрогнозировать последствия принимаемых решений.

В условиях цифровой трансформации требуется научно обоснованное понимание социальной реальности, которое и обеспечивают социологические исследования. Социология управления выступает источником специализированной информации для принятия эффективных управленческих решений [5].

Социологическое исследование представляет собой систему логически последовательных методологических, методических и организационно-технических процедур, направленных на получение достоверных данных об изучаемом социальном явлении или процессе для последующего их использования в научной или практической деятельности [1]. В таблицах 1, 2 представлены взгляды учёных на понятие, виды и особенности социологических исследований [1; 2; 3; 4; 5].

Таблица 1

Взгляды учёных на понятие социологических исследований

Автор(ы) / Источник	Понятие (определение)
Кравченко, А.И. Методология и методы социологических исследований: учебник для вузов	сбор новых фактов и их интерпретация в терминах выбранной теоретической модели
Зерчанинова, Т.Е. Социология: учебник для вузов / Т.Е. Зерчанинова, Е.С. Баразгова	это вид деятельности, позволяющий изучить сущность и причины явлений, выявить их взаимосвязи, определить тенденции развития

Продолжение таблицы 1

Горшков, М.К. Прикладная социология: учебник и практикум для вузов / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги, Б.З. Докторов	система процедур для получения достоверных данных для использования в практике социального управления
Оганян, К.М. Методология и методы социологического исследования: учебник для вузов	инструмент социологического изучения социальных явлений, позволяющий производить количественные и качественные сборы, измерения, обобщения, анализ
Тавокин, Е.П. Социология управления. Методы получения социальной информации: учебное пособие для вузов	источник специализированной информации для принятия эффективных управленческих решений

Анализ взглядов учёных позволяет заключить, что социологическое исследование понимается как многогранный феномен: с одной стороны, это строгая научная процедура, с другой — практический инструмент управления.

Таблица 2

Взгляды учёных на виды и особенности социологических исследований

Автор(ы) / Источник	Виды исследований	Особенности исследований
Кравченко, А.И. Методология и методы социологических исследований: учебник для вузов	разведывательное, описательное, аналитическое, эксперимент	программа исследования; выборка; этапы: теория, сбор, обработка, интерпретация, отчёт
Зерчанинова, Т.Е. Социология: учебник для вузов / Т.Е. Зерчанинова, Е.С. Барзгова	по уровню знания: эмпирические, теоретические; по целям: фундаментальные, прикладные; по масштабу: международные, общенациональные;	функции: описательная, аналитическая, прогностическая, практическая (управленческая), организационно-технологическая

Продолжение таблицы 2

	региональные, локальные по продолжительности: краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные, стратегические; по динамике: разовые, повторные	
Горшков, М.К. Прикладная социология: учебник и практикум для вузов / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги, Б.З. Докторов	по глубине: разведывательное (экспресс-опрос, фокус-группы), описательное, аналитическое (социальный эксперимент); по методам: опрос, анализ документов, наблюдение; по цикличности: точечное, повторное	этапы: подготовка, сбор, обработка, анализ, отчёт, рекомендации
Оганян, К.М. Методология и методы социологического исследования: учебник для вузов	по задачам: разведывательное, описательное, аналитическое; по временным характеристикам: разовые, повторные; по масштабности: международное, общенациональное, региональное, отраслевое, локальное	уменьшение неопределённости, минимизация риска, обоснованные решения, эффективный контроль; 4 этапа; программа исследования
Тавокин, Е.П. Социология управления. Методы получения социальной информации: учебное пособие для вузов	по организации: организационные и методические особенности проведения исследований	обработка, анализ и интерпретация эмпирических данных; социальное измерение; формирование выборочной совокупности; методы получения эмпирических данных

В видовом отношении наблюдается разнообразие классификаций: по глубине и целям, по масштабу, по динамике, по методам сбора информации. Особенности всех рассмотренных подходов являются системность процедур, достоверность данных, ориентация на практическое применение и способность учитывать человеческий фактор в управлении. На основе обобщения взглядов учёных выделим ключевые классификационные подходы к видам социологических исследований (таблица 3).

Таблица 3

Сравнительный анализ видов социологических исследований

Критерий классификации	Вид исследования	Характеристика	Применение в управлении
по глубине и задачам	разведывательное	наиболее простой вид; охватывает небольшие совокупности; упрощённая программа; экспресс-опрос	предварительная оценка ситуации перед управленческим решением
	описательное	даёт целостное представление о явлении; проводится по полной программе	диагностика состояния управляемого объекта
	аналитическое	выявляет причинно-следственные связи; наиболее сложный вид	обоснование стратегических решений, прогнозирование
по динамике (частоте)	разовое (точечное)	даёт информацию о состоянии объекта в конкретный момент времени	оценка эффективности реализованного решения
	повторное: трендовое, когортное, панельное	проводится по единой программе через определённые интервалы времени	мониторинг динамики социальных процессов

Продолжение таблицы 3

по масштабу	международное, общенациональное, региональное, локальное	охватывают разные уровни социальной организации	государственное, региональное и внутрифирменное управление
по методам сбора информации	опрос (анкетирование, интервью), анализ документов, наблюдение, эксперимент	различаются по способу получения эмпирических данных	выбор метода зависит от целей и объекта управления

Сравнительный анализ показывает, что выбор конкретного вида социологического исследования определяется целями и задачами управленческой деятельности. Для оперативного реагирования на ситуацию наиболее подходят разведывательные и экспресс-исследования. Для стратегического планирования необходимы аналитические и повторные (мониторинговые) исследования. Эффективная система управления предполагает разумное сочетание всех видов исследований на разных этапах управленческого цикла.

Включение социологической информации в систему управления происходит на всех этапах управленческого цикла. Выделяют три основных режима функционирования социологической информации [3]: мониторинг — регулярное получение информации о состоянии объекта управления и анализ происходящих изменений; аналитико-прогнозные исследования — полномасштабные проекты для разработки стратегических программ; экспресс-исследования — ситуативные, для оперативного анализа конкретной обстановки.

Социологические исследования являются важнейшим инструментом сбора информации о человеческом факторе, что позволяет принимать обоснованные управленческие решения. Разнообразие видов исследований (разведывательные, описательные, аналитические; разовые и повторные) даёт возможность гибко подбирать методы в зависимости от целей управления. Таким образом, социологические исследования занимают ключевое место в системе управления, обеспечивая достоверными данными для анализа, прогнозирования и контроля социальных процессов, что позволяет принимать

обоснованные решения, снижать риски и повышать эффективность управления.

Список литературы

1. Горшков, М. К. Прикладная социология : учебник и практикум для вузов / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги, Б. З. Докторов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 334 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-10789-0. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL:<https://urait.ru/bcode/583788>.
2. Зерчанинова, Т. Е. Социология : учебник для вузов / Т. Е. Зерчанинова, Е. С. Барзгова. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 196 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-17811-1. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL:<https://urait.ru/bcode/584535>.
3. Кравченко, А. И. Методология и методы социологических исследований : учебник для вузов / А. И. Кравченко. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 659 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18257-6. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL:<https://urait.ru/bcode/589542>.
4. Оганян, К. М. Методология и методы социологического исследования : учебник для вузов / К. М. Оганян. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 290 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-16954-6. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/584301>.
5. Тавокин, Е. П. Социология управления. Методы получения социальной информации : учебное пособие для вузов / Е. П. Тавокин. — 4-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 190 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-07728-5. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL:<https://urait.ru/bcode/585315>.

© Забегаева А.А., Пономарёва С.Д., Шишкина А.А., 2026

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Кумыков Эльдар Хабасович

студент

Научный руководитель: **Чеченов Аслан Магомедгериевич**

к.ф.н., доцент кафедры

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова»

Аннотация: в статье рассмотрены основные проблемы социального обслуживания жителей сельской местности. Раскрыты факторы, влияющие на доступность и качество социальных услуг в сельских территориях. Проанализированы трудности, связанные с удалённостью населённых пунктов, недостатком кадровых ресурсов и ограниченностью социальной инфраструктуры. Установлено, что повышение эффективности социального обслуживания требует совершенствования организационных механизмов и внедрения современных форм социальной поддержки населения.

Ключевые слова: социальное обслуживание, социальная работа, сельская местность, сельское население, социальная поддержка, социальная защита, доступность социальных услуг, качество жизни, социальная инфраструктура, развитие сельских территорий.

PROBLEMS OF SOCIAL SERVICES FOR RESIDENTS OF RURAL AREAS

Kumykov Eldar Khabasovich

Scientific adviser: **Chechenov Aslan Magomedgerievich**

Abstract: this article examines the main challenges of social services for rural residents. It identifies factors influencing the availability and quality of social services in rural areas. Difficulties associated with the remoteness of settlements, a lack of human resources, and limited social infrastructure are analyzed. It is established that improving the effectiveness of social services requires improving organizational mechanisms and introducing modern forms of social support for the population.

Key words: social services, social work, rural areas, rural population, social support, social protection, availability of social services, quality of life, social infrastructure, rural development.

Социальное обслуживание населения является важнейшим направлением государственной социальной политики, направленным на поддержку граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Особое значение данная деятельность приобретает в сельской местности, где условия проживания существенно отличаются от городских территорий. Несмотря на реализуемые государственные меры поддержки, система социального обслуживания сельского населения продолжает сталкиваться с рядом проблем, снижающих доступность и качество предоставляемых услуг [1].

Одной из основных проблем остаётся территориальная удалённость населённых пунктов. Значительная часть сельских жителей проживает на большом расстоянии от районных центров и организаций социального обслуживания. Это создаёт дополнительные трудности при получении социальных услуг, особенно для граждан пожилого возраста и лиц с ограниченными возможностями здоровья. В результате доступность социальной помощи для отдельных категорий населения остаётся недостаточной [1].

Серьёзное влияние на эффективность социального обслуживания оказывает состояние транспортной и социальной инфраструктуры. В ряде сельских поселений отсутствует регулярное транспортное сообщение, что затрудняет как обращение граждан за помощью, так и работу специалистов социальных служб. Кроме того, ограниченное количество учреждений социальной защиты, здравоохранения и культуры снижает возможности комплексной поддержки населения.

Важной проблемой является кадровый дефицит в социальной сфере. Сельские учреждения испытывают недостаток квалифицированных специалистов, что связано с оттоком молодёжи в города и более привлекательными условиями труда в крупных населённых пунктах. Нехватка кадров приводит к увеличению нагрузки на работников и может отрицательно сказываться на качестве оказываемых услуг.

В современных условиях особую актуальность приобретает проблема цифрового неравенства. Государственные услуги всё активнее переводятся в электронный формат, однако часть сельского населения не имеет достаточного доступа к интернету или необходимых навыков работы с

цифровыми сервисами. Это ограничивает возможности получения социальных услуг в дистанционной форме и требует дальнейшего развития цифровой инфраструктуры сельских территорий [2].

Одним из перспективных направлений совершенствования социального обслуживания является развитие мобильных форм социальной работы. Использование выездных социальных служб позволяет обеспечить доступность помощи для жителей отдалённых населённых пунктов, своевременно выявлять нуждающихся граждан и повышать эффективность социальной поддержки населения.

Важную роль играет также реализация государственных программ, направленных на развитие сельских территорий. Совершенствование социальной инфраструктуры, повышение транспортной доступности, внедрение цифровых технологий и поддержка специалистов социальной сферы создают условия для повышения качества жизни сельского населения [3].

Таким образом, проблемы социального обслуживания жителей сельской местности носят комплексный характер и связаны с территориальными, кадровыми, инфраструктурными и цифровыми ограничениями. Решение данных проблем требует последовательной государственной политики и дальнейшего совершенствования системы социальной защиты населения. Реализация указанных мер будет способствовать повышению доступности социальных услуг и укреплению социальной защищённости жителей сельских территорий.

Дополнительным фактором, влияющим на эффективность социального обслуживания в сельской местности, является недостаточный уровень межведомственного взаимодействия. В ряде случаев деятельность учреждений социальной защиты, здравоохранения, образования и органов местного самоуправления осуществляется недостаточно согласованно. Это приводит к снижению оперативности решения социальных проблем граждан и усложняет процесс комплексного сопровождения лиц, нуждающихся в социальной поддержке.

Отдельного внимания заслуживает вопрос материально-технического обеспечения учреждений социального обслуживания. В сельских районах нередко наблюдается нехватка специализированного транспорта, современного оборудования и технических средств связи. Это ограничивает возможности организации выездной работы и снижает эффективность

предоставления социальных услуг на дому, особенно в отдалённых населённых пунктах.

Следует учитывать, что уровень социального обслуживания напрямую связан с социально-экономическим развитием территории. Низкий уровень доходов населения, ограниченные возможности трудоустройства и недостаточное развитие экономики сельских районов оказывают косвенное влияние на увеличение числа граждан, нуждающихся в социальной поддержке. В результате возрастает нагрузка на систему социальной защиты и увеличивается потребность в расширении её функционала.

Важным направлением совершенствования системы социального обслуживания является развитие профилактической работы с населением. Своевременное информирование граждан о мерах социальной поддержки, консультирование по вопросам получения социальных услуг и профилактика социального неблагополучия позволяют снизить уровень обращаемости в кризисные службы и повысить общую эффективность социальной политики.

Таким образом, система социального обслуживания в сельской местности требует комплексного подхода к решению существующих проблем, включающего совершенствование инфраструктуры, развитие кадрового потенциала, укрепление межведомственного взаимодействия и внедрение современных технологий социальной работы.

Список литературы

1. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ (с изм. и доп.).
2. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 02.06.2026).
3. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <https://mintrud.gov.ru> (дата обращения: 02.06.2026).
4. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2015 г. № 151-р.
5. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп.).
6. О государственной социальной помощи : Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ (с изм. и доп.).

© Кумыков Э.Х., 2026

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ЗАНЯТОСТИ:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

Хакимова Элина Наильевна

студент кафедры государственного
управления, истории, социологии

Научный руководитель: Тузиков Андрей Римович

профессор, доктор социологических наук
заведующий кафедрой государственного
управления, истории, социологии

Казанский национальный исследовательский
технологический университет

Аннотация: статья посвящена фундаментальному сравнительному анализу моделей государственного регулирования молодежной занятости населения в контексте современных демографических и экономических вызовов. В статье классифицируются существующие подходы, проводится детальный институциональный и функциональный анализы моделей. Целью исследования выступает проведение фундаментального сравнительного анализа доминирующих моделей государственного регулирования молодежной занятости и выявления их институциональных особенностей, преимуществ, недостатков и потенциальных рисков в контексте обеспечения устойчивого развития национального рынка труда. В работе были использован метод сравнительных таблиц по ключевым критериям, математическая модель прогнозирования динамики уровня молодежной безработицы и концептуальная математическая модель ключевых критериев. Выводы демонстрируют преимущества модели государственно-общественного партнерства для внедрения в российскую экономику. В качестве оптимального стратегического решения предлагается использование синтеза модели ГЧП и элементов патерналистской модели.

Ключевые слова: молодежная занятость, государственное регулирование, сравнительный анализ, модели занятости, рынок труда, патерналистская модель, государственно-частное партнерство (ГЧП), либерально-рыночная модель, молодежная безработица, институциональная среда, профориентация, трудоустройство несовершеннолетних.

**COMPARATIVE ANALYSIS OF STATE REGULATION
MODELS FOR YOUTH EMPLOYMENT:
INSTITUTIONAL AND FUNCTIONAL ASPECTS**

Khakimova Elina Nailievna
student

Scientific adviser: **Tuzikov Andrey Rimovich**

Professor, Doctor of Sociological Sciences

Head of Department of Public Administration, History, Sociology

Kazan National Research Technological University

Abstract: this article is dedicated to a fundamental comparative analysis of state regulation models for youth employment in the context of contemporary demographic and economic challenges. The article classifies existing approaches and conducts a detailed institutional and functional analysis of these models. The research objective is to perform a fundamental comparative analysis of dominant state regulation models for youth employment and to identify their institutional features, advantages, disadvantages, and potential risks in the context of ensuring the sustainable development of the national labor market. The study utilized the method of comparative tables based on key criteria, a mathematical model for forecasting the dynamics of youth unemployment rates, and a conceptual mathematical model of key criteria. The conclusions demonstrate the advantages of the state-public partnership model for implementation in the Russian economy. The optimal strategic solution proposed is the use of a synthesis of the PPP model and elements of the paternalistic model.

Key words: youth employment, state regulation, comparative analysis, employment models, labor market, paternalistic model, public-private partnership (PPP), liberal-market model, youth unemployment, institutional environment, career guidance, employment of minors.

На сегодняшний день российская экономика находится в условиях структурной трансформации, которая характеризуется демографическими сдвигами и цифровизацией производственных процессов. В таком случае проблема занятости молодежи плавно трансформируется из социально-экономической в стратегическую. Молодежь представляет собой с одной стороны наиболее мобильный сегмент рабочей силы, с другой же – наиболее

уязвимый, т.к. сталкивается с системными барьерами при входе на рынок труда: отсутствием опыта, дисбалансом между компетенциями и требованиями работодателей, высокой конкуренцией. Все эти факторы приводят к необходимости формированию адаптивных, научно обоснованных механизмов государственного регулирования.

Цель работы: Провести фундаментальный сравнительный анализ доминирующих моделей государственного регулирования студенческой занятости. Выявить институциональные особенности, потенциальные риски и преимущества в контексте обеспечения устойчивого развития национального рынка труда.

Теоретико-методологические основы и классификация моделей

Современные тенденции экономической науки и практика государственного управления трактует несколько ключевых парадигм регулирующих рынок труда. Либерально-консервативная доктрина опирается на идеи А. Смита и М. Фридмена и утверждает занятость как саморегулирующийся процесс, в котором государственное вмешательство сводится к минимуму. Кейнсианское направление, основателем которого является Дж. М. Кейнс, напротив говорит о необходимости активного государственного вмешательства с целью сглаживания циклических колебаний и достижения полной трудовой занятости.

Анализ отечественной и международной практики дает возможность классифицировать уже существующие подходы регулирования студенческой и молодежной занятости и выделить три основные модели:

Патерналистская или директивная модель в первую очередь характеризуется высокой степенью централизации и господствующей ролью государства выступающего в качестве основного заказчика и контролера рабочих мест для молодежи. Ключевые инструменты: прямые квоты рабочих мест на предприятиях, формирование специализированных государственных структур (молодежные биржи труда) и организация массовых сезонных и общественных работ, таких как студенческие отряды. Данная модель эффективна в периоды экономических спадов и применима для решения краткосрочных задач по временному трудоустройству подростков.

Модель государственно-общественного партнерства (ГЧП) предполагает прямое участие государства. Ведущим в реализации молодежной политики в данном случае будет муниципальный уровень власти. Государство выполняет координирующую функцию на институциональном

уровне и создает гибкие условия для синергии бизнеса, НКО и образовательных учреждений. Модель ГПЧ ориентирована на долгосрочные цели, такие как развитие молодежного предпринимательства, системы профориентации и поддержка стажировок на базе частных предприятий. Подход ориентирован на региональные особенности трудового рынка.

Либерально-рыночная модель. Это парадигма, в рамках которой роль государства заключается в создании правил и формировании благоприятной правовой среды, обеспечении базовой инфраструктуры. Главным импульсом занятости является частный сектор. Государство не участвует в создании рабочих мест, а стимулирует их возникновение путем установления налоговых льгот, грантов и программ поддержки для работодателей и самозанятых.

Сравнительный анализ институциональных механизмов

Для наглядности будет проведено детальное сравнение моделей по ключевым критериям.

Таблица 1

Сравнительная характеристика моделей регулирования молодежной занятости

Критерий сравнения	Патерналистская модель	Модель государственно-общественного партнерства	Либерально-рыночная модель
Роль государства	Доминирующая, директивная. Основной работодатель и заказчик.	Координирующая. Создает институциональную среду для взаимодействия всех акторов.	Минимальная (ночной сторож). Устанавливает правила и контролирует их соблюдение.
Основной уровень реализации	Федеральный/Региональный (централизованный).	Муниципальный/Региональный (децентрализованный).	Рыночный (на уровне предприятия).
Ключевые инструменты	Квотирование рабочих мест, создание временных рабочих мест (ССО), прямое бюджетное финансирование.	Субсидирование стажировок в частных компаниях, налоговые льготы для бизнеса, создание образовательных кластеров.	Минимальное вмешательство; опора на рыночные механизмы спроса и предложения.

Продолжение таблицы 1

Тип создаваемых рабочих мест	Преимущественно временные, низкоквалифицированные.	Постоянные, требующие квалификации; фокус на карьерном треке.	Любые, определяемые потребностями рынка.
Преимущества	Быстрый охват молодежи занятостью в кризисные периоды; социальная стабильность.	Баланс между экономической эффективностью и социальной защитой; гибкость и адаптивность.	Высокая экономическая эффективность; стимулирование частной инициативы.
Недостатки	Низкая экономическая эффективность; риск создания "пустых" рабочих мест; отсутствие карьерных перспектив.	Сложность координации множества участников; зависимость от эффективности работы на местах.	Риск социальной эксклюзии уязвимых групп молодежи; слабая защита прав работников.

Независимо от выбранной парадигмы государство будет выстраивать жесткие защитные механизмы — эта аксиома нынешнего устройства. В России в свою очередь установлены нормы охраны труда молодежи: запрет на установление испытательного срока, оплачиваемый отпуск для прохождения сессий, сокращение продолжительности рабочего времени для разных возрастных категорий и т.д.

Моделирование эффективности подходов

При оценке долгосрочного влияния различных модулей на уровень молодежной безработицы можно использовать концептуальную математическую модель, разработанную в рамках данного исследования.

Пусть $U_y(t)$ — уровень безработицы среди молодежи в момент времени t .

$$U_y(t+1) = U_y(t) - \alpha \cdot G + \beta \cdot M - \gamma \cdot E$$

Где G — интенсивность государственных мер по прямому созданию рабочих мест. M — интенсивность мер по стимулированию частного сектора (субсидии бизнесу), что является ядром модели ГЧП. E — скорость структурных изменений в экономике, ведущих к исчезновению

низкоквалифицированных рабочих мест. α — коэффициент эффективности прямого государственного вмешательства. β — коэффициент эффективности рыночных стимулов. γ — коэффициент чувствительности рынка к структурным сдвигам.

Эмпирические данные показывают, что в краткосрочном периоде (Δt мало) прямое вмешательство (G) дает быстрый эффект снижения безработицы за счет $U_y(t)$. Но в долгосрочной перспективе высокий показатель E (структурные сдвиги) делает неустойчивыми, созданные таким образом рабочие места.

Модель ГЧП в свою очередь стимулирует бизнес на создание рабочих мест нового типа через механизм M , которые более устойчивы к автоматизации. Можно сделать вывод, что модель государственно-общественного партнерства показывает наилучшую динамику долгосрочного периода из-за синергического эффекта: государство снижает риски для бизнеса (M), а бизнес создает качественные рабочие места, что ведет к устойчивому снижению $U_y(t)$.

Выводы, следующие из существующих исследований

Проведенный анализ свидетельствует об отсутствии универсальной модели регулирования молодежной занятости. Оптимальная стратегия для Российской Федерации – это синтез элементов представленных моделей: государственно-общественного партнерства с сохранением отдельных инструментов патерналистской модели для решения острых социальных задач.

Ключевым фактором успеха выступает гибкость трудового законодательства, эффективность координирующих органов на муниципальном уровне и наличие действенных каналов коммуникации между системой образования и рынком труда. Научные изыскания в первую очередь должны быть направлены на разработку количественных критериев оценки эффективности каждой модели, применимой в России.

Список литературы

1. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс. — М.: Гелиос АРВ, 2002. — С. 352.
2. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. — М.: Эксмо, 2007. — С. 960 с.

3. Гимпельсон, В. Е. Российский рынок труда через призму демографии / В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников // Вопросы экономики. — 2024. — С. 5-29.

4. Кашепов А. В. Рынок труда: проблемы и решения / Москва : Научный эксперт, 2008. С. 155-171.

© Хакимова Э.Н.

**ПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В ПРИНЯТИИ
ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА:
ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ЦИФРОВОЙ ПОЛИТИКИ**

Самигуллина Дина Ильфатовна

студент

Научный руководитель: **Сергеева Зульфия Харисовна**

к.с.н., доцент

ФГБОУ ВО «Казанский национальный
исследовательский технологический университет»

Аннотация: статья посвящена анализу влияния возрастно-поколенческого фактора на принятие технологий искусственного интеллекта (ИИ) населением регионов. Цель исследования – выявить закономерности дифференциации восприятия, доверия и практического использования ИИ-сервисов среди различных поколений, а также разработать научно обоснованные механизмы адаптации региональной цифровой политики. Результаты показывают статистически значимые различия в моделях принятия ИИ между поколениями Z, Y, X и «бумерами», обусловленные уровнем цифровой грамотности, восприятием этических рисков и доступом к сопровождающей инфраструктуре. Выводы демонстрируют необходимость перехода от унифицированных цифровых стратегий к демографически и территориально сегментированным политикам, способным снизить «поколенческий цифровой разрыв» и повысить эффективность внедрения ИИ на региональном уровне.

Ключевые слова: искусственный интеллект, поколенческая дифференциация, цифровая политика, региональное развитие, технологическое принятие, цифровая грамотность, цифровой разрыв.

**GENERATIONAL DIFFERENTIATION IN THE ADOPTION
OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES:
AN EMPIRICAL STUDY AND MECHANISMS OF ADAPTATION
OF REGIONAL DIGITAL POLICY**

Samigullina Dina Ilfatovna

Scientific adviser: **Sergeeva Zulfiya Kharisovna**

Abstract: the article is devoted to the analysis of the influence of the age-generation factor on the adoption of artificial intelligence (AI) technologies by the population of the regions. The purpose of the study is to identify patterns of differentiation in the perception, trust, and practical use of AI services among different generations, as well as to develop scientifically based mechanisms for adapting regional digital policy. The results show statistically significant differences in the adoption of AI between generations Z, Y, X, and Boomers, which are determined by the level of digital literacy, perception of ethical risks, and access to supporting infrastructure. The findings demonstrate the need to move from unified digital strategies to demographically and geographically segmented policies that can reduce the “digital generation gap” and improve the effectiveness of AI implementation at the regional level.

Key words: artificial intelligence, generational differentiation, digital policy, regional development, technological adoption, digital literacy, digital divide.

Поколенческая дифференциация в принятии технологий искусственного интеллекта (ИИ) и механизмы адаптации региональной цифровой политики — тема, которая требует дальнейшего изучения, так как требует учёта как демографических, так и социально-экономических факторов.

Ключевые идеи теории поколений

Согласно теории поколений, ценности и модели поведения людей формируются в детстве и подростковом возрасте. На это влияет несколько факторов: [4, с. 384]

- Масштабные события и кризисы — войны, революции, экономические потрясения, пандемии. Они накладывают отпечаток на мировоззрение поколения, которое застало эти события.

- Технологические прорывы. Развитие технологий, появление интернета, развитие мобильной связи изменяют способы коммуникации и потребления информации.

- Культурные и социальные изменения, например, трансформация семейных ценностей, гендерных ролей, новые модели воспитания задают новые паттерны поведения и взгляды на жизнь. [5, с. 210]

Эти факторы в совокупности формируют общие для людей одного поколения ценности и модели поведения.

Эмпирические исследования

В научных работах рассматриваются различные аспекты восприятия и

использования ИИ в разных группах населения. Например, исследования в сфере образования показывают, что среди студентов наблюдается стратификация в отношении к инструментам ИИ: некоторые группы активнее используют такие технологии в обучении, что может влиять на сегментацию образовательных программ. Также есть данные о том, что уровень доверия к технологиям ИИ варьируется в зависимости от региона: например, более высокий уровень доверия характерен для жителей Москвы, Санкт-Петербурга и городов с населением 100–500 тыс. человек [1, с. 56] .

В контексте государственного управления и регионов исследования выявляют региональную дифференциацию по уровню внедрения ИИ. Например, в Приволжском федеральном округе наблюдается неоднородность, которая связана с различиями в цифровом развитии субъектов. Также проводились оценки «интегральной готовности» органов исполнительной власти и местного самоуправления к использованию технологий ИИ для решения социально-экономических задач.

Механизмы адаптации региональной цифровой политики

На основе анализа исследований и практик можно выделить следующие подходы к адаптации региональной цифровой политики с учётом поколенческой дифференциации и региональных особенностей:

Развитие цифровой грамотности и компетенций. Важно учитывать различия в уровне цифровой грамотности между поколениями и предоставлять соответствующие программы обучения и повышения квалификации. Например, в регионах могут быть эффективны инициативы по переобучению сотрудников, особенно в промышленных регионах [2, с. 69].

Учёт региональных особенностей. Цифровая политика должна адаптироваться с учётом уровня инновационного потенциала региона, его инфраструктуры, наличия кадров и данных. Например, в центрах с высоким инновационным потенциалом могут потребоваться стимулы для исследований и разработок в сфере ИИ, а в отстающих регионах — меры по повышению доступности ИКТ.

Создание нормативно-правовой базы. Необходимо разрабатывать законы и методические документы, регулирующие использование ИИ, защиту данных, ответственность за решения, принятые с помощью ИИ. Это поможет снизить риски и привлечь инвестиции.

Поддержка инноваций и научных исследований. Региональные власти могут инициировать создание научных парков, стартапов и исследовательских

центров в области ИИ, а также способствовать сотрудничеству между университетами, бизнесом и правительством.

Использование типовых решений и платформ. Например, платформа «Гостех» позволяет регионам получать доступ к готовым цифровым сервисам, что может ускорить внедрение ИИ и снизить затраты.

Оценка эффективности цифровизации. Федеральные власти могут требовать от регионов расчёта измеримых показателей эффективности программ цифровизации, что стимулирует более целенаправленное развитие ИИ.

Межпоколенческий цифровой разрыв приобретает особое значение в свете демографического тренда старения населения и увеличения доли старшего возраста, который реже использует цифровые технологии по сравнению с молодыми поколениями. Исследования показывают, что существуют различия в доступе и использовании интернета между поколениями как с точки зрения владения цифровыми гаджетами, так и с точки зрения целей использования интернета.

Для преодоления цифрового разрыва требуется не только обеспечение технического доступа к технологиям, но и развитие цифровой грамотности населения, включая понимание этических аспектов взаимодействия в цифровой среде (конфиденциальность данных, кибербезопасность).

Ученые работали над теорией поколений, чтобы объяснить, как лучше выстроить общение с представителями разных возрастов. Люди одного поколения всегда будут понимать друг друга лучше, чем своих родителей и детей. Важно понимать, что нет одного "правильного" или "лучшего" поколения. У каждого поколения есть свои сильные стороны и ценности, которые они могут принести в общество. Поэтому в общении, образовании и воспитании важно учитывать эти различия и находить способы эффективного взаимодействия друг с другом.

Выводы из существующих исследований

- Регионы неоднородны по уровню и темпам использования технологий ИИ.

- На распространение ИИ влияют такие факторы, как состояние человеческого капитала, уровень экономического развития и инновационная активность организаций в регионе [3, с. 147].

- Успешные практики внедрения ИИ часто носят отраслевой характер и решают узкие прикладные задачи.

Таким образом, адаптация региональной цифровой политики в контексте поколенческой дифференциации и внедрения ИИ требует комплексного подхода, учитывающего как технологические, так и социально-экономические факторы, а также необходимость постоянного мониторинга и оценки эффективности принимаемых мер.

Список литературы

1. Попова Л. А., Жахов Н. В. Пространственно-экономическая дифференциация цифрового развития в регионах России. – 2026г. – [с. 54-60] URL: <https://ecsocmenues.elpub.ru/jour/article/view/1330> [Электронный ресурс] (Дата обращения: 25.05.26)

2. Панова Е. А., Тарасова Е. Ю. Развитие цифровых компетенций и цифровой грамотности государственных служащих в условиях цифровой модернизации государственного управления – 2025. – [с. 64] URL: <https://srajournal.ru/index.php/sra/issue/view/55/62> [Электронный ресурс] (Дата обращения: 25.05.26)

3. Алексеев Р.А. Искусственный интеллект на службе государства: аргументы «за» и «против» // Журнал политических исследований. – 2020. – Т. 4. № 2. [С. 58–69.] DOI: 10.12737/2587-6295-2020-58-69

4. Павлова И. В. Теория поколений: теория и практика – 2026г. – URL: <https://www.b17.ru/article/844493/> [Электронный ресурс] (Дата обращения: 25.05.26)

5. Ожиганова Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического. – 2015г. – [с.94-97] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-pokoleniy-n-houva-i-v-shtrausa-vozmozhnosti-prakticheskogo-primeneniya?ysclid=mpx1fwfurs474199750> [Электронный ресурс] (Дата обращения: 25.05.26)

© Самигуллина Д.И.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА КАК ФАКТОР УЛУЧШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Кумыков Эльдар Хабасович

студент

Научный руководитель: Чеченов Аслан Магомедгериевич

к.ф.н., доцент кафедры

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный

университет имени Х.М. Бербекова»

Аннотация: в статье рассматривается роль социальной работы в повышении качества жизни населения сельской местности. Раскрываются основные проблемы социального обслуживания в сельских территориях, включая ограниченную доступность социальных услуг, кадровый дефицит и недостаточный уровень инфраструктуры. Определяются ключевые направления совершенствования социальной работы, направленные на улучшение условий жизни сельского населения. Установлено, что развитие социальной работы способствует снижению социальной напряжённости и повышению уровня социальной защищённости граждан.

Ключевые слова: социальная работа, сельская местность, качество жизни, социальное обслуживание, социальная защита, сельское население.

SOCIAL WORK AS A FACTOR IN IMPROVING THE QUALITY OF LIFE IN RURAL AREAS

Kumykov Eldar Khabasovich

Scientific adviser: Chechenov Aslan Magomedgerievich

Abstract: the article examines the role of social work in improving the quality of life of the rural population. The main problems of social services in rural areas are considered, including limited access to social services, staff shortages, and insufficient infrastructure development. Key directions for improving social work aimed at enhancing living conditions in rural areas are identified. It is established that the development of social work contributes to reducing social tension and increasing the level of social protection of citizens.

Key words: social work, rural areas, quality of life, social services, social protection, rural population.

Современное развитие сельских территорий Российской Федерации характеризуется устойчивым дисбалансом в уровне жизни по сравнению с городскими агломерациями. Несмотря на реализацию государственных программ развития села, сохраняется значительная дифференциация в доступности социальных услуг, уровне доходов населения и развитии инфраструктуры. В этих условиях социальная работа приобретает системообразующее значение, выступая инструментом компенсации социального неравенства и повышения качества жизни сельского населения.

Под качеством жизни в рамках данного исследования понимается совокупность объективных и субъективных характеристик, отражающих уровень удовлетворённости населения условиями проживания, доступностью социальных услуг, состоянием здоровья, уровнем социальной защищённости и возможностями самореализации. В сельской местности данный показатель формируется под воздействием комплекса факторов, среди которых ключевыми являются территориальная удалённость, демографическая структура населения, состояние инфраструктуры и уровень развития социальных институтов.

1. Состояние социальной инфраструктуры сельских территорий

Анализ современных исследований показывает, что социальная инфраструктура сельских территорий в России развивается неравномерно и в ряде регионов демонстрирует признаки стагнации. Наиболее остро ощущается дефицит учреждений здравоохранения, социальной защиты, культурных и досуговых объектов. В результате доступность базовых социальных услуг для сельского населения остаётся ограниченной [1, с. 127].

Для наглядности можно выделить ключевые проблемные зоны:

Таблица 1

Основные проблемы социальной инфраструктуры сельской местности

Проблема	Проявление	Последствие
Удалённость	большие расстояния до соцучреждений	снижение доступности помощи

Продолжение таблицы 1

Кадровый дефицит	нехватка соцработников	снижение качества услуг
Инфраструктура	слабый транспорт и связь	социальная изоляция
Цифровизация	низкий интернет-доступ	ограничение электронных услуг

2. Роль социальной работы в повышении качества жизни

Социальная работа в сельской местности выполняет несколько ключевых функций: компенсирующую, интеграционную и защитную. Компенсирующая функция связана с восполнением недостатка социальных услуг, интеграционная — с вовлечением населения в социальную жизнь, защитная — с обеспечением поддержки уязвимых категорий граждан.

Особое значение имеет работа с пожилым населением, доля которого в сельских территориях значительно выше, чем в городах. Именно эта категория чаще всего нуждается в постоянной социальной поддержке, медицинском сопровождении и бытовой помощи.

Важной формой повышения эффективности социальной работы выступают мобильные социальные службы. Они позволяют оказывать услуги непосредственно по месту проживания граждан, снижая территориальный барьер и повышая оперативность помощи.

3. Механизмы повышения эффективности социальной работы

Современные подходы к развитию социальной работы в сельской местности включают несколько направлений:

1. развитие мобильных форм обслуживания;
2. цифровизация социальных услуг;
3. межведомственное взаимодействие;
4. стимулирование кадрового потенциала;
5. развитие социальной инфраструктуры.

Особое значение приобретает цифровая трансформация. Внедрение электронных сервисов позволяет снизить зависимость от территориального фактора, однако эффективность данного процесса ограничивается уровнем цифровой грамотности населения и доступностью интернет-инфраструктуры.

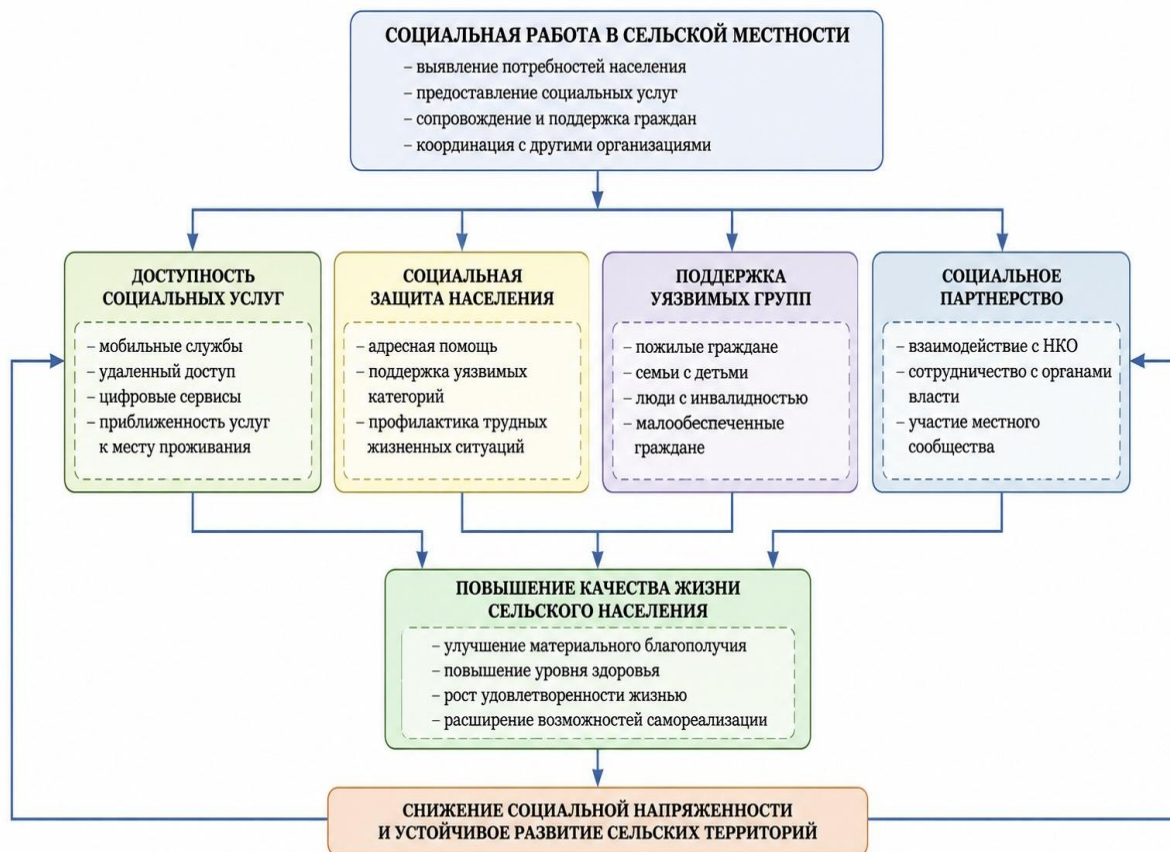

Рис. 1. Модель влияния социальной работы на качество жизни в сельской местности

Проведённый анализ позволяет утверждать, что социальная работа является одним из ключевых факторов устойчивого развития сельских территорий. Её влияние проявляется не только в прямом улучшении доступа к социальным услугам, но и в формировании долгосрочных эффектов — снижении миграционного оттока, укреплении социальной стабильности и повышении уровня доверия населения к государственным институтам.

Согласно данным научных исследований, в регионах, где активно внедряются мобильные и цифровые формы социальной работы, наблюдается более высокий уровень удовлетворённости населения качеством жизни [2, с. 91].

Таким образом, социальная работа выступает важным инструментом повышения качества жизни в сельской местности. Её развитие способствует снижению социального неравенства, улучшению доступности социальных услуг и формированию устойчивой социальной среды. Перспективным

направлением является дальнейшая цифровизация и развитие мобильных форм социальной поддержки, что позволит минимизировать влияние территориальных ограничений и повысить эффективность социальной политики в сельских регионах.

Список литературы

1. Холостова Е. И. Социальная работа: учебник. – М.: Дашков и К, 2023. – 612 с.
2. Павленок П. Д. Теория, история и методика социальной работы. – М.: Дашков и К, 2022. – 512 с.
3. Фирсов М. В., Студенова Е. Г. Теория социальной работы. – М.: Юрайт, 2023. – 455 с.
4. Российская Федерация. Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ (с изм. и доп.).
5. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <https://mintrud.gov.ru> (дата обращения: 29.05.2026).

© Кумыков Э.Х., 2026

**СЕКЦИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

**КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ САМОРЕГУЛЯЦИИ И НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКОГО НАПРЯЖЕНИЯ ПОДРОСТКОВ 16-18 ЛЕТ:
РЕЗУЛЬТАТЫ ДИАГНОСТИКИ И РЕКОМЕНДАЦИИ**

Коваленко Маргарита Павловна

магистрант 2 курса факультета
психологии и специального образования

Забродина Ольга Владимировна

кандидат психологических наук
доцент кафедры педагогики и психологии
Самарский государственный
социально-педагогический университет

Аннотация: статья посвящена комплексному исследованию уровня саморегуляции поведения и психоэмоционального состояния учащихся. Актуальность работы обусловлена возрастающими требованиями современного общества к адаптивности, стрессоустойчивости и способности осознанно управлять своим поведением в условиях информационной нагрузки и социальной неопределённости. Цель исследования — провести диагностику уровня саморегуляции поведения, волевой саморегуляции и нервно-психического напряжения у молодёжи 16–18 лет с последующей разработкой практических рекомендаций.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для создания систем поддержки молодёжи, направленных на развитие навыков осознанного управления поведением и эмоциями, повышение адаптационных возможностей и успешности в учебной и социальной деятельности.

Ключевые слова: саморегуляция поведения, волевая саморегуляция, нервно-психическое напряжение, подростки, учащиеся, психологическая диагностика, развитие саморегуляции.

**A COMPREHENSIVE STUDY OF SELF-REGULATION AND MENTAL
STRESS IN ADOLESCENTS AGED 16-18: DIAGNOSTIC RESULTS
AND RECOMMENDATIONS**

Kovalenko Margarita Pavlovna

Zabrodina Olga Vladimirovna

Abstract: the article focuses on a comprehensive study of the level of self-regulation and the psychoemotional state of students. The relevance of this work is driven by the increasing demands of modern society for adaptability, stress resistance, and the ability to consciously manage one's behavior in the face of information overload and social uncertainty. The purpose of the study is to diagnose the level of self-regulation of behavior, volitional self-regulation, and neuropsychic tension in young people aged 16–18, followed by the development of practical recommendations.

The practical significance of the study lies in the possibility of using its results to create support systems for young people aimed at developing the skills of conscious management of behavior and emotions, increasing adaptive capabilities, and improving success in educational and social activities.

Key words: self-regulation of behavior, volitional self-regulation, mental stress, teenagers, students, psychological diagnostics, development of self-regulation.

Степень научной разработанности проблемы саморегуляции у подростков достаточно высока, хотя при этом остаётся актуальной и недостаточно изученной в некоторых аспектах. Исследования ведутся в рамках различных теоретических подходов, однако многие вопросы, связанные с возрастными особенностями, механизмами формирования и практическим применением знаний о саморегуляции, остаются предметом дискуссий. Появление новых вызовов и динамичных изменений в обществе может негативно влиять на физическое и психическое благополучие человека, что повышает значимость исследований нервно-психического напряжения.

Теоретические основы. В отечественной психологии саморегуляцию изучали Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Л.И. Божович, О.А. Конопкин, В.И. Моросанова, Е.П. Ильин и другие учёные. [1, с. 29]. В зарубежной психологии значимый вклад внесли Р. Карвер и Ч. Шейер, Б. Циммерман (теория саморегулируемого обучения), А. Мияке (связь саморегуляции с исполнительными функциями), Р. Баумейстер (ресурсная теория саморегуляции) и Д. Гросс (модель эмоциональной саморегуляции).

О.А. Конопкин разработал концепцию осознанной саморегуляции произвольной активности, где она понимается как системно организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению разными видами и формами

произвольной активности для достижения целей. [2, с. 31]. В.И. Моросанова предложила модель индивидуального стиля саморегуляции, включающую такие компоненты, как планирование (целеполагание), моделирование (анализ условий достижения целей), программирование (разработка стратегий действий), оценивание результатов (контроль и коррекция), гибкость (адаптация к изменениям), самостоятельность (автономность в принятии решений). Деятельностный подход (М.И. Бобнева, Г.В. Суходольский, Е.В. Шорохова, В.А. Ядов), где саморегуляция рассматривается как системно организованный процесс внутренней психической активности, направленный на управление деятельностью.

Нервно-психическому напряжению уделено внимание в работах Т.Н. Немчина, П.Зильберман, И.В. Сыромятникова, В.И. Лебедев, Ц.П. Короленко, И.Г. Малкина-Пых и др.

Актуальность исследования саморегуляции поведения и нервно-психического напряжения молодёжи обусловлена возрастающими требованиями современного общества к адаптивности, стрессоустойчивости и способности к осознанному управлению своим поведением. В условиях цифровой трансформации, повышенной информационной нагрузки и социальной неопределённости навыки саморегуляции становятся ключевым ресурсом успешной учебной и профессиональной деятельности.

Цель исследования: провести комплексную диагностику уровня саморегуляции поведения, волевой саморегуляции и нервно-психического напряжения у учащихся 16-18 лет.

Задачи исследования:

1. Оценить общий уровень и структуру саморегуляции с помощью опросника ССПМ В. И. Моросановой.
2. Определить уровень развития волевой саморегуляции по методике А. В. Зверькова и Е. В. Эйдмана.
3. Изучить выраженность нервно-психического напряжения с использованием опросника Т. А. Немчина.
4. Выявить взаимосвязи между показателями саморегуляции и нервно-психического напряжения
5. Разработать практические рекомендации.

Гипотеза исследования: предполагается, что:

- большинство испытуемых продемонстрируют средний уровень саморегуляции;

– между уровнем саморегуляции и нервно-психическим напряжением существует обратная зависимость.

Объект исследования: учащиеся в возрасте 16–18 лет (N = 59).

Методы исследования: опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В.И. Моросановой, тест-опросник «Исследование волевой саморегуляции» А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана, опросник нервно-психического напряжения (НПН) Т. А. Немчина.

Практическая значимость: результаты исследования могут быть использованы психологами образовательных учреждений для разработки программ развития саморегуляции, профилактики стресса и повышения адаптационных возможностей молодёжи.

Саморегуляция поведения — системно организованный процесс внутренней психической активности человека по управлению своими действиями, состояниями и побуждениями в целях достижения поставленных целей.

Волевая саморегуляция отражает способность человека сознательно управлять своим поведением, преодолевать препятствия и сохранять направленность действий. Ключевые компоненты: настойчивость (стремление к завершению начатого) и самообладание (контроль эмоциональных реакций).

Нервно психическое напряжение (НПН) — это состояние повышенной мобилизации психических и физиологических ресурсов для выполнения деятельности в сложных условиях. Т. А. Немчин выделяет три уровня НПН:

- слабое (30–50 баллов) — недостаточная мобилизация;
- умеренное (51–70 баллов) — оптимальный уровень активации;
- чрезмерное (71–90 баллов) — признаки стресса и перегрузки.

[3, с. 77].

Многошкальный опросник Стиль саморегуляции поведения (ССПМ) позволяет диагностировать степень развития осознанной саморегуляции и ее индивидуальные профили, компонентами которых являются частные регуляторные процессы: планирование целей, моделирование значимых условий, программирование действий, оценка результата. [4, с. 4].

Итоги диагностики стиля саморегуляции поведения по опроснику «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) (методика В.И. Моросановой) на рисунке 1.

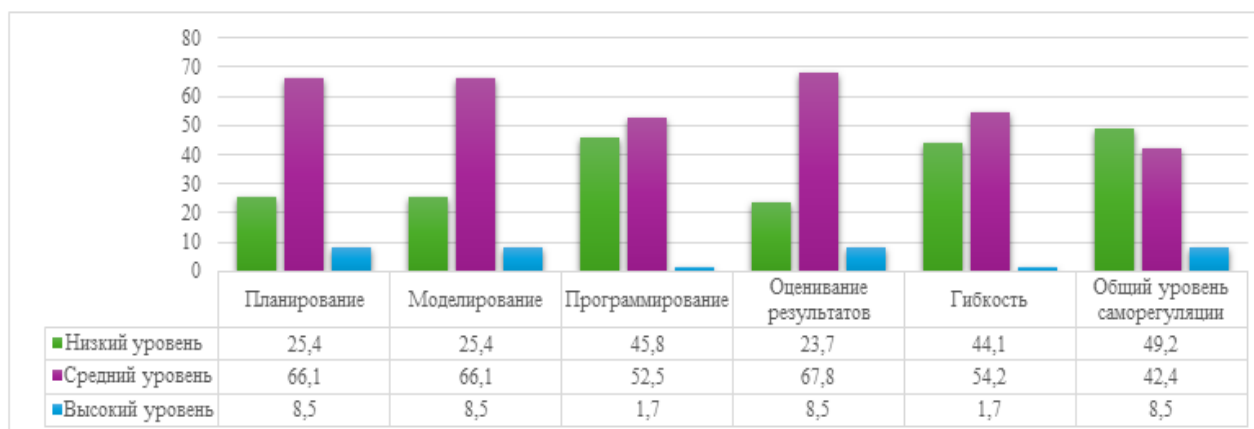

Рис. 1. Диагностика «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) (методика В. И. Моросановой)

Анализ данных показал, что у большинства студентов (49,2%) общий уровень саморегуляции на низком уровне. Что может проявляться в нарушении поведения, эмоциональной нестабильности и совершению необдуманных поступков. При этом, 42,4% опрошенных демонстрируют средний уровень общего уровня саморегуляции. Следует отметить, что только 8,5% (5 учащихся) обладают высоким уровнем.

Планирование: низкий уровень у 15 человек (25,4 %), средний — у 39 (66,1 %), высокий — у 5 (8,5 %). Это говорит о том, что большинство испытуемых способны ставить цели и планировать деятельность, но есть значительная группа с трудностями в целеполагании.

Моделирование: распределение аналогично планированию — 15 (25,4 %) с низким уровнем, 39 (66,1 %) со средним, 5 (8,5 %) с высоким. Шкала отражает способность учитывать условия достижения целей.

Программирование: здесь преобладает низкий уровень — 27 человек (45,8 %), средний — 31 (52,5 %), высокий — всего 1 (1,7 %). Это указывает на серьёзные трудности в детализации способов достижения целей у большинства.

Оценивание результатов: низкий уровень — 14 человек (23,7 %), средний — 40 (67,8 %), высокий — 5 (8,5 %). Адекватная оценка результатов сформирована у меньшинства.

Гибкость: низкий уровень — 26 человек (44,1 %), средний — 32 (54,2 %), высокий — 1 (1,7 %). Такие результаты свидетельствуют о трудностях в адаптации к изменениям условий.

Самостоятельность: данные не представлены в сводной таблице, но можно проанализировать по индивидуальным результатам.

Общий уровень саморегуляции: низкий — 29 человек (49,2 %), средний — 25 (42,4 %), высокий — 5 (8,5 %). Почти половина выборки имеет недостаточно развитую систему саморегуляции.

Мы можем отметить сложности с программированием и гибкостью. Общий уровень саморегуляции у половины выборки низкий, что может влиять на эффективность деятельности.

Исследование волевой саморегуляции. Цель обработки результатов – определение величин индексов волевой саморегуляции по пунктам общей шкалы (В) и индексов по субшкалам «настойчивость» (Н) и «самообладание» (С). В самом общем виде под уровнем волевой саморегуляции понимается мера овладения собственным поведением в различных ситуациях, способность сознательно управлять своими действиями, состояниями и побуждениями.

Высокий уровень — 17–24 балла — характерен для лиц эмоционально зрелых, активных, независимых, самостоятельных. Их отличает спокойствие, уверенность в себе, устойчивость намерений, реалистичность взглядов, развитое чувство собственного долга.

Средний уровень — 9–16 баллов — средний уровень развития способности сознательно управлять своими действиями, состояниями и побуждениями.

Низкий уровень — 1–8 баллов — наблюдается у людей чувствительных, эмоционально неустойчивых, ранимых, неуверенных в себе. Рефлексивность у них невысока, а общий фон активности, как правило, снижен.

По результатам диагностики, методика «Исследование волевой саморегуляции» определили общий уровень волевой саморегуляции подростков по трем шкалам (рисунок 2).

Как видно из рисунка 2, по результатам диагностики у 4 подростков был выявлен низкий уровень саморегуляции, у 7 – высокий уровень.

Таким образом, средний уровень саморегуляции был выявлен у большей части подростков. Подростков, обладающих низкой сформированностью навыков саморегуляции, при первоначальной диагностике оказалось больше, чем тех, кто продемонстрировал высокий уровень способности регулировать свое поведение.

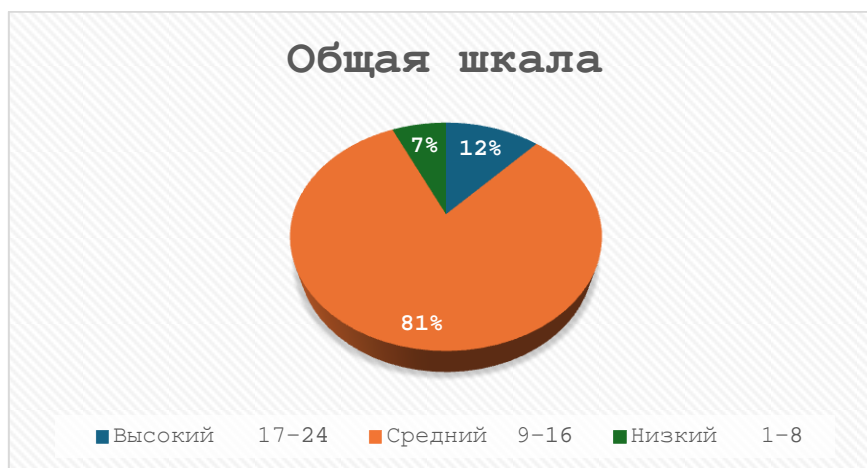

Рис. 2. Показатели диагностики методики А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана «Исследование волевой саморегуляции»

Методика «Оценка нервно-психического напряжения» (Т.А.Немчин) характеризуется тем, что применяется для определения нервно-психического напряжения, и определяет уровень слабого нервно-психического напряжения, умеренного нервно-психического напряжения, чрезмерного нервно-психического нарушения. Нервно-психическое напряжение является особым видом психического состояния, развивающегося у человека в сложных условиях его жизни и деятельности, оно протекает как системный процесс. [5, с. 3].

Данная методика содержит 30 основных характеристик, разделенных на три степени выраженности (три варианта ответа). По содержанию опросника все характеристики нервно-психического напряжения можно разделить на три группы утверждений: первая группа отражает наличие (или отсутствие) физического дискомфорта и неприятных ощущений со стороны соматических систем организма, вторая группа утверждает о наличии (или отсутствии) психического дискомфорта и жалоб со стороны нервно-психической сферы, в третью группу входят признаки, описывающие некоторые общие характеристики нервно-психического напряжения – частоту, продолжительность, генерализованность и степень выраженности этого состояния.

Результаты выраженности нервно-психического напряжения у подростков с помощью опросника «Оценка нервно-психического напряжения» (Т.А. Немчин) представлены на диаграмме (рисунок 3).

**Рис. 3. Результат исследования по методике
Оценка нервно-психического напряжения (Т.А. Немчин)**

На основе полученных результатов можно заключить, что у большинства учащихся наблюдается умеренная выраженность нервно-психического напряжения (75%). Именно такой уровень нервно-психического напряжения позволяет учащимся активизировать свои усилия в деятельности, например, в процессе обучения, в сложных жизненных ситуациях. Данное психоэмоциональное состояние является наиболее оптимальным. У 13% учащихся определена слабая выраженность нервно-психического напряжения. Учащиеся способны адекватно реагировать и воспринимать различные жизненные трудности, сохраняя эмоциональную стабильность. Однако в обследуемой группе выявлено 12%, у кого наблюдается чрезмерная выраженность нервно-психического напряжения, которая может отрицательно сказаться на психологическом здоровье.

Большинство испытуемых испытывают умеренное напряжение, что может быть связано с учебной нагрузкой. Небольшая группа имеет чрезмерное напряжение, что требует психологической поддержки. Слабое напряжение встречается редко, возможно, указывает на низкую вовлечённость.

Для выявления взаимосвязей между показателями в исследовании использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена (ρ или r_s).

Результаты корреляционного анализа:

– Общий уровень ССПМ — Нервно-психическое напряжение (Немчин)- $-0,52$ - Уровень значимости (p)- $p < 0,05$. Интерпретация: умеренная отрицательная связь: высокая саморегуляция снижает напряжение.

– Общая воля (Зверьков) — Нервно-психическое напряжение (Немчин)- $-0,45$ - Уровень значимости (p)- $p < 0,05$. Интерпретация: умеренная отрицательная связь: волевая саморегуляция помогает снижать напряжение

Выявлена защитная роль саморегуляции против нервно-психического напряжения. Кроме того, выявлена связь между волей и снижением напряжения.

У половины выборки выявлен низкий общий уровень саморегуляции, особенно по шкалам программирования и гибкости. Большинство испытуемых имеют средний уровень волевой саморегуляции. Умеренное нервно-психическое напряжение преобладает, но у 11,9 % оно чрезмерное.

Практические рекомендации:

– для снижения НПН у студентов важно развивать навыки саморегуляции: обучение планированию и целеполаганию, тренинги эмоциональной устойчивости, техники когнитивной переоценки стресса;

– особое внимание — студентам с низким ОУ: им нужна поддержка в адаптации к учебной нагрузке.

Саморегуляция и волевая активность тесно связаны с психоэмоциональным состоянием: низкий уровень первых коррелирует с напряжением и эмоциональной неустойчивостью. Развитие навыков планирования, гибкости и самообладания может снизить риск стресса и повысить успешность в учёбе и социальной жизни.

Результаты диагностики выявили как ресурсные, так и проблемные зоны группы. Системная работа по развитию навыков осознанного управления поведением и эмоциями позволит снизить нервно-психическое напряжение, повысить адаптивность, успешность подростков/студентов в учебной и социальной деятельности.

Список литературы

1. Петрова Ольга Сергеевна, Чекина Лариса Федоровна Развитие саморегуляции личности подростков старшего школьного возраста // Universum: психология и образование. 2022. № 10 (100). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-samoregulyatsii-lichnosti-podrostkov-starshego-shkolnogo-vozrasta> (дата обращения: 17.02.2026).

2. Макарова Надежда Сергеевна, Щурова Юлия Евгеньевна Психолого-педагогические условия формирования саморегуляции личности подростков // Педагогический вестник. 2021. № 19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskie-usloviya-formirovaniya-samoregulyatsii-lichnosti-podrostkov> (дата обращения: 28.05.2026).

3. Воробьева Клариса Ивановна, Заворотняя Ирина Александровна Личностные детерминанты нервно-психической напряженности и их учет в профессиональной диагностике спасателей // Психология в экономике и управлении. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-determinanty-nervno-psihicheskoy-napryazhennosti-i-ih-uchet-v-professionalnoy-diagnostike-spasateley> (дата обращения: 27.05.2026).

4. Моросанова, В. И. Опросник В.И. Моросановой "Стиль саморегуляции поведения - ССПМ 2020" / В. И. Моросанова, Н. Г. Кондратюк // Вопросы психологии. – 2020. – № 4. – С. 155-167. – EDN XLPKCR.

5. Русякова Екатерина Евгеньевна, Голубь Анна Александровна, Киселева Юлия Павловна Особенности нервно-психического напряжения у современных студентов в условиях вынужденной самоизоляции // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-nervno-psihicheskogo-napryazheniya-u-sovremennyh-studentov-v-usloviyah-vynuzhdennoy-samoizolyatsii>

© Коваленко М.П., Забродина О.В.

**СВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ И СТРАТЕГИЙ
СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У СТУДЕНТОВ СРЕДНЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Аксенова Екатерина Вадимовна

магистрант

Научный руководитель: **Сабельникова Наталья Викторовна**

кандидат психологических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный
педагогический университет»

Аннотация: в статье представлены результаты исследования взаимосвязи эмоциональной привязанности и стратегий совладающего поведения у студентов среднего профессионального образования. В исследовании приняли участие 113 студентов колледжа в возрасте от 16 до 21 года. Установлено, что высокий уровень избегания связан со снижением активного совладания, планирования и обращения за социальной поддержкой, тогда как высокий уровень беспокойства сопряжен с эмоционально напряженными и избегательными формами реагирования на стресс. Полученные результаты могут быть использованы при организации психологического сопровождения студентов СПО.

Ключевые слова: эмоциональная привязанность, совладающее поведение, копинг-стратегии, студенты СПО, избегание, беспокойство, социальная поддержка, стресс.

**THE RELATIONSHIP BETWEEN EMOTIONAL ATTACHMENT
AND COPING STRATEGIES IN STUDENTS OF SECONDARY
VOCATIONAL EDUCATION**

Aksenova Ekaterina Vadimovna

master's student

Scientific adviser: **Sabelnikova Natalia Viktorovna**

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
Altai State Pedagogical University

Abstract: the article presents the results of a study on the relationship between emotional attachment and coping strategies among students of vocational education institutions. The study involved 113 college students aged 16 to 21. It was found that a high level of avoidance is associated with lower active coping, planning, and seeking social support, while a high level of anxiety is linked to emotionally strained and avoidant coping strategies. The findings can be used in organizing psychological support for vocational education students.

Key words: emotional attachment, coping behavior, coping strategies, vocational education students, avoidance, anxiety, social support, stress.

Вопрос о психологических факторах, определяющих способы реагирования на трудные жизненные ситуации, сохраняет устойчивую актуальность в современной психологии. Особую значимость он приобретает применительно к студенческой молодежи, поскольку период обучения связан с высоким уровнем адаптационных нагрузок, необходимостью профессионального самоопределения, перестройкой системы межличностных отношений и освоением новых форм самостоятельности. Для студентов среднего профессионального образования данные процессы нередко протекают в условиях возрастной и социальной переходности, что повышает значение личностных ресурсов, обеспечивающих конструктивное преодоление стресса.

Одним из таких ресурсов может выступать эмоциональная привязанность. В логике теории привязанности Дж. Боулби ранний опыт отношений со значимыми взрослыми формирует внутренние рабочие модели себя и другого, определяющие восприятие безопасности, доверия, поддержки и способы эмоционального реагирования [1]. В дальнейшем было показано, что особенности привязанности сохраняют значение за пределами детства и связаны с характером межличностного взаимодействия, эмоциональной регуляцией и устойчивостью к стрессу [2; 3]. В этой связи представляется важным анализ взаимосвязи между эмоциональной привязанностью и совладающим поведением в юношеском возрасте.

Совладающее поведение рассматривается как совокупность когнитивных, эмоциональных и поведенческих усилий, направленных на преодоление или смягчение воздействия трудной ситуации [4; 5]. Выбор конкретных стратегий совладания определяется не только особенностями стрессора, но и личностными характеристиками субъекта, в том числе качеством его межличностных связей, уровнем доверия к значимым другим и

готовностью использовать внешние ресурсы поддержки [6]. В этом контексте изучение привязанности как фактора, связанного со спецификой совладания, представляется теоретически и практически значимым.

Цель статьи – выявить взаимосвязь эмоциональной привязанности и стратегий совладающего поведения у студентов среднего профессионального образования.

Исследование проводилось на базе КГБПОУ «Алтайский промышленно-экономический колледж» (г. Барнаул). В выборку вошли 113 студентов 1-4 курсов в возрасте от 16 до 21 года, из них 39 юношей (34,5%) и 74 девушки (65,5%).

Для изучения эмоциональной привязанности использовались опросник привязанности к близким людям Н.В. Сабельниковой, Д.В. Каширского [7] и опросник привязанности к родителям и сверстникам G. Armsden, M. Greenberg в адаптации Н.В. Сабельниковой, Д.В. Каширского, Т.Ю. Садовниковой [8]. Для диагностики совладающего поведения применялись опросник совладания со стрессом COPE в адаптации Т.О. Гордеевой, Е.Н. Осина, Е.И. Рассказовой и соавт. [9; 10], а также опросник способов совладания Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтык [5; 6]. Поскольку часть переменных не соответствовала нормальному распределению, для анализа взаимосвязей использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Статистическая значимость определялась на уровне $p < 0,05$.

Результаты исследования показали, что параметры эмоциональной привязанности статистически значимо связаны с рядом копинг-стратегий. Наиболее выраженные взаимосвязи выявлены для шкал избегания и беспокойства.

Показатель избегания демонстрирует преимущественно отрицательные связи с конструктивными формами совладания. Чем выше выражено избегание, тем ниже показатели позитивного переформулирования и личностного роста ($r = -0,286$; $p = 0,002$), использования инструментальной социальной поддержки ($r = -0,396$; $p < 0,001$), активного совладания ($r = -0,346$; $p < 0,001$), использования эмоциональной социальной поддержки ($r = -0,536$; $p < 0,001$), планирования ($r = -0,304$; $p = 0,001$), поиска социальной поддержки ($r = -0,434$; $p < 0,001$), планирования решения проблемы ($r = -0,265$; $p = 0,005$) и положительной переоценки ($r = -0,199$; $p = 0,035$). В то же время избегание положительно связано с поведенческим уходом от проблемы ($r = 0,270$; $p = 0,004$). Полученные данные позволяют предположить, что межличностное дистанцирование сопряжено не только с ограничением использования

социальных ресурсов, но и с меньшей выраженностью проблемно-ориентированных стратегий преодоления трудностей.

Иной характер взаимосвязей обнаружен для показателя беспокойства. Он отрицательно связан с активным совладанием ($r=-0,226$; $p=0,016$) и позитивным переформулированием и личностным ростом ($r=-0,254$; $p=0,007$), но при этом положительно связан с эмоционально напряженными и менее продуктивными формами совладания: мысленным уходом от проблемы ($r=0,489$; $p<0,001$), концентрацией на эмоциях и их активным выражением ($r=0,349$; $p<0,001$), отрицанием ($r=0,222$; $p=0,018$), обращением к религии ($r=0,233$; $p=0,013$), поведенческим уходом от проблемы ($r=0,387$; $p<0,001$), использованием «успокоительных» ($r=0,307$; $p<0,001$), конфронтационным копингом ($r=0,337$; $p<0,001$), принятием ответственности ($r=0,334$; $p<0,001$) и бегством-избеганием ($r=0,605$; $p<0,001$). Эти результаты указывают на то, что тревожная вовлеченность в отношения сопряжена с повышенной эмоциональной реактивностью и менее устойчивыми способами переработки стресса.

Дополнительный анализ показал, что значимую роль в структуре совладающего поведения играют особенности привязанности к конкретным значимым фигурам. Так, доверие, общение и общий показатель привязанности к другу положительно связаны с активным совладанием, позитивным переформулированием, принятием, планированием и поиском социальной поддержки. Напротив, отчуждение от друга сопряжено с отрицанием, поведенческим уходом от проблемы, дистанцированием и бегством-избеганием. Это позволяет рассматривать дружеские отношения в юношеском возрасте как важный ресурс психологической устойчивости.

Сходные закономерности выявлены и в отношении родительской привязанности. Более высокие показатели доверия и общего уровня привязанности к отцу связаны с позитивным переформулированием, положительной переоценкой и планированием решения проблемы, тогда как отчуждение от отца сопряжено с мысленным уходом от проблемы, отрицанием, использованием «успокоительных» и бегством-избеганием. Привязанность к матери также соотносится с более конструктивными способами совладания, хотя соответствующие связи выражены несколько менее отчетливо.

В целом полученные результаты показывают, что эмоциональная привязанность выступает значимым психологическим фактором, связанным

со спецификой совладающего поведения студентов среднего профессионального образования. Более благополучная, доверительная и неотчужденная система привязанности соотносится с активными, проблемно-ориентированными и социально поддерживаемыми способами преодоления трудностей. Напротив, выраженные показатели избегания, беспокойства и отчуждения связаны с эмоционально напряженными и избегательными формами реагирования на стресс.

Практическая значимость полученных данных состоит в возможности их использования в системе психологического сопровождения студентов СПО. Учет особенностей привязанности позволяет уточнить психологические механизмы затрудненного совладания и может служить основанием для разработки программ, направленных на развитие эмоциональной саморегуляции, расширение репертуара адаптивных копинг-стратегий и формирование более конструктивного обращения за поддержкой.

Список литературы

1. Боулби Д. Привязанность. М.: Академический проект, 2003. 477 с.
2. Дианова Е.С. Исследования роли привязанности в жизни человека. Обзор зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 4. С. 88–96.
3. Романова Н.В. Стили привязанности и их роль в жизни человека // Смальта. 2025. № 1. С. 40–51.
4. Нартова-Бочавер С.К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 20–30.
5. Folkman S., Lazarus R.S. If it changes it must be a process: Study of emotion and coping during three stages of a college examination // Journal of Personality and Social Psychology. 1985. Vol. 48. No. 1. P. 150–170.
6. Крюкова Т.Л. Человек как субъект совладающего поведения // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 2. С. 88–95.
7. Сабельникова Н.В., Каширский Д.В. Опросник привязанности к близким людям // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 84–97.
8. Сабельникова Н.В., Каширский Д.В., Садовникова Т.Ю. Русскоязычная версия «Опросника привязанности к родителям и сверстникам» Г. Армсдена и М. Гринберга // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 2. С. 89–104.
9. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики

и возможности применения методики COPE // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 1. С. 82–118.

10. Carver C.S., Scheier M.F., Weintraub J.K. Assessing coping strategies: A theoretically based approach // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 56. No. 2. P. 267–283.

© Аксенова Е.В., 2026

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Р.К. ЩЕДРИНА В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ВОООБРАЖЕНИЯ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА НА УРОКАХ МУЗЫКИ

Степанова Айталина Георгиевна

студент

Научный руководитель: **Инешина Ирина Анатольевна**

преподаватель

ГАПОУ РС (Я) «Якутский педагогический

колледж им. С.Ф. Гоголева»

Аннотация: статья посвящена вопросам развития музыкального воображения у детей младшего школьного возраста посредством использования произведений Р.К. Щедрина. Данный аспект выступает значимым компонентом развития эстетического и духовного воспитания детей.

Ключевые слова: понятие «воображение», «музыкальное воображение», младший школьный возраст, слушание музыки, уроки музыки.

USING THE WORKS OF R. K. SHCHEDRIN IN THE PROCESS OF DEVELOPING MUSICAL IMAGINATION IN PRIMARY SCHOOL CHILDREN IN MUSIC LESSONS

Stepanova Aytalina Georgievna

Scientific supervisor: **Ineshina Irina Anatolyevna**

Abstract: the article is devoted to the development of musical imagination in children of primary school age through the use of works by R. K. Shchedrin. This aspect is an important component of the development of aesthetic and spiritual education of children.

Key words: the concept of "imagination", "musical imagination", elementary school age, listening to music, music lessons.

В настоящее время проблема развития воображения весьма актуальна и социально значима. Воображение погружает человека с его текущего существования, напоминает ему о прошлом, открывает будущее. На

современном этапе развития общества все больше ценятся творческие разносторонне развитые личности, генерирующие креативные и оригинальные идеи, умеющие подходить нестандартно и творчески к решению задач и жизненных ситуаций. Для развития данных умений важно наличие развитого воображения, умения фантазировать, представлять существующие и несуществующие образы и выражать их наглядно или словесно. Огромное значение в развитии личности, в усвоении знаний, умений и навыков имеет воображение.

Воображение - это психический процесс создания нового в форме образа, представления или идеи, на основе переработки, мысленной реконструкции представлений, имеющих в опыте человека [2]. Оно является предметом изучения различных наук - философии, психологии, педагогики, искусствоведения. Понятие воображения (*φαντασία*) как особой ментальной способности представления впервые в греческой философии вводится Платоном. Воображение описывается в «Филебе» (без употребления самого термина) как связанная с памятью способность создания душой «живописных» образов или изображений содержания. Развернутую и разработанную теорию воображения впервые дает Аристотель в сочинении «О душе». Он считал, что воображение есть устойчивое состояние или свойство ума порождать образы (*φαντάσματα*), отличные как от образов чувственного восприятия, так и от предметов чистого мышления [1, с. 90]. Философские взгляды на проблему исследования воображения были отражены в работах таких ученых - философов как У.Д. Локка, И.Г. Канта и Г. Фридриха Вильгельма Гегеля, С.Л. Рубинштейна. По мнению Р. Декарта в философии Нового времени под воображением понимали одну из функций «познавательной силы», или способность души. В ядре философского и гносеологического учения У.Д. Локка, И.Г. Канта и Г. Фридриха Вильгельма Гегеля воображение, определяется, прежде всего, как одна из познавательных способностей субъекта, связывающая чувственное и рациональное знание. В XX веке в работах Я.Э. Голосовкера выдвигается идея, смысл которой состоит в «раскрытии воображения как высшего органа познания, как центра творческой силы» [4, с. 114].

Воображение - одна из форм психического отражения мира. Согласно М.В. Гамезо и И.А. Домашенко, «воображение - психический процесс, заключающийся в создании новых образов (представлений) путем переработки материала восприятий и представлений, полученных

предшествующем опыте» [3, с. 104]. Отечественные психологи Л.С. Выготский, В.Т. Кудрявцев рассматривали воображение как способность и как специальная деятельность человека. Принимая во внимание сложное функциональное строение воображения, Л.С. Выготский считал оптимальным применение понятия психологической системы. По определению Р.С. Немова «воображение» - особая форма человеческой психики, стоящая отдельно от остальных психических процессов и вместе с тем занимающая промежуточное положение между восприятием, мышлением и памятью [8, с. 260]. Способность к воображению, фантазии одна из самых удивительных психических, творческих, познавательных особенностей мыслительных процессов мозговой деятельности человека, поэтому в музыкальном искусстве воображение, фантазия имеет чрезвычайно большое значение.

Музыкальное воображение можно определить, как способность психики соотносить музыкальные образы с внемusicalными картинками, состояниями и представлениями или с другими музыкальными произведениями. Данная проблема также нашла отражение в исследованиях известных педагогов и ученых в области музыкознания, музыкальной педагогики и преподавания искусства Д.Б. Кабалевского, Б.М. Неменского, К. Орфа, Л.Г. Савенковой, Б.П. Юсова, В.О. Усачевой, С.М. Аскеровой, В.И. Петрушина, Ю.А. Цагарелли, Г.М. Цыпина. В них раскрыта структура, роль, место воображения в приобщении к искусству. В своих трудах Д.Б. Кабалевский, Н.Л. Гродзенская, Е.В. Назайкинский, В.И. Петрушин выделяют музыку как важное средство развития музыкальной культуры, творческого воображения и способностей личности. Как отмечает А.В. Торопова: «в живой музыкально-педагогической практике отсутствуют границы между процессами музыкального восприятия и мышления, воображения и воспоминания, интуиции и знания, но присутствуют разнообразнейшие «жизненные проявления» типичного и индивидуального протекания этих процессов» [11, с. 11]. Так в начале XX века многие музыканты уделяли большое внимание вопросам организации восприятия музыки в целях развития творческого воображения у детей младшего школьного возраста.

Младший школьный возраст представляет собой значимый этап в жизни ребенка, определяющий уровень интеллектуального развития и формирования личности. В этот период дети активно вовлекаются в разнообразные виды деятельности, включая игру, труд и занятия искусством. Занятия музыкой

способствуют развитию у детей сосредоточенности, аккуратности, выдержки, а также формированию навыков коммуникации и речевой культуры, поскольку любое художественное направление неразрывно связано с общечеловеческой культурой [7, с. 89]. Учёными доказано, что музыка способна вызывать эмоции, создавать образы и вдохновлять на творчество. В этот возрастной период формируется воссоздающее воображение у детей младшего школьного возраста, которое с самого начала обучения включено в учебную деятельность, способствующую его психическому развитию. Развитие воображения в младшем школьном возрасте имеет свои особенности. Ведущими компонентами воображения младших школьников являются прошлый опыт, предметная среда, которые зависят от внутренней позиции ребенка, и внутренняя позиция сверху ситуативной становится внеситуативной. Наиболее яркое и свободное проявление воображения младших школьников можно наблюдать в игре, в рисовании, написании рассказов и сказок. При написании рассказов дети могут заимствовать известные им сюжеты, строфы стихотворений, графические образы, иногда совершенно не замечая этого [5]. А.Г. Рузская отмечает, что дети младшего школьного возраста не лишены фантазирования, находящегося в разладе с действительностью [9]. Однако они нередко намеренно комбинируют известные сюжеты, создают новые образы, преувеличивая те или иные стороны и качества своих персонажей. По мнению А.А. Люблинской и В.С. Мухиной младший школьный возраст является наиболее чувствительным и благоприятным для развития мышления, воображения и фантазии. Именно школьный период характеризуется бурным развитием воображения, что обусловлено интенсивным процессом приобретения ребенком разносторонних знаний и их использования на практике [6].

Особое место в учебном процессе занимают уроки музыки. Урок музыки - основная форма организации музыкального воспитания в школе, который включает разные виды музыкальной деятельности. По мнению В.А. Сухомлинского музыка обостряет восприятие окружающего мира, углубляет представление о предметах и явлениях, пробуждает фантазию ребенка, воображение, то есть активизирует творческие силы разума [10, с. 39]. Активная деятельность музыкального воображения связана с музыкально - слуховыми представлениями, которые развиваются в основе восприятия в процессе ее слушания. Восприятие музыкального искусства представляет собой одну из ключевых и одновременно самых трудных форм

музыкальной практики. Наиболее глубокое и всестороннее понимание музыки достигается тогда, когда слушатель знакомится с шедеврами классики, народными мелодиями и сочинениями современных авторов. Слушая музыку, они различают музыкальные явления: высоту звуков, длительности, регистры, лады, и могут ощутить выразительность средств, используемых композитором, что влияет на улучшение эмоциональных впечатлений, представлений о мире. В процессе слушания дети отмечают атмосферу загадочности, напряжение, тихие и крадущиеся шаги, а также разнообразную музыкальную фактуру. Они воображают вероятных героев, чаще всего ассоциируемых с перемещением неких фантастических существ, и самостоятельно придумывают им имена. Светлое, радостное настроение, сказочная таинственность и задушевная лиричность все это относится к музыке Р. К. Щедрина. В музыке композитора ощущается не только мастерское владение национальным мелосом, но и его горячая любовь к героям народных сказок, пристрастие ко всему исконно-русскому - к песням, танцам, обрядам и обычаям, поэтическому слову и просто бытовой стороне жизни народа [12].

В области общего музыкального образования нет специальных работ, посвященных этой проблеме, что доказывает актуальность ее рассмотрения, и обращения к изучению проблемы развития воображения у детей младшего школьного возраста на уроках музыки в процессе восприятия различных видов искусств на занятиях музыки. На основании изложенного нами была сформулирована тема исследования: «Использование произведений Р.К. Щедрина в процессе развития музыкального воображения у детей младшего школьного возраста на уроках музыки».

Объект исследования: процесс развития музыкального воображения у детей младшего школьного возраста.

Предмет исследования: использование произведений К. Р. Щедрина в процессе развития музыкального воображения у детей младшего школьного возраста.

Цель исследования: выявить эффективность цикла занятий для развития музыкального воображения в процессе использования произведений Р.К. Щедрина у детей младшего школьного возраста на уроках музыки.

Гипотеза исследования: эффективные результаты в области развития музыкального воображения у детей младшего школьного возраста, могут

быть, достигнуты при целенаправленном использовании методов и приёмов, а также при соблюдении следующих условий:

1. Создать благоприятную эмоциональную атмосферу для проявления музыкального воображения на уроках музыки;

2. Развитие у учащихся позитивного отношения к искусству (обогащение эмоционально-чувственного опыта, интеграция художественного материала трех видов искусств: музыки, танцевального искусства, литературы, создание собственных музыкальных образов);

3. Организовать процесс слушания для учащихся, направленного на самовыражение, проживание и воображение эмоциональных состояний героев из балета «Конёк-Горбунок», анимационного фильма «Петушок-золотой гребешок», кукольного мультфильма «Колобок».

Для достижения поставленной цели и проверки гипотезы мы определили следующие **задачи исследования**:

1. Теоретически обосновать понятия «воображение», «музыкальное воображение» и их развитие у детей младшего школьного возраста.

2. Выявить уровень развития музыкального воображения у детей младшего школьного возраста.

3. Разработать и апробировать цикл занятий, направленных на развитие музыкального воображения у детей младшего школьного возраста в процессе использования произведений Р.К. Щедрина на уроках музыки.

4. Экспериментальным путем доказать эффективность предложенного цикла занятий и составить методические рекомендации по развитию музыкального воображения у детей младшего школьного возраста в процессе использования произведений Р.К. Щедрина на уроках музыки.

В работе используются следующие **методы и приемы**: теоретический анализ психолого-педагогической, методической литературы по проблеме исследования, эмпирические методы (педагогический эксперимент, диагностика уровня развития музыкального воображения), метод математической обработки результатов.

Методологическую основу исследования составляют труды в области философии: Аристотеля, Платона, Д. Локка, И.Г. Канта, Г. Фридриха Вильгельма Гегеля, С.Л. Рубинштейна; в области психологии: М.В. Гамезо, И.А. Домашенко, Л.С. Выготского, В.Т. Кудрявцева, А.Н. Леонтьева, Р.С. Немова; в области педагогики: А.Г. Рuzской, В.А. Сухомлинского; в области музыкальной психологии: Е.В. Назайкинского, В.И. Петрушина, Б.М. Теплова, А.В. Тороповой, Ю.А. Цагарелли, Г.М. Цыпина, где

рассматриваются психолого-педагогические основы развития воображения, музыкального воображения и методика его развития с использованием произведений Р.К. Щедрина.

Практическая значимость исследования состоит во внедрении результативных методик музыкального воспитания, направленных на развитие музыкального воображения, а также в применении разработанного комплекса упражнений в процессе использования произведений Р.К. Щедрина. Для детей младшего школьного возраста ключевое значение имеют виды деятельности, побуждающие эмоциональный отклик. Согласно современным методикам, развитие музыкального воображения у детей младшего школьного возраста в основном осуществляется с помощью игровой и музыкально-эстетической деятельности.

На основе программ «Музыкальное искусство» В.О. Усачева, Л.В. Школяр, В. А. Школяр, мы разработали цикл занятий для развития музыкального воображения у детей младшего школьного возраста в процессе использования произведений Р. К. Щедрина на уроках музыки.

Таблица 1

Цикл занятий для развития музыкального воображения

Занятие	Тема	Цель и задачи	Задания	Музыкальный материал
№ 1	Знакомство с творчеством Р. К. Щедрина и балетом «Конек - Горбунок»	Познакомить детей с творчеством Р. К. Щедрина, воспитывать любовь и интерес к музыке. Дать понятие термину «балет», познакомить с фрагментами балета, воспитывать культуру слушания музыки, развивать музыкальное восприятие и воображение	Дети при слушании музыки должны с помощью воображения нарисовать то, что они «увидели», прослушав данные музыкальные произведения. С помощью изображения учащиеся быстрее запоминают данные музыкальные отрывки	Увертюра, «Полет Конька - Горбунка» и «Ночь» из балета «Конек - Горбунок» К.Р. Щедрина;
№ 2	Балет «Конек - Горбунок» Р. К. Щедрина (персонажи и их характеры)	Закрепить и обобщить знания детей о творчестве Р. К. Щедрина, воспитывать	В процессе слушания музыки дети обсуждают и размышляют, как музыка рисует образ персонажей балета и	«Царь Горох», «Жар - птица», «Царь - девица», «Иван и братья» из балета «Конек

Продолжение таблицы 1

		любовь и интерес к музыке	какие инструменты использует композитор для характеристики героев. В конце урока учащиеся с помощью ассоциативного воображения рисуют под музыку один из понравившихся им персонажей балета	- Горбунок» Р.К. Щедрина
№ 3	Р.К. Щедрин народные темы в балете «Конек - Горбунок» (русские и цыганские танцы)	Развивать способности эмоционально воспринимать музыку композитора, накапливать музыкальные впечатления детей, формировать музыкальный вкус детей посредством слушания музыки, активизировать фантазию детей	В процессе слушания с помощью ассоциативного воображения дети рисуют картины танцев, которые положительно влияют на процесс запоминания музыкальных произведений	«Девичий хоровод», «Русская кадрили» из балета «Конек - Горбунок» Р.К. Щедрина (Картины, запись)
№ 4	Продолжение темы русские и цыганские танцы	Развивать музыкальное воображение, накапливать музыкальные впечатления детей, формировать музыкальный вкус детей посредством слушания музыки, активизировать фантазию детей	Учащиеся должны вспомнить те произведения, которые они прослушали на прошлом занятии, и сравнить их с данным музыкальным произведением	«Цыганский танец» из балета «Конек - Горбунок» Р.К. Щедрина
№ 5	Сцена из балета «Конёк - Горбунок» Р. К. Щедрина «Море - океан» (знакомство с персонажами «Рыба - Кит» и «Золотые рыбки»)	Познакомить детей с водным царством с фрагментами из балета, воспитывать культуру слушания музыки, развивать свободное воображение, развивать музыкальное воображение	Во время слушания мы развиваем интерес и любовь к музыке, музыкальное воображение. Учитель знакомит учащихся с водным царством и его жителями используя фрагменты балета «Конёк - Горбунок» «Море -	«Рыба - Кит», «Золотые рыбки» Из балета «Конек - Горбунок» Р.К. Щедрина

Продолжение таблицы 1

			океан». Во время звучания музыки дети рисуют водное царство и его персонажей, а также запоминают музыкальный материал с помощью изображения.	
№ 6	Знакомство с анимационным фильмом «Петушок - золотой гребешок», музыка Р. К. Щедрина	Познакомить учащихся с отечественным анимационным фильмом «Петушок - золотой гребешок» (реж. Д. С. Анпилов, 1955 г.). Это произведение искусства, в котором музыкальное оформление играет ключевую роль в создании характеров персонажей, атмосферы и развитии сюжета. Режиссер использует музыку «Озорные частушки» Р. К. Щедрина	Учащиеся знакомятся с анимационным фильмом «Петушок - золотой гребешок», для которого композитор специально создавал музыку, которую подчеркивает яркая оркестровка в народном духе. Всё это создаёт колорит, свойственный именно русским сказкам. С помощью фантазии и двигательных движений учащиеся изображают походку «Петушка». (Весело, задорно, высоко поднимая ноги)	Видеосюжет из анимационного фильма «Петушок - золотой гребешок», музыка Р.К. Щедрина
№ 7	Знакомство с советским короткометражным кукольным мультфильмом «Колобок», музыка Р.К. Щедрина	Познакомить учащихся с советским короткометражным кукольным мультфильмом «Колобок» (реж. Р.В. Давыдов, 1956). Аудиальная составляющая принадлежит Щедрину и сопровождает весь мультипликационный фильм. Выпуклая музыкальная характеристика героев	Учащиеся знакомятся с историей создания и с забытым методом оживления кукол с помощью перестановки их съемных деталей. В самом начале звучит тема сказки, она является первой характеристикой колобка (инструментальная, лёгкая и скерцозная). Вторая тема песня Колобка (весёлая и беззаботная) своеобразный рефрен	Видеосюжет из кукольного мультфильма «колобок», музыка Р.К. Щедрина

Продолжение таблицы 1

		подчеркивает их характерные черты	всего мультфильма. Мелодии композитора постоянно следуют за видеорядом, именно так создается ощущение движения кукол. Под звучание музыки мультфильма с помощью воображения детям предлагается слепить из пластилина свой образ колобка	
№8	Закрепление и обобщение изучения творчества Р. К. Щедрина	Вспомнить что такое «балет», продолжаем развивать музыкальное воображение через слушание музыки, закрепить и обобщить знания детей о творчестве Р. К. Щедрина, воспитывать любовь и интерес к музыке	На заключительном занятии мы продолжаем развивать музыкальное воображение через слушание музыки, закрепляем и обобщаем знания детей о творчестве Р. К. Щедрина. Учащиеся должны вспомнить произведения, которые они послушали на прошлых занятиях, и отгадать их. Дети угадывают, музыкальные фрагменты из балета «Конёк - Горбунок», «Колобок», «Петушок-золотой гребешок» и дают им полное название.	Фрагменты из балета «Конёк - Горбунок» (Увертюра, полет Конька - Горбунка, Жар - Птица, Золотые рыбки), фрагмент из советского короткометражного кукольного мультфильма «Колобок», фрагмент из анимационного фильма «Петушок - золотой гребешок», музыка Р.К. Щедрина.

Данные количественных и качественных замеров на констатирующем этапе показали, что у обучающихся экспериментальной группы уровень развития музыкального воображения находится на низкой уровне, что существенно уступает показателям контрольной группы и создает препятствия для эффективного обучения младших школьников. Именно эта выявленная проблема обусловила потребность в создании цикл занятий, направленных на развитие музыкального воображения у детей младшего

школьного возраста в процессе использования произведений Р.К. Щедрина в рамках уроков музыки.

Исследование подтверждает, что использование произведений Р.К. Щедрина в образовательном процессе способствует формированию благоприятной среды для развития музыкального воображения у детей младшего школьного возраста. Восприятие музыки Р.К. Щедрина активизирует глубокие эмоциональные отклики, чувствительность, открытость к эстетическим ценностям, богатой фантазии, развитие интуитивного восприятия и умение перевоплощать полученные впечатления в выразительные художественные образы. Значительное повышение эффективности обучения детей младшего школьного возраста достигается за счет органичного сочетания классических педагогических методик с использованием произведений Р.К. Щедрина.

Список литературы

1. Аристотель. О душе / Предисловие В. К. Сережникова. - М.: Государственное социально - экономическое издательство, 2023. - 180 с.
2. Волошина, К. Н. Интегрированное обучение в начальной школе как средство развития творческой личности // 10.01.2021. [Электронный ресурс]: URL: <https://multiurok.ru/blog/integrirovannoe-obuchenie-v-nachalnoi-shkole-kak-sredstvo-razvitiia-tvorcheskoi-lichnosti.html> (дата обращения 10.12.2024).
3. Гамезо, М. В. Атлас по психологии [Текст] / М. В. Гамезо, И. Я. Домашенко. - М.: Педагогическое общество России, 2006. - 276 с.
4. Голосовкер, Я. Э. Миф моей жизни [Текст] / Я. Э. Голосовкер. // Вопросы философии. - 1989. - № 2. - С. 106 - 142.
5. Дмитриева, А. В. Развитие воображения в младшем школьном возрасте // 2022. 10 апреля [Электронный ресурс]. URL: <http://novaum.ru/public/p2383> (дата обращения 10.12.2024).
6. Лазарева, С. Ю. Развитие творческих способностей ребенка младшего школьного возраста // 2006. 26 января [Электронный ресурс]. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/313562> (дата обращения: 03.11.2024)
7. Назайкинский, Е. О. О психологии музыкального восприятия [Текст] / Е. О. Назайкинский. - М.: Музыка, 1972. - 384 с.
8. Немов, Р. С. Психология: Учебник для студентов высших педагогических учебных заведений: В 3 кн. - 4-е изд. / Р. С. Немов. - М.: «ВЛАДОС», 2003. - 688 с.

9. Особенности воображения младших школьников - Витебский государственный университет им. П. М. Машерова // 2016. 20 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://studfile.net/preview/6065549/> (дата обращения 20.02.2025)

10. Сухомлинский, В. А. Сердце отдаю детям [Текст] / В. А. Сухомлинский. - М.: Концептуал, 2019. - 320 с.

11. Торопова, А. В. Музыкальная психология и психология музыкального образования [Текст]: учебник для бакалавриата и магистратуры / А. В. Торопова. - 4-е изд., испр. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2017. – 245 с.

12. Щедрин, Р. К. балет «Конек - Горбунок» // 2021. 28 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://infourok.ru/rodion-shedrin-balet-konyok-gorbunok-5208617.html> (дата обращения: 25.02.25)

© Степанова А.Г.

**СЕКЦИЯ
МЕДИЦИНСКИЕ
НАУКИ**

**КЛИНИКО-ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЛЕГОЧНОЙ ГИПЕРТЕНЗИИ У ПАЦИЕНТОВ С ПАТОЛОГИЕЙ
ЛЕВЫХ ОТДЕЛОВ СЕРДЦА И ХОБЛ**

Кенджаева Мехринигорахон Рабеджонова

Аскарова Насиба Алишеровна

Умирзакова Тахмина Таиржонова

Шомурзоева Машхура Абдувохидовна

ординаторы

Научный руководитель: **Шляхтина Наталья Викторовна**

к.м.н., доцент

ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный

исследовательский государственный университет»

ГБУЗ Новосибирской области «Городская больница № 3»

Аннотация: в настоящем исследовании рассмотрены клиничко-диагностические особенности легочной гипертензии у пациентов с патологией левых отделов сердца и ХОБЛ (хроническая обструктивная болезнь легких). Объектом исследования являются 56 пациентов с легочной гипертензией в возрасте от 40 до 95 лет. Пациенты были разделены на 2 группы: 1-я группа ЛГ на фоне патологии левых отделов сердца (сердечная недостаточность (СН) с сохраненной фракцией выброса (ФВ) и СН с умеренно-сниженной ФВ), 2-я группа ЛГ на фоне ХОБЛ (Хронический бронхит).

Ключевые слова: легочная гипертензия (ЛГ), хроническая обструктивная болезнь легких (ХОБЛ), СН с сохраненной фракцией выброса, СН с умеренно-сниженной фракцией выброса.

**CLINICAL AND DIAGNOSTIC FEATURES OF PULMONARY
HYPERTENSION IN PATIENTS WITH LEFT HEART PATHOLOGY
AND COPD (CHRONIC OBSTRUCTIVE PULMONARY DISEASE)**

Kenjaeva Mehrinigorakhon Rabejonovna

Askarova Nasiba Alisherovna

Umirzakova Tahmina Toirzhonovna

Shomurzoeva Mashkhura Abduvohidovna

Scientific supervisor: **Shlyakhtina Natalia Viktorovna**

Abstract: this study examines the clinical and diagnostic features of pulmonary hypertension in patients with left heart disease and COPD (chronic obstructive pulmonary disease). The study includes 56 patients with pulmonary hypertension aged between 40 and 95 years. The patients were divided into 2 groups: the 1st group included patients with left heart disease (heart failure (HF) with preserved ejection fraction (EF) and HF with moderately reduced EF), and the 2nd group included patients with COPD (chronic bronchitis).

Key words: pulmonary hypertension (PH), chronic obstructive pulmonary disease (COPD), heart failure with preserved ejection fraction, heart failure with moderately reduced ejection fraction.

Введение: Легочная гипертензия распространенное заболевание сердечно-сосудистой системы поражающая 1% населения, достигая 10% у лиц в возрасте 65 лет и старше. По данным эхокардиографии 8000 пациентов, 70% легочной гипертензии обусловлено поражением левых отделов сердца [1]. У пациентов с хронической обструктивной болезнью лёгких (ХОБЛ) сочетание с лёгочной гипертензией (ЛГ) ухудшает состояние, приводит к снижению усвоения кислорода и повышает риск смертности [2].

Цель исследования: Изучение, структурных и функциональных особенностей течения легочной гипертензии при патологии левых отделов сердца и ХОБЛ.

Материалы и методы исследования: Объектом исследования являются 56 пациентов с вторичной легочной гипертензией в возрасте от 40 до 95 лет.

Критерии включения: Пациенты с ЛГ с патологией левых отделов сердца: сердечная недостаточность (СН) с умеренно-сниженной ФВ и СН с сохранной ФВ; Пациенты с ЛГ и ХОБЛ: хронический бронхит;

Критерии исключения: Пациенты с острым коронарным синдромом, ВПС, ВИЧ инфекция, онкологические пациенты, пациенты IV ФК по NYHA.

Методы исследования:

- Определение парциального давления кислорода в артериальной крови
- ЭКГ, ХМ ЭКГ - оценка нарушения ритма и проводимости.
- Эхо-КГ – оценка систолического давления в легочной артерии, фракция выброса левого желудочка, TAPSE – систолическая экскурсия кольца трехстворчатого клапана.

Результаты исследования: ЛГ, связанная с патологией левых отделов сердца, составляет от 60 до 85% всех случаев ЛГ. Она может развиваться при

разнообразных заболеваниях левого сердца, включая СН как со сниженной, так и с сохраненной фракцией выброса, первичные кардиомиопатии и заболевания клапанов. Распространенность ЛГ при СН со сниженной фракцией выброса может находиться в пределах от 40% до 72%, тогда как при сохраненной фракции выброса этот показатель колеблется от 36% до 83%. У пациентов с тяжелыми формами аортального стеноза ЛГ может развиваться у 65%, а также существует риск ее возникновения у всех больных с тяжелым митральным стенозом [3 ;4; 5].

У пациентов с ХОБЛ легочное артериальное давление часто умеренно повышено. Тяжелая легочная гипертензия наблюдается у 1-4% пациентов и может являться сосудистым фенотипом, связанным с ХОБЛ. По данным Всемирной организации здравоохранения, ХОБЛ является третьей по значимости причиной смерти на планете, а ее экономическое бремя превышает 100 миллиардов долларов в год [6; 7; 8]. У определенной подгруппы пациентов с ХОБЛ развивается тяжелая форма ЛГ, которая ассоциируется с более высоким уровнем смертности, обычно у таких пациентов среднее легочное артериальное давление не менее 35 мм рт. ст., что является одним из традиционных определений тяжелой легочной гипертензии при ХОБЛ [9].

В рамках данного исследования, в качестве диагностики мы оцениваем данные ЭХО-КГ, ЭКГ и уровень парциального давления кислорода в артериальной крови.

Таблица 1

Результаты по данным ЭКГ

Показатель	Группа 1 ЛГ-ЛОС (n=34)	Группа 2 ЛГ-ХОБЛ (n=22)	p - значение
Отклонение ЭОС вправо	11,8% (4)	63,6% (14)	<0,001
Признаки гипертрофии ЛЖ	67,6% (23)	4,5% (1)	<0,001
Признаки гипертрофии ПЖ	23,5% (8)	59,1% (13)	< 0.01
Полная/неполная блокада ЛНПГ*	29,4% (10)	4,5% (1)	< 0.05
Полная/неполная блокада ПНПГ*	8,8% (3)	40,9% (9)	< 0.01

*ЛНПГ - левая ножка пучка Гиса. *ПНПГ – правая ножка пучка Гиса.

Таблица 2

Результаты по данным ХМ-ЭКГ

Нарушение ритма (за 24 часа)	Группа 1 ЛГ-ЛОС (n=34)	Группа 2 ЛГ-ХОБЛ (n=22)	р - значение
Наджелудочковая экстрасистолия	41,2% (14)	81,8% (18)	<0,01
Желудочковая экстрасистолия	35,3% (12)	22,7% (5)	<0,05
Фибрилляция предсердий	26,5% (9)	45,5% (10)	< 0.05
Средняя ЧСС за сутки (уд/мин)	74,2 ± 8,4	85,6 ± 10,2	< 0.05

По данным ЭКГ и ХМ-ЭКГ в 2 группе достоверно чаще регистрировались наджелудочковые экстрасистолии 81,8% (18) $p < 0.01$ и фибрилляция предсердий 45,5% (10) $p < 0.05$. Признаки гипертрофии ЛЖ статистически значимо выше в 1 группе 67,6% (23) и во 2 группе 4,5% (1) $p < 0.001$. БЛНПГ более часто наблюдалось в 1 группе 29,4% (10) $p < 0.05$ и БПНПГ во 2 группе 40,9% (9) $p < 0.01$.

Таблица 3

Результаты по данным ЭХОКГ:

Показатель	Группа 1 ЛГ-ЛОС (n=34)	Группа 2 ЛГ-ХОБЛ (n=22)	р - значение
Возраст	71.2 ± 8.5	69.8 ± 7.9	<0,48
РаО ₂ (мм рт. ст.)	59.1 ± 6.8	65.4 ± 7.1	<0,01
СДЛА(мм рт. ст.)	61.5 ± 10.2	52.8 ± 9.5	< 0.001
ФВ ЛЖ (%)	47.5 ± 5.9	51.3 ± 4.8	< 0.05
TAPSE (мм)	1.35 ± 0.28	1.62 ± 0.31	< 0.01

РаО₂ статистически значимо ниже в 1 группе (59.1 ± 6.8) по сравнению со 2 группой (65.4 ± 7.1) $p < 0.01$. Значение СДЛА (мм рт. ст.) статистически выше в 1 группе (61.5 ± 10.2) по сравнению со 2 группой (52.8 ± 9.5) $p < 0.001$.

Фракция выброса ЛЖ (%) на основании статистических данных ниже в 1 группе (47.5 ± 5.9) и во 2 группе (51.3 ± 4.8) $p < 0.05$. TAPSE статистически ниже в 1 группе (1.35 ± 0.28) по сравнению со 2 группой (1.62 ± 0.31) $p < 0.01$.

Таблица 4

Клинические особенности

Заключение: Полученные данные позволяют заключить, что пациенты 1-й группы характеризуются преимущественно нарушениями структуры миокарда (гипертрофией ЛЖ) и тяжёлыми нарушениями лёгочной гемодинамики (высокое СДЛА, гипоксемия, снижение функции ПЖ), тогда как для пациентов 2-й группы наиболее характерной особенностью является высокая частота суправентрикулярных аритмий. Выявленные различия указывают на гетерогенность патофизиологических процессов, лежащих в основе изучаемых состояний.

Список литературы

1. Lee F, Mielniczuk LM. Pulmonary Hypertension Due to Left Heart Disease-A Practical Approach to Diagnosis and Management. Can J Cardiol. 2021 Apr;37(4):572-584. doi: 10.1016/j.cjca.2020.11.003. Epub 2020 Nov 17. PMID: 33217522.
2. Olsson KM, Corte TJ, Kamp JC, Montani D, Nathan SD, Neubert L, Price LC, Kiely DG. Pulmonary hypertension associated with lung disease: new insights into pathomechanis diagnosis, and management. Lancet Respir Med. 2023 Sep;11(9):820-835. doi: 10.1016/S2213-2600(23)00259-X. Epub 2023 Aug 14. PMID: 37591300.

3. Al-Omary MS, Sugito S, Boyle AJ, Sverdlov AL, Collins NJ. Pulmonary Hypertension Due to Left Heart Disease: Diagnosis, Pathophysiology, and Therapy. *Hypertension*. 2020 Jun;75(6):1397-1408. doi: 10.1161/HYPERTENSIONAHA.119.14330. Epub 2020 Apr 27. PMID: 32336230.
4. Farmakis IT, Hobohm L, Valerio L, Keller K, Schmidt KH, von Bardeleben RS, Lurz P, Rosenkranz S, Konstantinides SV, Giannakoulas G. Prevalence and significance of pulmonary hypertension among hospitalized patients with left heart disease. *Respir Med*. 2024 Nov-Dec; 234:107817. doi: 10.1016/j.rmed.2024.107817. Epub 2024 Sep 23. PMID: 39321998.
5. Duran A, Mandras S. Pulmonary hypertension in heart failure. *Curr Opin Cardiol*. 2021 Mar;36(2): 205210. doi:10.1097/HCO.0000000000000834. PMID: 33394713.
6. Kovacs G, Avian A, Bachmaier G, Troester N, Tornyo A, Douschan P, Foris V, Sassmann T, Zeder K, Lindenmann J, Brcic L, Fuchsjaeger M, Agusti A, Olschewski H. Severe Pulmonary Hypertension in COPD: Impact on Survival and Diagnostic Approach. *Chest*. 2022 Jul; 162(1):202-212. doi: 10.1016/j.chest.2022.01.031. Epub 2022 Jan 31. PMID: 35092746; PMCID: PMC10808070.
7. Hoepfer MM, Humbert M, Souza R, Idrees M, Kawut SM, Sliwa-Hahnle K, Jing ZC, Gibbs JS. A global view of pulmonary hypertension. *Lancet Respir Med*. 2016 Apr;4(4):306-22. doi: 10.1016/S2213-2600(15)00543-3. Epub 2016 Mar 12. PMID: 26975810.
8. Sandelowsky H, Weinreich UM, Aarli BB, Sundh J, Høines K, Stratelis G, Løkke A, Janson C, Jensen C, Larsson K. COPD - do the right thing. *BMC Fam Pract*. 2021 Dec 11;22(1):244. doi: 10.1186/s12875-021-01583-w. PMID: 34895164; PMCID: PMC8666021.
9. Shlobin OA, Adir Y, Barbera JA, Cottin V, Harari S, Jutant EM, Pepke-Zaba J, Ghofrani HA, Channick R. Pulmonary hypertension associated with lung diseases. *Eur Respir J*. 2024 Oct 31;64(4):2401200. doi: 10.1183/13993003.01200-2024. PMID: 39209469; PMCID: PMC11525344.

© Кенджаева М.Р., Аскарова Н.А.
Умирзакова Т.Т., Шомурзоева М.А.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ МЕТОДОВ КУПИРОВАНИЯ ГИПЕРТОНИЧЕСКОГО КРИЗА НА ДОГОСПИТАЛЬНОМ ЭТАПЕ

Копыцина Элина Станиславовна

ординатор 2 года обучения по специальности «Терапия»
врач выездной бригады скорой медицинской помощи
ГБУЗ АО «Архангельская областная клиническая
станция скорой медицинской помощи»

Научный руководитель: **Костина Ксения Сергеевна**
ассистент кафедры госпитальной терапии и эндокринологии
ФГБОУ ВО «Северный
государственный медицинский университет»

Аннотация: в 2018-2020 годах в современной клинической практике произошел пересмотр подходов к классификации гипертонических кризов (ГК). Традиционное деление на «осложненный» и «неосложненный» гипертонический криз признано некорректным, поскольку термин «неосложненный ГК» утратил свою силу. Вместо него используется понятие «внезапное выраженное индивидуально значимое повышение артериального давления (АД)». Под истинным гипертоническим кризом в настоящее время понимают состояние, при котором значительное повышение АД (как правило, до 3-й степени) ассоциируется с острым, нередко жизнеугрожающим поражением органов-мишеней (гипертоническая энцефалопатия, острый коронарный синдром, острая левожелудочковая недостаточность, расслаивающая аневризма аорты, эклампсия). Такие пациенты требуют немедленных квалифицированных действий, направленных на снижение АД, обычно с помощью парентеральной (внутривенной) терапии в условиях стационара, однако начало лечения должно осуществляться уже на догоспитальном этапе. В настоящей работе представлен сравнительный анализ эффективности и безопасности пяти методов внутривенной терапии гипертонического криза, имеющих в арсенале врача скорой медицинской помощи и указанных в актуальных клинических рекомендациях по лечению артериальной гипертензии: нитроглицерин, фуросемид, метопролол, урапидил и эналаприл. Рассмотрены фармакодинамические особенности, скорость наступления гипотензивного эффекта, частота достижения целевых уровней

АД и спектр нежелательных явлений при применении этих препаратов бригадами скорой медицинской помощи. Особое внимание уделено дифференцированному подходу в зависимости от клинического варианта острого поражения органов-мишеней. Результаты работы имеют значение для оптимизации догоспитальных алгоритмов и могут быть использованы в практике не только специалистов скорой медицинской помощи, но и врачей других специальностей.

Ключевые слова: гипертонический криз, внезапное выраженное индивидуально значимое повышение АД, догоспитальный этап, урапидил, нитроглицерин, метопролол, эналаприл, фуросемид, внутривенная антигипертензивная терапия.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EFFECTIVENESS OF VARIOUS METHODS OF RELIEF OF HYPERTENSIVE CRISIS AT THE PREHOSPITAL STAGE

Kopycina Elina Stanislavovna

Scientific adviser: **Kostina Ksenia Sergeevna**

Abstract: in 2018-2020, approaches to the classification of hypertensive emergency (HE) were revised in modern clinical practice. The traditional division into "complicated" and "uncomplicated" hypertensive emergency is considered incorrect, since the term "uncomplicated HE" has lost its validity. Instead, the term "sudden marked individually significant increase in blood pressure (BP)" is used. A true hypertensive crisis is currently understood as a condition in which a significant increase in blood pressure (usually up to grade 3) is associated with acute, often life-threatening damage to target organs (hypertensive encephalopathy, acute coronary syndrome, acute left ventricular failure, exfoliating aortic aneurysm, eclampsia). Such patients require immediate qualified actions aimed at lowering blood pressure, usually with the help of parenteral (intravenous) therapy in a hospital setting, however, the start of treatment should be carried out already at the pre-hospital stage. This article presents a comparative analysis of the efficacy and safety of five methods of intravenous therapy for hypertensive emergency available in the paramedic's arsenal and indicated in current clinical guidelines for the treatment of hypertension: nitroglycerin, furosemide, metoprolol, urapidil and enalapril. The pharmacodynamic features, the rate of onset of the hypotensive effect,

the frequency of achieving target blood pressure levels and the range of adverse events when using these drugs by emergency medical teams are considered. Special attention is paid to a differentiated approach depending on the clinical variant of acute damage to target organs. The results of the work are important for optimizing prehospital algorithms and can be used in the practice of not only emergency medical specialists, but also doctors of other specialties.

Key words: hypertensive emergency, sudden marked individually significant increase in blood pressure, prehospital stage, urapidil, nitroglycerin, metoprolol, enalapril, furosemide, intravenous antihypertensive therapy.

Введение

В течение последних десятилетий взгляды на гипертонический криз (ГК) претерпели существенную эволюцию. Долгое время в клинической практике и рекомендациях доминировало деление на «осложнённый» и «неосложнённый» ГК, причём последний рассматривался как состояние, требующее снижения АД в течение нескольких часов пероральными или сублингвальными препаратами [4, с. 93]. Однако накопленные данные о неблагоприятных исходах при неконтролируемом снижении АД, а также пересмотр понятия «неотложность» привели к изменению терминологии.

Согласно актуальной позиции Европейского общества кардиологов (ESC) и Российского кардиологического общества (РКО) в 2018-2020 годах, понятие «неосложнённый гипертонический криз» утратило свою силу. Вместо него предложен термин «внезапное выраженное индивидуально значимое повышение артериального давления», которое не требует экстренного парентерального снижения АД и может купироваться в амбулаторных условиях с использованием пероральных форм [13, с. 3025]. Таким образом, под истинным гипертоническим кризом в современной клинической практике понимают только осложнённый вариант – состояние, при котором значительное повышение АД (обычно систолического АД (САД) ≥ 180 мм рт. ст. и/или диастолического АД (ДАД) ≥ 120 мм рт. ст., т.е. до 3-й степени) ассоциируется с острым, клинически манифестным и нередко жизнеугрожающим поражением органов-мишеней [12, с. 38]. К таким поражениям относят: гипертоническую энцефалопатию (судороги, спутанность сознания, транзиторные неврологические симптомы), острый коронарный синдром (ОКС), острую левожелудочковую недостаточность (ОЛЖН) с интерстициальным или альвеолярным отёком лёгких,

расслаивающую аневризму аорты, эклампсию, острую почечную недостаточность [13, с. 39].

Пациенты с гипертоническим кризом (в указанном выше понимании) требуют немедленных квалифицированных действий, направленных на снижение АД, как правило, с помощью парентеральной (внутривенной) терапии. Лечение должно начинаться на догоспитальном этапе бригадой скорой медицинской помощи (СМП) и продолжаться в условиях стационара. Целью является быстрое, но контролируемое снижение АД – обычно на 20-25% от исходного уровня в течение первого часа – для предотвращения дальнейшего повреждения органов-мишеней и избежания гипоперфузии головного мозга, сердца и почек [2, с. 68].

На догоспитальном этапе врач СМП располагает ограниченным арсеналом внутривенных антигипертензивных средств. В Российской Федерации наиболее часто используемыми при ГК, учитывая актуальные (от 2024 года) клинические рекомендации по лечению артериальной гипертензии, являются: нитроглицерин (органический нитрат, преимущественный венодилататор), фуросемид (петлевой диуретик), метопролол (β 1-селективный адреноблокатор), урапидил (селективный α 1-адреноблокатор с центральным серотонинергическим действием) и эналаприл (ингибитор АПФ, применяемый в форме пролекарства эналаприлата). Однако сравнительная эффективность и безопасность этих препаратов именно при гипертоническом кризе в условиях реальной догоспитальной практики изучена недостаточно. Различные клинические варианты острого поражения органов-мишеней (энцефалопатия, ОКС, отёк лёгких) требуют дифференцированного подхода, что не всегда отражено в унифицированных алгоритмах. Настоящее исследование предпринято для восполнения этого пробела.

Цель исследования – провести сравнительный анализ эффективности и безопасности пяти лекарственных средств при внутривенной (в/в) терапии гипертонического криза на догоспитальном этапе: нитроглицерин, фуросемид, метопролол, урапидил и эналаприл.

Материалы и методы

Дизайн исследования: ретроспективное наблюдательное когортное исследование, основанное на анализе медицинской документации пациентов, находившихся на лечении у автора.

Период и место проведения: январь 2025 г. – апрель 2026 г. Исследование проводилось на базе Ломоносовской подстанции ГБУЗ АО

«Архангельская областная клиническая станция скорой медицинской помощи». Автор является врачом выездной бригады СМП и одновременно ординатором 2 года кафедры госпитальной терапии и эндокринологии по специальности «Терапия». Все пациенты, включённые в анализ, были осмотрены и пролечены лично автором в рамках его профессиональной деятельности. Медицинская документация других бригад СМП не анализировалась.

Этический аспект. Исследование носило ретроспективный наблюдательный характер: анализировались данные из карт вызовов СМП, оформленных автором в ходе клинической практики. Пациенты не были информированы о проведении исследования, поскольку оно не предусматривало каких-либо дополнительных вмешательств, выходящих за рамки стандартного протокола оказания скорой медицинской помощи в соответствии с актуальными клиническими рекомендациями, утверждёнными Министерством здравоохранения Российской Федерации. Все персональные данные пациентов были обезличены перед анализом. В соответствии с Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ст. 13, ч. 4) и отраслевым стандартом «Клинико-экономические исследования. Общие положения» (ОСТ 91500.14.0001-2002, п. 8.2), при проведении ретроспективного анализа обезличенных данных, полученных в ходе рутинного лечебно-диагностического процесса, получение информированного согласия пациентов и одобрения независимого этического комитета не требуется [3, с. 3; 5, с. 15]. Автор гарантирует соблюдение конфиденциальности.

Критерии включения:

1. Пациенты в возрасте 40-95 лет, осмотренные лично автором.
2. Гипертонический криз: САД ≥ 180 мм рт. ст. и/или ДАД ≥ 120 мм рт. ст. (подтверждено двукратным измерением с интервалом 5 минут) в сочетании с одним из следующих клинических синдромов острого поражения органов-мишеней, зафиксированных в карте вызова: гипертоническая энцефалопатия (интенсивная головная боль, тошнота, рвота, спутанность сознания, транзиторные неврологические симптомы, отсутствие очаговой симптоматики по шкале NIHSS); острый коронарный синдром без подъёма ST (ангинозная боль, депрессия сегмента ST ≥ 1 мм в двух и более отведениях, отрицательные зубцы T); острая левожелудочковая недостаточность (одышка в покое, ортопноэ, влажные хрипы над 2/3 или всей поверхностью лёгких, снижение SpO₂ <90%).

Критерии исключения:

1. Беременность, лактация.
2. Подозрение на геморрагический инсульт (острое угнетение сознания, менингеальные знаки, грубый очаговый дефицит).
3. Клинические признаки расслаивающей аневризмы аорты (различие АД на руках, боль в грудной клетке с иррадиацией в спину).
4. Исходная гипотензия (САД <100 мм рт. ст.).
5. Тяжёлая брадикардия (ЧСС <50 уд/мин) – для пациентов, получавших метопролол.
6. Индивидуальная непереносимость любого из исследуемых препаратов (по данным анамнеза).
7. Приём ингибиторов фосфодиэстеразы типа 5 (силденафил, тадалафил, варденафил) в течение предшествующих 24 часов (для нитроглицерина).
8. Терминальная стадия хронической почечной недостаточности (анамнестические данные).

Формирование групп и режимы терапии. Из личного архива автора (электронная база карт вызовов СМП) за указанный период было отобрано 225 карт пациентов с гипертоническим кризом. После применения критериев исключения (геморрагический инсульт – 5, тяжелая брадикардия – 5, беременность, лактация – 3, клинические признаки расслаивающей аневризмы аорты – 1, прочие – 11) в анализ включено 200 пациентов. Пациенты были распределены в 5 групп по 40 человек в зависимости от того, какой внутривенный препарат был назначен автором по соответствующим показаниям. Режимы дозирования соответствовали стандартным протоколам и представлены в таблице 1.

Таблица 1

Режимы внутривенной терапии в исследуемых группах

Группа	Препарат	Доза и способ введения	Скорость введения	Целевое применение
1 (НТГ)	Нитроглицерин	В/в инфузия: начальная доза 10 мкг/мин, титрование до 200 мкг/мин каждые 5-10 мин	Перфузор	ОКС, ОЛЖН
2 (ФУР)	Фуросемид	В/в струйно 40-80 мг (4-8 мл 1% раствора на 12-16 мл 0,9% NaCl)	За 1-2 мин	ОЛЖН с гиперводемией

Продолжение таблицы 1

3 (МЕТ)	Метопролол	В/в струйно медленно 5 мг (1 мл 0,1% раствора), при необходимости повторно до 15 мг	1 мг/мин (5 мин на 5 мг)	ОКС с ЧСС >80 уд/мин
4 (УРА)	Урапидил	В/в струйно 12,5-25 мг (2,5-5 мл 0,5% раствора), при недостаточном эффекте через 10 мин повторно 12,5 мг	За 1-2 мин	Любой вариант гипертонического криза
5 (ЭНА)	Эналаприл (эналаприлат)	В/в струйно 1,25-2,5 мг (1-2 мл раствора, содержащего 1,25 мг/мл)	За 2-3 мин	Гипертоническая энцефалопатия

Протокол сбора данных и клинической оценки:

1. АД измерялось механическим тонометром каждые 5 минут в течение первого часа. Из карт вызова извлекались средние значения из двух последовательных измерений в каждой временной точке: 0 (исходное), 10, 20, 30, 45 и 60 минут.

2. ЧСС, электрокардиограмма (стандартные отведения) и SpO₂ мониторировались непрерывно; данные фиксировались в карте.

3. Неврологический статус оценивался по шкале комы Глазго и краткой шкале NIHSS исходно и через 60 минут.

4. Аускультация лёгких проводилась исходно, через 30 и 60 минут с оценкой распространённости хрипов.

Конечные точки:

1. Первичная конечная точка эффективности: изменение среднего САД через 20 минут от исходного (Δ САД₂₀).

2. Вторичные конечные точки эффективности: изменение САД через 10, 30 и 60 минут; доля пациентов, достигших целевого снижения АД (редукция САД на 20-25% от исходного или САД <160 мм рт. ст., но не ниже 130 мм рт. ст. при энцефалопатии) через 30 и 60 минут; доля пациентов, потребовавших введения дополнительного антигипертензивного препарата.

3. Конечные точки безопасности: частота нежелательных явлений (НЯ), зафиксированных в карте вызова: чрезмерная гипотензия (САД <100 мм рт. ст. или падение САД >30% от исходного за любые 10 минут), симптомная гипотензия (головокружение, обморок), брадикардия (ЧСС <50 уд/мин) – для метопролола, усугубление ишемии миокарда (нарастание ангинозных болей, динамика сегмента ST), ухудшение неврологической симптоматики

(появление очагового дефицита), олигурия (диурез <0,5 мл/кг/ч за 2 часа), интенсивная головная боль (более 7 баллов по ВАШ), тошнота, рвота.

Статистический анализ. Обработка данных выполнена с использованием пакетов IBM SPSS Statistics 26.0 и MedCalc 20.0. Проверка нормальности распределения количественных переменных проведена с помощью критерия Шапиро-Уилка. Все показатели АД, ЧСС и их изменения подчинялись нормальному распределению ($p > 0,05$). Межгрупповые различия для количественных данных оценивали с помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) с post-hoc поправкой Тьюки для множественных сравнений. Для категориальных переменных (частота достижения целевого уровня АД, частота НЯ) использовали критерий χ^2 Пирсона с поправкой Йейтса или точный критерий Фишера. Данные представлены как $M \pm SD$ или n (%). Различия считали статистически значимыми при $p < 0,05$.

Результаты и обсуждение

Исходные характеристики пациентов. Группы оказались сопоставимы по основным демографическим и клиническим параметрам ($p > 0,05$ для всех сравнений), что подтверждает отсутствие систематической ошибки отбора (табл. 2). Объединённая характеристика 200 пациентов: средний возраст $64,2 \pm 9,8$ года (диапазон 44-79 лет); мужчины – 106 (53%), женщины – 94 (47%). Среднее исходное САД составило $200,5 \pm 11,8$ мм рт. ст., ДАД – $117,3 \pm 8,4$ мм рт. ст., ЧСС – $86,4 \pm 10,2$ уд/мин. Длительность артериальной гипертензии в анамнезе – $14,1 \pm 6,3$ года. Наиболее частыми триггерами явились пропуск приёма антигипертензивной терапии (44%) и психоэмоциональный стресс (38%). Распределение типов острого поражения органов-мишеней в группах отражало целевое применение препаратов (табл. 3): в группе фуросемида преобладала ОЛЖН (95%), в группе метопролола – ОКС (85%), в группе эналаприла – гипертензивная энцефалопатия (95%). Группы нитроглицерина и урапидила были более гетерогенными, что соответствует их более широкому спектру применения.

Таблица 2

Исходные характеристики групп ($M \pm SD$ или n (%))

Параметр	НТГ (n=40)	ФУР (n=40)	МЕТ (n=40)	УРА (n=40)	ЭНА (n=40)	p
Возраст, лет	$63,5 \pm 10,1$	$65,1 \pm 9,7$	$63,9 \pm 9,9$	$64,3 \pm 9,5$	$64,2 \pm 10,0$	0,92
Мужчины, n (%)	21 (52,5)	19 (47,5)	23 (57,5)	20 (50)	23 (57,5)	0,79

Продолжение таблицы 2

Исходное САД, мм рт. ст.	199,2±10,8	202,1±12,4	198,6±11,0	201,4±11,5	200,3±11,2	0,68
Исходное ДАД, мм рт. ст.	116,5±7,9	118,2±8,6	116,8±8,1	117,9±8,3	117,1±8,0	0,85
Исходная ЧСС, уд/мин	85,3±9,8	87,1±10,5	86,9±10,1	84,9±9,9	87,8±10,7	0,71
SpO ₂ , %	94,2±3,1	89,5±4,2*	95,1±2,8	93,8±3,5	94,5±3,0	<0,05 (ФУР)

Примечание: * – p<0,05 по сравнению с другими группами (у пациентов ФУР исходно снижен SpO₂ за счёт отёка лёгких)

Таблица 3

Распределение типов острого поражения органов-мишеней по группам, n (%)

Тип осложнения	НТГ	ФУР	МЕТ	УРА	ЭНА	Всего
Гипертензивная энцефалопатия	8 (20)	2 (5)	6 (15)	20 (50)	38 (95)	74 (37)
Острый коронарный синдром	22 (55)	0	34 (85)	10 (25)	0	66 (33)
ОЛЖН (отёк лёгких)	10 (25)	38 (95)	0	10 (25)	2 (5)	60 (30)
Итого	40	40	40	40	40	200

Динамика артериального давления. Основные результаты САД представлены в таблице 4.

Таблица 4

Динамика систолического АД (мм рт. ст.) в контрольных точках (M±SD)

Группа	Исходно	10 мин	20 мин	30 мин	60 мин
Нитроглицерин (НТГ)	199,2±10,8	182,4±9,3*	172,1±8,6*	161,5±8,0*	148,9±7,4*
Фуросемид (ФУР)	202,1±12,4	195,6±10,8	190,8±9,9	184,3±9,2†	176,5±8,7†
Метопролол (МЕТ)	198,6±11,0	187,5±9,5*	178,9±8,7*	168,2±8,2*	154,8±7,6*
Урапидил (УРА)	201,4±11,5	176,8±8,8*‡	161,2±7,5*‡	149,5±6,9*‡	140,1±6,3*‡
Эналаприл (ЭНА)	200,3±11,2	191,2±9,7	184,5±9,0	175,1±8,5*	166,4±8,1†

Примечания: * – p<0,05 по сравнению с исходным значением внутри группы; † – p<0,001 по сравнению с группами УРА и НТГ на том же временном интервале; ‡ – p<0,05 по сравнению со всеми остальными группами на том же временном интервале.

Анализ эффективности.

1. Урапидил (группа УРА) показал наилучшие результаты. $\Delta\text{САД}_{20}$ составило $-40,2 \pm 5,8$ мм рт. ст. (снижение с 201,4 до 161,2 мм рт. ст.). Уже через 10 минут целевая редукция АД (20-25% от исходного) была достигнута у 18 пациентов (45%), через 30 минут – у 37 пациентов (92,5%). Через 60 минут САД стабилизировалось на уровне $140,1 \pm 6,3$ мм рт. ст., что соответствует рекомендациям (не ниже 130 мм рт. ст. при энцефалопатии). Урапидил обеспечил контролируемое снижение без чрезмерной гипотензии (САД < 100 мм рт. ст. не зафиксировано). Препарат эффективен при всех вариантах острого поражения органов-мишеней, что подтверждается данными мета-анализа Shi J. и соавт. (2018) и исследованием Hirschl M.M. (1994) [11, с. 163; 8, с. 367]. Механизм действия урапидила (блокада $\alpha 1$ -адренорецепторов + центральный агонизм 5-НТ1А-рецепторов) предотвращает рефлекторную тахикардию и не ухудшает мозговой кровоток, что особенно важно при гипертонической энцефалопатии.

2. Нитроглицерин (группа НТГ) в/в продемонстрировал хорошую эффективность, особенно при ОКС и отёке лёгких. $\Delta\text{САД}_{20} = -27,1 \pm 5,4$ мм рт. ст. ($p=0,02$ против урапидила). Целевой уровень через 30 минут достигнут у 32 пациентов (80%). Однако у 11 пациентов (27,5%) отмечена интенсивная пульсирующая головная боль (ВАШ 7-9 баллов), у 4 (10%) – тахифилаксия (требовалась постоянная эскалация дозы). При гипертензивной энцефалопатии у 2 пациентов (5%) отмечено транзиторное ухудшение неврологической симптоматики, что согласуется с данными о возможном повышении внутричерепного давления на фоне нитроглицерина [11, с. 167]. Тем не менее, при ОКС и отёке лёгких нитроглицерин остаётся препаратом выбора благодаря способности снижать преднагрузку и дилатировать коронарные артерии.

3. Метопролол (группа МЕТ) действовал медленно: $\Delta\text{САД}_{20} = -19,7 \pm 5,1$ мм рт. ст., что достоверно хуже, чем урапидил ($p < 0,01$) и нитроглицерин ($p=0,03$). Целевой уровень через 30 минут достигнут лишь у 25 пациентов (62,5%). У 7 пациентов (17,5%) развилась симптомная брадикардия (ЧСС 42–48 уд/мин), в двух случаях потребовался атропин. Важно отметить, что метопролол не предназначен для быстрого снижения АД; его основная роль – антиишемический эффект и урежение ЧСС при ОКС [9, с. 140]. Внутривенное введение метопролола на догоспитальном этапе должно быть ограничено строгими показаниями и проводиться под контролем монитора.

4. Эналаприл (эналаприлат, группа ЭНА) оказался наименее эффективным для экстренного парентерального снижения АД. $\Delta\text{САД}_{20} = -15,8 \pm 4,7$ мм рт. ст., достоверно ниже, чем в группах урапидила и нитроглицерина ($p < 0,001$). Значимое снижение АД регистрировалось только к 30-60 минуте. Целевого уровня через 60 минут достигли лишь 14 пациентов (35%). Кроме того, у 4 пациентов (10%) с недиагностированным двусторонним стенозом почечных артерий (пожилой возраст, диффузный атеросклероз) появились предвестники олигурии с транзиторным повышением уровня креатинина крови (по данным биохимических исследований крови пациентов в приемном отделении стационаров). Эналаприл не рекомендуется для догоспитального этапа при гипертоническом кризе из-за медленного действия и риска острой почечной недостаточности [7, с. 1].

5. Фуросемид (группа ФУР) не обладает прямым гипотензивным действием. $\Delta\text{САД}_{20} = -11,3 \pm 4,9$ мм рт. ст., что статистически значимо хуже всех остальных групп ($p < 0,001$). Целевое снижение АД через 60 минут достигнуто только у 6 пациентов (15%). У 38 пациентов (95%) этой группы был отёк лёгких, и фуросемид эффективно уменьшал одышку и влажные хрипы в легких за счёт снижения преднагрузки и волемии. Однако для контроля АД всем пациентам потребовалось дополнительное введение нитроглицерина или урапидила (как терапию экстренного резерва). Монотерапия фуросемидом при гипертоническом кризе недопустима [10, с. 145].

Безопасность и нежелательные явления. Частота и структура НЯ представлены в таблице 5.

Таблица 5

Нежелательные явления в группах, n (%)

Нежелательное явление	НТГ (n=40)	ФУР (n=40)	МЕТ (n=40)	УРА (n=40)	ЭНА (n=40)
Чрезмерная гипотензия (САД<100)	3 (7,5)	0	1 (2,5)	0	0
Симптомная гипотензия (коллапс)	1 (2,5)	0	0	0	0
Брадикардия (ЧСС<50)	0	0	7 (17,5)	0	0
Интенсивная головная боль (ВАШ>7)	11 (27,5)	1 (2,5)	2 (5)	2 (5)	1 (2,5)
Тошнота/рвота	4 (10)	1 (2,5)	2 (5)	1 (2,5)	1 (2,5)

Продолжение таблицы 5

Усугубление ишемии миокарда (ЭКГ)	1 (2,5)	0	1 (2,5)	0	0
Ухудшение неврологической симптоматики	2 (5)	0	0	0	2 (5)
Олигурия (ОПН)	0	1 (2,5)	0	0	4 (10)
Всего пациентов с НЯ	16 (40)	3 (7,5)	11 (27,5)	2 (5)	7 (17,5)

Наименьшее общее число нежелательных явлений зарегистрировано в группе урапидила – 2 пациента (5%, лёгкая головная боль и тошнота). Наибольшее – в группе нитроглицерина (40%, в основном за счёт головной боли). Метопролол опасен брадикардией (17,5%), эналаприл – острой почечной недостаточностью (10%). Фуросемид при монотерапии имеет мало НЯ, но неэффективен как гипотензивное средство.

Полученные результаты имеют прямое клиническое значение для врачей скорой медицинской помощи и других специальностей.

Урапидил показал максимальное соотношение эффективность и безопасность. Скорость снижения АД ($\Delta\text{САД}_{20} = -40,2$ мм рт. ст.) достаточна для купирования острого поражения органов-мишеней, при этом риск гипотензии отсутствует благодаря предсказуемой фармакодинамике. Отсутствие рефлекторной тахикардии и негативного влияния на мозговой кровоток делает урапидил универсальным средством – он одинаково эффективен при гипертензивной энцефалопатии, ОКС и отёке лёгких [11, с. 168].

Нитроглицерин остаётся препаратом выбора при двух состояниях: острый коронарный синдром (особенно с признаками ишемии) – он дилатирует коронарные артерии и снижает потребность миокарда в кислороде; острая левожелудочковая недостаточность – венодилатация уменьшает преднагрузку. При гипертензивной энцефалопатии нитроглицерин следует применять с осторожностью, а при подозрении на внутричерепную гипертензию – избегать.

Метопролол не должен рассматриваться как антигипертензивное средство первого ряда. Его внутривенное введение показано только при ОКС без гемодинамически значимой брадикардии, и цель – не снижение АД, а контроль ЧСС и антиишемический эффект. Догоспитальное применение требует строгого мониторинга ЭКГ.

Эналаприл не рекомендуется для догоспитального этапа. Замедленное начало действия (30-60 мин) и опасность острой почечной недостаточности у пациентов с реноваскулярной гипертензией (10% в нашем исследовании) делают его неприемлемым для экстренной терапии.

Фуросемид не обладает гипотензивным действием и должен применяться только в комбинации с вазодилататором (урапидил или нитроглицерин) при объективных признаках гиперволемии (влажные хрипы не менее $\frac{2}{3}$ легких, набухание шейных вен, отёки нижних конечностей). Монотерапия фуросемидом при гипертоническом кризе – тактическая ошибка.

Сравнение с литературными данными. Наши результаты согласуются с крупными международными мета-анализами, согласно которым урапидил и нитроглицерин являются наиболее изученными и безопасными средствами для парентерального снижения АД при гипертензивных экстренных ситуациях [8, с. 365]. В отношении эналаприла и метопролола наши данные подтверждают их нецелесообразность в качестве средств экстренной терапии [9, с. 142].

Ограничения исследования. Работа имеет ряд ограничений: ретроспективный дизайн, что несёт риск систематической ошибки, связанной с неполнотой записей; отсутствие рандомизации – группы формировались на основе клинического выбора автора; гетерогенность групп по типу осложнения, хотя это отражает реальную практику; небольшой размер выборки для подгруппового анализа (по 40 пациентов); отсутствие оценки долгосрочных исходов (госпитальная летальность); исключение пациентов с расслаивающей аневризмой аорты и геморрагическим инсультом; исследование проведено на пациентах одного врача, что может ограничивать обобщаемость результатов. Несмотря на ограничения, полученные данные имеют прямое клиническое значение и подтверждаются литературными данными.

Выводы

1. При гипертоническом кризе на догоспитальном этапе препаратом выбора является урапидил в дозе 12,5-25 мг внутривенно струйно (при необходимости повторно через 10 минут). Урапидил обеспечивает быстрое ($\Delta\text{САД}_{20} = -40,2 \pm 5,8$ мм рт. ст.), контролируемое снижение АД с достижением целевого уровня у 92,5% пациентов через 30 минут и минимальной частотой нежелательных явлений (5%). Препарат эффективен при всех вариантах

острого поражения органов-мишеней (гипертензивная энцефалопатия, острый коронарный синдром, острая левожелудочковая недостаточность).

2. Нитроглицерин (внутривенная инфузия 10–200 мкг/мин) является альтернативой первой линии при остром коронарном синдроме и остром отёке лёгких (особенно при гиперволемии). При гипертензивной энцефалопатии его применение должно быть ограничено из-за риска повышения внутричерепного давления и ухудшения неврологической симптоматики (зарегистрировано у 5% пациентов). Высокая частота интенсивной головной боли (27,5%) требует информирования пациента.

3. Метопролол (внутривенно 5-15 мг) не рекомендуется в качестве средства для экстренного снижения АД. Он может использоваться только при остром коронарном синдроме преимущественно с целью снижения потребности миокарда в кислороде и дальнейшего улучшения прогноза заболевания. Внутривенное введение требует непрерывного мониторинга ЭКГ и ЧСС из-за высокого риска брадикардии (17,5% в исследовании).

4. Эналаприл (эналаприлат) не должен применяться на догоспитальном этапе для купирования гипертонического криза. Медленное начало действия (пик через 30–60 минут), низкая эффективность (целевой уровень лишь у 35% пациентов к 60 минуте) и риск острой почечной недостаточности (10% у пациентов с недиагностированным стенозом почечных артерий) делают его непригодным для экстренной ситуации.

5. Фуросемид не обладает самостоятельным гипотензивным действием ($\Delta\text{САД}_{20} = -11,3 \pm 4,9$ мм рт. ст.) и не может применяться в качестве монотерапии для снижения АД. Его использование оправдано только при острой левожелудочковой недостаточности с явной гиперволемией (влажные хрипы, как минимум, $\frac{2}{3}$ легких, отёки нижних конечностей) и исключительно в комбинации с вазодилататором (урапидил или нитроглицерин).

Список литературы

1. Гапонова Н.И.1, Абдрахманов В.Р. Бараташвили В.Л. Терещенко С.Н. Гипертонические кризы: лечебно-диагностическая тактика на догоспитальном этапе // Фарматека. – 2012. – № 20. – С. 1–6.
2. Кобалава Ж. Д., Конради А. О., Недогода С. В., Троицкая Е. А., Саласюк А. С. Рекомендации по дальнейшей тактике ведения пациентов после постановки диагноза «гипертоническая болезнь» // Алгоритмы ведения пациента с артериальной гипертензией. – 2024. – С. 68–70.

3. ОСТ 91500.14.0001-2002 «Клинико-экономические исследования. Общие положения» : утв. Приказом Минздрава России от 27.08.2002 № 163. – П. 8.2. – С. 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Российское кардиологическое общество. Клинические рекомендации «Артериальная гипертензия у взрослых» : утв. Минздравом России. – Москва, 2024. – 220 с. – Разд. «Неотложные состояния при артериальной гипертензии: гипертонический криз». – С. 93–96.
5. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». – Ст. 13, ч. 4. – С. 15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Astarita A, Covella M, Vallelonga F, et al. Hypertensive emergencies and urgencies in emergency departments: a systematic review and meta-analysis. *J Hypertens.* – 2020. – Vol. 38, No. 7. – P. 1203–1210. URL: <https://doi.org/10.1097/HJH.0000000000002372> (accessed 01.05.2026).
7. Ayaz S.I., Sharkey C.M., Kwiatkowski G.M., Wilson S.S., John R.S., Tolomello R., Mahajan A., Millis S., Levy P.D.. Intravenous enalaprilat for treatment of acute hypertensive heart failure in the emergency department // *Int J Emerg Med.* – 2016. – Vol. 9, No. 1. URL: <https://doi.org/10.1186/s12245-016-0125-4> (accessed 01.05.2026).
8. Hirschl M.M., Seilder D., Zeiner A., et al. Urapidil per via endovenosa verso nifedipina sublinguale nel trattamento delle urgenze ipertensive [Intravenous urapidil versus sublingual nifedipine in the treatment of hypertensive emergencies] // *Minerva Cardioangiol.* – 1994. – Vol. 42 (7-8). – P. 365–371. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/7970031/> (accessed 01.05.2026).
9. Ibanez B., James S., Agewall S. et al. 2017 ESC Guidelines for the management of acute myocardial infarction in patients presenting with ST-segment elevation // *European Heart Journal.* – 2018. – Vol. 39, No. 2. – P. 119–177. URL: <https://doi.org/10.1093/eurheartj/ehx393> (accessed 01.05.2026).
10. Mullens W., Damman K., Harjola V. P. et al. The Use of Diuretics in Heart Failure with Congestion — A Position Statement from the Heart Failure Association of the European Society of Cardiology // *European Journal of Heart Failure.* – 2019. – Vol. 21, No. 2. – P. 137–155. URL: <https://doi.org/10.1002/ejhf.1369> (accessed 01.05.2026).
11. Shi J, Li Y, Xing C, Peng P, Shi H, Ding H, Zheng P, Ning G, Feng S. Urapidil, compared to nitroglycerin, has better clinical safety in the treatment of hypertensive patients with acute heart failure: a meta-analysis. *Drug design,*

development and therapy. – 2018. 13, 161–172. URL: <https://doi.org/10.2147/DDDT.S185972> (accessed 01.05.2026).

12. van den Born B. J., Lip G. Y. H., Brguljan-Hitij J. et al. ESC Council on Hypertension position document on the management of hypertensive emergencies // European Heart Journal – Cardiovascular Pharmacotherapy. – 2019. – Vol. 5, No. 1. – P. 37–46. URL: <https://doi.org/10.1093/ehjcvp/pvy032> (accessed 01.05.2026).

13. Williams B., Mancia G., Spiering W. et al. 2018 ESC/ESH Guidelines for the management of arterial hypertension // European Heart Journal. – 2018. – Vol. 39, No. 33. – P. 3021–3104. (Актуализированные рекомендации 2024. – P. 3912–4018). URL: <https://doi.org/10.1093/eurheartj/ehy339> (accessed 01.05.2026).

© Копыцина Э.С.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ОЦЕНКИ КАНЦЕРОГЕННОГО РИСКА ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ ОТ ЗАГРЯЗНИТЕЛЕЙ ПИТЬЕВОЙ ВОДЫ

Стогниев Иван Михайлович

докторант

НАО «Медицинский университет Астана»

Аннотация: в работе рассмотрена проблема канцерогенных рисков, связанных с качеством питьевой воды. Определена цель исследования — анализ методологий оценки токсического воздействия и экспозиции поллютантов. Раскрыты особенности нормирования опасных веществ и преимущества вероятностного моделирования. Установлена необходимость баланса между химической безопасностью и защитой от микроорганизмов. Сделан вывод о важности внедрения интегрированных систем управления водными ресурсами.

Ключевые слова: питьевая вода, канцерогенный риск, моделирование экспозиции, управление рисками, побочные продукты дезинфекции.

COMPARATIVE METHODS FOR ASSESSING THE CARCINOGENIC RISK TO PUBLIC HEALTH FROM DRINKING WATER POLLUTANTS

Stogniyev Ivan Mikhailovich

Phd student

Astana Medical University

Abstract: the paper considers the problem of carcinogenic risks associated with the quality of drinking water. The purpose of the study is to analyze methodologies for assessing toxic effects and exposure to pollutants. The features of rationing of dangerous substances and the advantages of probabilistic modeling are revealed. The need for a balance between chemical safety and protection against microorganisms has been established. The conclusion is made about the importance of the introduction of integrated water resources management systems.

Key words: drinking water, carcinogenic risk, exposure modeling, risk management, disinfection by-products.

Введение

Проблема обеспечения населения качественной питьевой водой в последние десятилетия трансформировалась из задачи по предотвращению острых инфекционных заболеваний в сложную междисциплинарную проблему минимизации хронических рисков, среди которых ведущее место занимают злокачественные новообразования. Если в первой половине XX века хлорирование воды стало триумфом общественного здравоохранения, практически ликвидировав вспышки холеры и брюшного тифа, то сегодня научное сообщество вынуждено признать наличие «побочных эффектов» этого процесса в виде образования токсичных и генотоксичных соединений.

Питьевая вода может содержать широкий спектр химических и радиационных угроз, попадающих в неё из природных источников или образующихся непосредственно на станциях водоподготовки и распределения. Наиболее масштабной проблемой остаются побочные продукты дезинфекции. Так на сегодняшний день идентифицировано более 600 подобных соединений, однако их токсикологическое взаимодействие в составе сложных смесей изучено слабо, а многие опасные вещества до сих пор не регулируются [1, с. 1568]. Дополнительные риски несут неорганические поллютанты (тяжелые металлы, нитраты), концентрирующиеся в воде из-за гидрогеологических особенностей или антропогенного воздействия [2, с. 8, 3, с. 10, 4, с. 17].

Методология оценки канцерогенного риска фундаментально опирается на механизм токсического действия исследуемого вещества, что обуславливает строгую дифференциацию химических агентов на две основные категории. Генотоксичные канцерогены инициируют первичные мутации в ДНК соматических клеток; данная концепция постулирует отсутствие истинного безопасного уровня воздействия. Следовательно, предполагается, что любая, даже минимальная доза такого вещества теоретически способна повысить вероятность онкогенеза, что диктует необходимость применения консервативных экстраполяционных беспороговых моделей. Для ряда генотоксичных канцерогенов с нелинейным характером кривой «доза-эффект» в области малых доз, а также для эпигенетических канцерогенов, обосновано применение концепции практического биологического порога. В противоположность этому, патологическое действие негенотоксичных агентов опосредовано механизмами, для которых характерен доказуемый биологический порог.

Ниже данного порогового значения индукция неопластических процессов не наблюдается, что научно обосновывает использование традиционных пороговых подходов при нормировании и расчете допустимых уровней воздействия [5, с.200]. На практике регуляторы вынуждены идти на компромисс. Например, в США из сотен образующихся при хлорировании соединений контролируются лишь две группы-маркера: тригалометаны (ТГМ) и галогенуксусные кислоты (ГУК). При этом эпидемиологические оценки часто фиксируют уровень риска от хлорированной воды выше стандартного бенчмарка в 10^{-6} , что поднимает сложные вопросы о балансе между химической безопасностью и необходимостью защиты населения от патогенной микрофлоры [6, с. 13].

Доказательная база: эпидемиология и токсикология

Данные о канцерогенных рисках для человека базируются преимущественно на наблюдательной эпидемиологии, которая уверенно связывает воздействие побочных продуктов дезинфекции (ППД) с раком мочевого пузыря, колоректальными и почечными новообразованиями. Метаанализы показывают статистически значимое увеличение риска рака мочевого пузыря при концентрациях ТГМ от 41 мкг/л — значении, которое парадоксальным образом находится ниже действующих лимитов США (80 мкг/л) и ЕС (100 мкг/л) [7, с. 18].

Однако эти исследования часто страдают от ошибок классификации воздействия. Эпидемиологи обычно используют усредненные данные по водопроводной сети, а не замеры из конкретных домохозяйств, что снижает точность оценок и может занижать реальную силу ассоциации. В исследованиях редко учитывается влияние социально-демографических факторов, образа жизни и генетических полиморфизмов на уязвимость отдельных групп населения [8, с. 1063].

Токсикологические исследования *in vivo* и *in vitro* помогают картировать пути образования канцерогенов и доказывать их мутагенность. Тем не менее экстраполяция результатов, полученных на животных при воздействии высоких доз изолированных веществ, на хроническое воздействие многокомпонентных смесей при низких концентрациях остается серьезным вызовом [9, с. 1071].

Методология оценки доза-эффект и анализ экспозиции

Выбор математического аппарата диктуется наличием или отсутствием порога токсичности. В рамках количественной оценки риска выбор

математического аппарата детерминирован природой токсического действия агента. Для веществ, обладающих генотоксичным канцерогенным потенциалом, традиционно применяются линейные многостадийные модели, позволяющие осуществлять экстраполяцию экспериментальных данных на область низких доз [5, с. 178]. Конечным расчетным параметром в данной парадигме выступает избыточный пожизненный риск развития онкологических заболеваний, при этом в качестве нормативных ориентиров, как правило, принимаются вероятностные значения порядка 10^{-5} или 10^{-6} . Напротив, оценка эффектов, предполагающих наличие биологического порога, базируется на вычислении допустимого суточного потребления [10, с. 6]. Данный показатель выводится либо из классических уровней не наблюдаемого и минимального наблюдаемого вредного воздействия (NOAEL/LOAEL), либо с использованием более современных методов моделирования эталонной дозы. Количественная характеристика неканцерогенных рисков в этом случае выражается посредством коэффициентов (HQ) и индексов опасности (HI). В ситуациях, когда химический агент провоцирует как системные токсические, так и злокачественные эффекты, методологический стандарт предписывает параллельное применение обоих метрических подходов для обеспечения комплексной оценки угрозы здоровью. [3, с. 12].

Оценка экспозиции является связующим звеном между экологическим мониторингом и расчетом риска. Исторически преобладали детерминированные модели, использующие усредненные точечные значения потребления воды и массы тела. Сегодня золотым стандартом становится вероятностный подход на базе симуляций Монте-Карло, позволяющий учитывать распределение параметров в популяции. Это имеет критическое значение для защиты детей за счет меньшей массы тела и уровня потребления воды. Возрастные стратификации показывают, что из-за меньшей массы тела и высокого уровня потребления воды внутренние дозы тяжелых металлов и индексы опасности у детей могут значительно превышать допустимые пределы даже там, где риски для взрослых выглядят умеренными [2, с. 4, 11, с. 7]

Качество данных и стратегии управления

Достоверность математических моделей полностью опирается на качество лабораторной аналитики. Использование валидированных методов с жестким контролем систематических и случайных ошибок обязательно перед

сравнением реальных концентраций с медицинскими нормативами. В некоторых случаях концентрации в воде настолько малы, что формальное введение нормативов признается избыточным при наличии чувствительного мониторинга. Для комплексного управления рисками ВОЗ использует концепцию лет жизни, скорректированных по нетрудоспособности (DALY), что позволяет привести химические, радиационные и микробиологические угрозы к единому знаменателю [5, с. 66]. Применение “DALY” позволяет органам здравоохранения объективно оценивать реальное бремя болезней, ассоциированное с качеством питьевой воды, и приоритизировать превентивные экологические интервенции. Несмотря на универсальность концепции “DALY” в оценке бремени болезней, связанных с качеством воды, её практическое применение сталкивается со специфическими методологическими вызовами. Так авторы указывают, что математические модели расчета “DALY” для водных ресурсов исторически хорошо калиброваны под острые кишечные инфекции [12, с. 11-12]. Из-за нехватки верифицированных долгосрочных данных и сложных цепочек причинно-следственных связей модели часто игнорируют или некорректно рассчитывают “DALY” для сопутствующих долгосрочных патологий и долгосрочных эффектов сочетанного химического загрязнения [13, с. 6, 14, с. 443]. Это приводит к существенной недооценке общего ущерба для здоровья.

Заключение

Количественная оценка канцерогенной опасности питьевой воды фундаментально зависит от классификации поллютантов на генотоксичные и негенотоксичные, что определяет выбор между консервативными линейными моделями и пороговыми методами оценки. Экспериментальные исследования подтверждают канцерогенный потенциал многих побочных продуктов дезинфекции, экстраполяция данных от изолированных веществ в высоких дозах на реальные многокомпонентные смеси остается сложной задачей.

Эпидемиологические данные указывают на связь между ППД и онкологическими заболеваниями, однако их надежность часто снижается из-за неточностей в оценке косвенной экспозиции и недостаточного учета социально-демографических факторов. Для преодоления ограничений традиционных детерминированных подходов все шире применяется вероятностное моделирование методом Монте-Карло, позволяющее выявлять скрытые риски у населения. Качество подобных оценок критически зависит от

достоверности аналитического мониторинга, где использование маркерных групп дает регуляторные преимущества, но оставляет сотни других соединений без должного контроля. Применение различных метрик, включая избыточный пожизненный риск рака, индексы опасности и показатели DALY, позволяет комплексно оценивать угрозы и расставлять приоритеты в управлении качеством воды.

Дальнейшее развитие методологии требует углубленного изучения сложных химических смесей, повышения точности эпидемиологического мониторинга на индивидуальном уровне и более широкого внедрения сценарного анализа. Принимая управленческие решения, регуляторы вынуждены постоянно балансировать между необходимостью минимизации химических канцерогенов и критической важностью защиты населения от патогенных микроорганизмов. В конечном итоге, эффективное управление рисками возможно лишь на базе интегрированных систем, объединяющих надежные данные, прозрачные математические модели и строгий учет существующих неопределенностей.

Список литературы

1. Kalita I., Kamilaris A., Havinga P., Reva I. Assessing the Health Impact of Disinfection Byproducts in Drinking Water // ACS ES T Water. –2024. –Vol 4. – P 1564-1578. doi:10.1021/acsestwater.3c00664
2. Sailaukhanuly Y, Azat S, Kunarbekova M, Tovassarov A, Toshtay K, Tauanov Z, Carlsen L, Berndtsson R. Health Risk Assessment of Nitrate in Drinking Water with Potential Source Identification: A Case Study in Almaty, Kazakhstan // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2024. – Vol 21. – P. 1-14. <https://doi.org/10.3390/ijerph21010055>
3. Badeenezhad A., Soleimani H., Shahsavani S., Parseh I., Mohammadpour A., Azadbakht O., Javanmardi P., Faraji H., Babakrpur K. Comprehensive health risk analysis of heavy metal pollution using water quality indices and Monte Carlo simulation in R software // Scientific Reports. – 2023. – Vol 8. – P.1-18.
4. Shetty B., Pai B., Salmataj S., Naik N. Assessment of Carcinogenic and non-carcinogenic risk indices of heavy metal exposure in different age groups using Monte Carlo Simulation Approach // Scientific Reports. – 2024. – Vol 14. – P. 1-20. doi: 10.1038/s41598-024-81109-3
5. World Health Organization. Guidelines for drinking-water quality: fourth edition incorporating the first and second addenda. – Geneva: World Health

Organization. – 2022. –P. 564. <https://www.who.int/publications/i/item/9789240045064>

6. Evans S., Campbell Ch., Naidenko O.V. Analysis of Cumulative Cancer Risk Associated with Disinfection Byproducts in United States Drinking Water // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2020. – Vol 3. – P. 1-22. doi:10.3390/ijerph17062149

7. Helte E., Säve-Söderbergh M., Larsson S. C., Martling A., Åkesson, A. Disinfection by-products in drinking water and risk of colorectal cancer: a population-based cohort study// Journal of the National Cancer Institute. – 2023. – Vol 115. – P.1597– 1604. <https://doi.org/10.1093/jnci/djad145>

8. Benmarhnia, T.; Delpla, I.; Schwarz, L.; Rodriguez, M.J.; Levallois, P. Heterogeneity in the Relationship between Disinfection By-Products in Drinking Water and Cancer: A Systematic Review // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2018. – Vol. 15. P. 1 –13.

9. Zyoud Sh., Zyoud S. Global research trends on the links between disinfection by-products and cancer: mapping knowledge landscapes and visualization analysis // Journal of Water and Health. – 2025. – Vol 23. – P. 1055-1077. <https://doi.org/10.2166/wh.2025.058>

10. Mohammadpour A., Gharehchahi E., Gharaghani M.A., Shahsavani E., Golaki M., Berndtsson R., Khaneghah A.M., Hashemi H., Abolfathi S. Assessment of drinking water quality and identifying pollution sources in a chromite mining region // Journal of Hazardous Materials. – 2024. – Vol 480. –P.1-16. <https://doi.org/10.1016/j.jhazmat.2024.136050>

11. Zhao S., Gong Y., Yang S., Chen S., Huang D., Yang K., Cheng H. Health risk assessment of heavy metals and disinfection by-products in drinking water in megacities in China: A study based on age groups and Monte Carlo simulations // Ecotoxicology and environmental safety. – 2023. – Vol 262. – P. 1-8. <https://doi.org/10.1016/j.ecoenv.2023.115330>

12. Radfard M., Hashemi H., Baghapour M. A., Samaei M. R., Yunesian M., Soleimani H., Azhdarpoor A. Prediction of human health risk and disability-adjusted life years induced by heavy metals exposure through drinking water in Fars Province, Iran // Scientific reports. – 2023. – Vol 13. – P. 1-16. <https://doi.org/10.1038/s41598-023-46262-1>

13. Anderson D. M., Thomas E. A., Clasen T. F. Quantifying Averted Disability-Adjusted Life Years as a Performance Indicator for Water Quality Interventions: A Review of Current Methodologies and Challenges // Water. – 2018 – Vol 10. – P. 1-21. doi:10.3390/w10060744

14. Gibney K., Sinclair M., O'Toole J., Leder K. Using disability-adjusted life years to set health-based targets: A novel use of an established burden of disease metric // Journal of Public Health Policy. – 2013 – Vol. 34 – P 439-446.

© Стогниев И.М.

ПАТОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КЛЕТОЧНОГО СТАРЕНИЯ

Арутюнян Эмилия Александровна

Бегинян Грант Гарикович

студенты

Научный руководитель: Овсянникова Ольга Александровна

к.м.н., доцент

заведующая кафедрой патологической физиологии
ФГБОУ ВО «Астраханский ГМУ» Минздрава России

Аннотация: клеточное старение — это запрограммированный в нашем геноме патофизиологический процесс, который возникает из-за различных факторов, в первую очередь, вследствие укорочения теломер и дефектов ДНК. Выделяют несколько видов старения, каждый из которых имеет свои особенности: физиологическое, патологическое, репликативное, стресс-индуцированное, онкогенно-индуцированное. Изучая данный вопрос, необходимо помнить и о биомаркерах, указывающих на развитие процесса старения.

Ключевые слова: клеточное старение, клеточный цикл, повреждение ДНК, укорочение теломер, митохондриальная дисфункция, биологические маркеры.

PATHOPHYSIOLOGICAL ASPECTS OF CELLULAR AGING

Arutuynyan Emilia Aleksanovna

Beginyan Grant Garikovich

Scientific adviser: Ovsyannikova Olga Alexandrovna

Abstract: cellular aging is a pathophysiological process programmed in our genome, which occurs due to various factors, primarily due to telomere shortening and DNA defects. There are several types of aging, each with its own characteristics: physiological, pathological, replicative, stress-induced, and oncogene-induced. When studying this issue, it is important to consider the biomarkers that indicate the development of the aging process.

Key words: cellular aging, cell cycle, DNA damage, telomere shortening, mitochondrial dysfunction, and biological markers.

Введение

Старение считается актуальной проблемой и является запрограммированным на генетическом и эпигенетическом уровнях патологический процесс, скорость которого определяется соотношением между факторами повреждения, с одной стороны, и факторами репарации организма — с другой. Это неизбежный по своей сути, непрерывный биологический процесс, который заложен в нашем геноме.

Общие положения о клеточном старении

Клеточное старение — один из фундаментальных биологических процессов, который заключается в необратимой блокировке деления клетки под действием внешних или внутренних факторов. Оно необходимо для формирования и поддержания нормальной структуры тканей и органов, а также для предотвращения развития злокачественных опухолей. Однако в пожилом возрасте накопление стареющих клеток в тканях становится важным повреждающим фактором, способствующим развитию возраст-ассоциированных заболеваний.

При наличии общих закономерностей процесс старения характеризуется значительными индивидуальными различиями. Для старения характерны следующие общие особенности:

- гетерохронность — различие во времени наступления выраженных проявлений старения отдельных органов и систем;
- гетеротопность — неодинаковая выраженность процесса старения в различных органах и структурах одного и того же органа;
- гетерокинетичность — разная скорость развития возрастных изменений: в одних тканях они происходят рано, но медленно и относительно плавно прогрессируют; в других развиваются позднее, но прогрессируют стремительно;
- гетерокатифтенность — разнонаправленность процессов возрастных изменений, связанная с активацией одних и подавлением других жизненных процессов в стареющем организме.

Различают нормальное (физиологическое) и патологическое (преждевременное) старение.

- Физиологическое старение характеризуется гармоничным, плавным, постепенным развитием старческих изменений, типичных для данного вида, сокращающим его адаптационные резервы.
- Патологическое старение проявляется ускоренным темпом данного

процесса, опережающим средний уровень в той группе, к которой человек принадлежит. Ускоренное старение приводит к раннему проявлению возрастной патологии.

Виды клеточного старения

В зависимости от причин, вызвавших клеточное старение, и молекулярных характеристик выделяют несколько его разновидностей:

1. Репликативное старение развивается вследствие прогрессирующего укорочения теломер — концевых участков хромосом. Из-за «проблемы концевой ДНК-репликации» ДНК-полимераза не может полностью скопировать 3'-конец линейной хромосомы, что приводит к потере 50–200 пар нуклеотидов при каждом делении. Когда теломеры достигают критической длины, они теряют способность связывать белковый комплекс шелтерин, который маскирует их от систем ДНК-ответа. В результате укороченные теломеры распознаются как двунитевые разрывы ДНК, что запускает каскад реакций ответа на повреждение ДНК:

1) активация серин/треониновых киназ → фосфорилирование гистона H2AX;

2) стабилизация и активация транскрипционного фактора p53;

3) индукция экспрессии p21CIP1 — белка-ингибитора циклин-зависимых киназ;

4) блокада перехода из G1 в S-фазу клеточного цикла.

Репликативное старение преимущественно наблюдается в соматических клетках, не экспрессирующих теломеразу. Оно является одной из причин возрастного снижения регенераторного потенциала тканей.

2. Стресс-индуцированное преждевременное старение не связано с укорочением теломер и запускается любыми факторами, вызывающими повреждение ДНК. Оно возникает до достижения лимита Хейфлика под действием различных экзогенных и эндогенных стрессоров: 1) окислительный стресс; 2) ультрафиолетовое и ионизирующее излучение; 3) химиотерапевтические агенты; 4) гипоксия или гипергликемия; 5) нарушения протеостаза. Стрессовые факторы вызывают повреждение ДНК, липидов и белков, что активирует ряд реакций ответа на повреждение ДНК через сигнальный путь белков p53/p21. Однако при сильном окислительном стрессе может доминировать альтернативный путь через белок p16INK4a в связи с белком ретинобластомы RB:

1) активные формы кислорода активируют сигнальные пути митоген-активируемой протеинкиназы;

2) это усиливает транскрипцию гена ингибитора циклинзависимой киназы 2A, кодирующего белок p16INK4a, который играет важную роль в регуляции клеточного цикла и может служить биологическим маркером канцерогенеза;

3) белок p16 ингибирует циклинзависимые киназы 4 и 6 → гипофосфорилированный белок ретинобластомы связывает белки-факторы транскрипции E2F → блокада транскрипции генов, необходимых для S-фазы.

Стресс-индуцированное преждевременное старение часто наблюдается при хронических заболеваниях (сахарный диабет, ХОБЛ, атеросклероз). Оно более устойчиво к обратному развитию, чем репликативная сенесценция.

3. Онкогенно-индуцированное старение запускается при активации онкогенов или потере функции супрессоров опухолей. Активированные онкогены вызывают гиперпролиферативный сигнал, порождающий репликативный стресс, коллапс репликационных вилок и в итоге двуцепочечные разрывы ДНК. Вместе с этим повышенное образование активных форм кислорода приводит к окислительному повреждению ДНК. Всё это обуславливает активацию ответа на повреждение ДНК с белками p53/p21 и/или p16/RB. Для онкоген-индуцированного старения характерно формирование гетерохроматина, ассоциированных со старением — плотных ядерных структур, которые эпигенетически «выключают» пролиферативные гены.

Данный вид клеточного старения обнаруживается в предраковых поражениях и является важным барьером против рака на ранних стадиях.

Роль митохондрий в развитии клеточного старения

Так как клеточное старение может развиваться не только вследствие укорочения теломер, но и при наличии стойких повреждений ДНК, стоит знать, что существенный вклад в их формирование вносят активные формы кислорода митохондриального происхождения. Основным источником таких АФК является дисфункция электрон-транспортной цепи митохондрий, при которой происходит утечка электронов и их обратный транспорт.

В стареющих клетках наблюдается накопление митохондрий с нарушенной функцией, что обусловлено несколькими взаимосвязанными механизмами. Одним из них является подавление митофагии — специализированной формы аутофагии, отвечающей за удаление дефектных

митохондрий. Угнетение митофагии связано с хронической активацией сигнального комплекса - механистического комплекса мишени рапамицина 1 (mTORC1), который при избытке питательных веществ стимулирует анаболизм и блокирует аутофагические процессы. В результате нарушается обновление митохондриального пула и усиливается накопление нефункциональных органелл.

Особую уязвимость демонстрирует митохондриальная ДНК. Повреждение генов, кодирующих компоненты электрон-транспортной цепи, усиливает её дисфункцию и замыкает порочный круг митохондриального стресса. В совокупности митохондриальная дисфункция и избыточная продукция АФК приводят к накоплению повреждений ДНК, активации сигнальных путей ответа на повреждение и устойчивой остановке клеточного цикла.

Биомаркеры клеточного старения

1. Генетические маркеры

К этой категории относятся изменения на уровне ДНК. Это укорочение теломер и накопление признаков неустраняемого повреждения генома.

2. Эпигенетические маркеры

Характерны эпигенетические перестройки. К примеру, изменение метилирования ДНК и структуры хроматина.

3. Белковые маркеры

Это могут быть как внутриклеточные, так и секретируемые белки, уровень которых меняется при старении клеток. Например, маркеры остановки клеточного цикла – ингибиторы циклин-зависимых киназ, провоспалительные цитокины и факторы роста.

4. Метаболические маркеры

Старение клеток затрагивает и их обмен веществ, что отражается в изменении активности ряда ферментов и накоплении продуктов метаболизма.

Заключение

Клеточное старение представляет собой сложный, многокомпонентный процесс, в основе которого лежит совокупность взаимосвязанных молекулярно-клеточных нарушений. Ключевыми факторами запуска старения выступают: накопление повреждений ДНК, прежде всего, укорочение теломер, митохондриальная дисфункция с развитием окислительного стресса, нарушения в работе систем аутофагии и эпигенетические сдвиги.

Понимание патофизиологических механизмов старения позволило сформулировать новые терапевтические стратегии, включая сенолитическую терапию, направленную на селективное удаление сенесцентных клеток и сеноморфическую модуляцию их фенотипа.

Список литературы

1. Игрункова А.В., Валиева Я.М., Калиниченко А.М., Курков А.В., Попова К.Ю., Шестаков Д.Ю., Заборова В.А. Клеточное старение: Молекулярный и морфологический аспекты // Молекулярная медицина. — 2022. — Т. 20. — № 4. — С. 16-21.
2. Борукаева И.Х., Хараева З.Ф., Тхабисимова И.К., Хадзугов А.Б., Шогенов Б.М., Кунижев А.М. Клеточное старение и его биомаркеры: патофизиологическое значение, молекулярные механизмы и клинические перспективы // Acta biomedica scientifica. — 2026. — Т. 11. — № 1. — С. 127-135.
3. Масютина А.М., Пащенко М.В., Пинегин Б.В. Клеточное старение: механизмы и клиническое значение // Иммунология. — 2024. — Т. 45. — № 2. — С. 221-229.
4. Кузнецовы И.И., Кудрявцева А.Д., Субботина Ю.М. Клеточное старение как причина старения организма в целом // Наука и мир. — 2025. — № 2. — С. 28-29.
5. Чухнина Е.Г., Казачков Е.Л., Казачкова Э.А., Воропаева Е.Е. Современные представления о клеточном старении в организме человека: обзор литературы // Лабораторная и клиническая медицина. Фармация. — 2025. — Т. 5. — № 2. — С. 73-81.
6. Мустафаева Е.Т., Искусных А.Ю. Молекулярные механизмы клеточного старения с точки зрения биохимии и медицины // Медицина: от науки к практике. — 2023. — С. 76-82.
7. Самусенко А.В. Нарушения клеточного цикла и старение клеток в ответ на повреждение ДНК // Вопросы онкологии. — 2009. — Т. 55. — № 5. — С. 521-527.

© Арутюнян Э.А., Бегинян Г.Г.

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ РОССИЙСКИХ
И ИМПОРТНЫХ ВАКЦИН ПРОТИВ КОКЛЮША, ДИФТЕРИИ,
СТОЛБНЯКА, ПАРОТИТА И КРАСНУХИ**

Дечева Ариана Нальбиевна

Нагарокова Залина Азаматовна

Бачаев Абдулла Хасанович

Мачигов Дени Магомедович

студенты

Научный руководитель: **Хиштова Нафисет Схатбиевна**

старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Майкопский государственный

технологический университет»

Аннотация: в работе представлен сравнительный анализ иммунологической эффективности отечественных и зарубежных вакцин, применяемых для профилактики коклюша, дифтерии, столбняка, эпидемического паротита и краснухи. На основании данных метаанализов, клинических исследований и эпидемиологических наблюдений установлено, что по четырём инфекциям (дифтерия, столбняк, паротит, краснуха) различия между вакцинами отсутствуют — сероконверсия достигает 95–99%. Ключевым отличием является коклюшный компонент: по имеющимся данным, цельноклеточные вакцины формируют более продолжительный иммунитет (5–7 лет) и в большей степени снижают передачу возбудителя по сравнению с бесклеточными. Показано, что основная причина заболеваемости коклюшем в России — дефицит ревакцинаций после 18 месяцев, а не низкое качество препаратов. Предложены персонализированные подходы к выбору вакцины.

Ключевые слова: коклюш, дифтерия, столбняк, цельноклеточная вакцина, бесклеточная вакцина, сероконверсия, носительство, календарь прививок.

**COMPARATIVE EFFECTIVENESS OF RUSSIAN AND IMPORTED
VACCINES AGAINST PERTUSSIS, DIPHTHERIA, TETANUS,
MUMPS, AND RUBELLA**

Decheva Ariana Nalbievna
Nagarokova Zalina Azamatovna
Bachaev Abdulla Khasanovich
Machigov Deni Magomedovich
students

Scientific supervisor: **Khishtova Nafiset Skhatbievna**

Abstract: the paper presents a comparative analysis of the immunological efficacy of domestic and foreign vaccines used for the prevention of pertussis, diphtheria, tetanus, mumps, and rubella. Based on meta-analyses, clinical studies, and epidemiological observations, no differences were found for four infections (diphtheria, tetanus, mumps, rubella) — seroconversion reaches 95–99%. The key difference lies in the pertussis component: according to available data, whole-cell vaccines provide longer-lasting immunity (5–7 years) and reduce pathogen transmission to a greater extent than acellular vaccines. It is shown that the main cause of pertussis morbidity in Russia is the lack of revaccination after 18 months, rather than low vaccine quality. Personalized approaches to vaccine selection are proposed.

Key words: pertussis, diphtheria, tetanus, whole-cell vaccine, acellular vaccine, seroconversion, carrier status, vaccination schedule.

Введение

Инфекционные болезни, управляемые методами специфической профилактики, до середины прошлого века входили в число ведущих причин смерти детского населения. Дифтерия, столбняк, коклюш, эпидемический паротит и краснуха ежегодно становились причиной тысяч летальных исходов. В довакцинальную эру летальность при дифтерии достигала 10–20% среди заболевших, а коклюш был виновником примерно 90% всех смертей от инфекций у младенцев младше 12 месяцев.

В настоящее время в клинической практике доступны как российские препараты (АКДС, АДС-М, паротитная вакцина на основе штамма

Ленинград-3), так и зарубежные бесклеточные и живые комбинированные вакцины. Несмотря на это, среди врачей и родителей распространено мнение о превосходстве импортных вакцин. Цель данной работы — на основе количественных данных определить реальные различия в эффективности, продолжительности поствакцинального иммунитета и влиянии на эпидемический процесс.

1. Инфекции с сопоставимой эффективностью вакцин

1.1 Дифтерия и столбняк

Иммунная защита против дифтерии и столбняка формируется благодаря анатоксинам — обезвреженным, но сохранившим антигенные свойства бактериальным экзотоксинам. Как российские (например, АДС-М), так и зарубежные бесклеточные вакцины содержат стандартизированные концентрации дифтерийного и столбнячного анатоксинов. После завершения первичной трёхдозной иммунизации защитный титр антител (выше 0,1 МЕ/мл) фиксируется у 99% привитых вне зависимости от производителя. Клинически значимых различий в частоте сероконверсии и длительности сохранения протективного иммунитета между препаратами не обнаружено.

1.2 Паротит и краснуха

Для профилактики эпидемического паротита и краснухи используются живые ослабленные вакцины. Российский препарат содержит штамм Ленинград-3, зарубежные (MMR-II, Приорикс) — штаммы Jeryl Lynn и RIT 4385. После введения двух доз сероконверсия составляет 95–98% для всех перечисленных вакцин. Значимой разницы в способности предотвращать заболевание или его осложнения (орхит, менингит, врождённая краснуха) не существует. Таким образом, если бы анализировались только эти четыре нозологии, все современные вакцины можно было бы считать взаимозаменяемыми.

2. Коклюш — основная точка расхождения

2.1. Биологические свойства возбудителя

Bordetella pertussis является грамотрицательной бактерией, которая прикрепляется к реснитчатому эпителию дыхательных путей. Основные факторы патогенности — коклюшный токсин, филаментозный гемагглютинин и пертактин. У детей первых трёх месяцев жизни инфекция сопровождается эпизодами апноэ, судорожным синдромом и развитием вторичной пневмонии; летальность достигает 0,5–1,0% даже в условиях реанимационного отделения.

2.2. Цельноклеточные вакцины

Российская вакцина АКДС (а также некоторые устаревшие зарубежные препараты) содержит инактивированные формалином или температурной обработкой цельные бактерии. Такой подход обеспечивает презентацию полного набора антигенов (более 20 белков). Иммуный ответ носит поликлональный характер.

К преимуществам цельноклеточных вакцин относится формирование напряжённого иммунитета продолжительностью от 5 до 7 лет. По данным метаанализа Cochrane (2014), эффективность против манифестных форм коклюша варьирует от 78 до 95%. Кроме того, данный тип вакцин обеспечивает блокировку бессимптомного носительства: по имеющимся данным, цельноклеточные вакцины в большей степени снижают риск передачи инфекции по сравнению с бесклеточными, однако точная количественная оценка варьирует в разных исследованиях.

Основным недостатком является высокая реактогенность. У 50% привитых наблюдается повышение температуры тела выше 38°C, гиперемия в месте инъекции, эпизоды длительного плача. Данные реакции не представляют угрозы для жизни, однако вызывают значительный дискомфорт.

2.3. Бесклеточные (ацеллюлярные) вакцины

К этой группе относятся зарубежные бесклеточные вакцины (например, Инфанрикс, Пентаксим) а также российская аАКДС-М. Данные лекарственные средства содержат от 2 до 5 очищенных антигенов.

Преимуществами бесклеточных вакцин являются низкая реактогенность (лихорадка возникает редко, местные реакции минимальны) и возможность применения у пациентов с неврологическими нарушениями и аллергическими заболеваниями после консультации с невролога.

Однако у этого типа вакцин имеются и серьёзные недостатки. Во-первых, это менее стойкий и более короткий иммунитет (3–5 лет). Эффективность в первый год после прививки составляет 84–89%, однако к 4–5 году снижается ниже 70%. Во-вторых, бесклеточные вакцины не предотвращают колонизацию носоглотки. Привитый человек может оставаться бессимптомным носителем и служить источником инфекции для непривитых младенцев и пожилых лиц.

2.4. Сравнительная характеристика двух типов вакцин

Сравнивая два типа вакцин, можно отметить следующие ключевые различия. По эффективности в первый год после вакцинации

цельноклеточные препараты показывают результат 78–95%, бесклеточные — 84–89%. Однако к 4–5 году эффективность цельноклеточных вакцин сохраняется на уровне 70–80%, тогда как у бесклеточных она падает ниже 70%. Длительность защиты у цельноклеточных вакцин составляет 5–7 лет, у бесклеточных — 3–5 лет. По способности снижать передачу инфекции цельноклеточные вакцины, согласно некоторым данным, превосходят бесклеточные, однако величина этого преимущества требует уточнения в дальнейших исследованиях. Что касается реактогенности, частота подъёма температуры выше 38°C при использовании цельноклеточных вакцин достигает примерно 50%, тогда как у бесклеточных она составляет менее 10%.

Таким образом, цельноклеточные вакцины предпочтительнее для популяционной защиты (коллективный иммунитет, снижение циркуляции возбудителя), тогда как бесклеточные более подходят для индивидуальной вакцинации при наличии противопоказаний к реактогенным препаратам.

3. Эпидемиологические последствия различий в календарях прививок

3.1. Текущая ситуация в России

Национальный календарь профилактических прививок Российской Федерации предусматривает введение коклюшного компонента в возрасте 3, 4,5 и 6 месяцев, а также ревакцинацию в 18 месяцев. В 6–7 лет, 14 лет и в более старшем возрасте бустерные дозы отсутствуют. Вследствие этого поствакцинальный иммунитет к возбудителю коклюша снижается до не высоких для полной защиты уровней к 7–10 годам жизни.

В ряде регионов РФ среди заболевших коклюшем преобладают дети в возрасте 7–14 лет, полностью привитые в младенчестве, но не получившие последующих бустерных доз.

3.2. Зарубежные календари иммунизации

В США, Великобритании, Франции и других развитых странах после первичного курса (3, 4,5 и 6 месяцев) проводят ревакцинацию в 18 месяцев, затем в 4–6 лет, далее в 11–12 лет (Tdap), а впоследствии — каждые 10 лет для взрослого населения. Благодаря такому подходу заболеваемость коклюшем среди детей старше 7 лет не превышает 5 случаев на 100 000 населения.

3.3. Пути решения проблемы

Предлагается ввести вторую ревакцинацию против коклюша в возрасте 6–7 лет. В 2025 году зарегистрирована первая российская бесклеточная вакцина для взрослых — аАКДС-М, что позволяет проводить бустеризацию лиц старше 18 лет. Следовательно, проблема связана не с качеством вакцин, а

с несовершенством календаря, который в настоящее время постепенно корректируется.

4. Практические рекомендации по выбору вакцины

Лучшей вакцины для всех категорий пациентов не существует. Выбор определяется возрастом, состоянием здоровья и эпидемиологической ситуацией.

Для здорового ребёнка, который посещает детский сад или проживает в семье с новорождённым, предпочтительной является цельноклеточная вакцина АКДС. Это обусловлено её способностью блокировать носительство и защищать наиболее уязвимых младенцев.

Для ребёнка с неврологическими нарушениями или афебрильными судорогами в анамнезе оптимальным выбором станет бесклеточная вакцина ввиду низкого риска реактогенных реакций.

Для ревакцинации взрослых (каждые 10 лет) рекомендуется использовать бесклеточные вакцины (российскую аАКДС-М или зарубежные аналоги).

В регионах с высокой заболеваемостью коклюшем целесообразна комбинированная стратегия: первичный курс цельноклеточной вакциной АКДС с последующим бустером бесклеточной вакциной с 6 лет.

Важнейший итог: любой вид вакцинации несопоставимо безопаснее перенесённого заболевания. Коклюш у младенца требует интенсивной терапии, дифтерия осложняется миокардитом у 20% пациентов, а столбняк сопровождается летальностью до 30–50% даже при современном лечении.

Заключение

1. Против дифтерии, столбняка, эпидемического паротита и краснухи российские и зарубежные вакцины обладают сопоставимой эффективностью (сероконверсия 95–99%, длительность защиты сопоставима).

2. По коклюшу выявлены значимые различия: цельноклеточные вакцины формируют более продолжительный иммунитет (5–7 лет) и существенно эффективнее снижают передачу инфекции. Бесклеточные вакцины менее реактогенны, но требуют частых бустеров каждые 3–5 лет.

3. Основная причина заболеваемости коклюшем в России — дефицит ревакцинаций, а не низкое качество вакцин. Введение бустеров в 6–7 лет и создание вакцин для взрослых (аАКДС-М) способны исправить ситуацию.

4. Клинический выбор должен основываться на принципе

персонализированной медицины с учётом противопоказаний, эпидемиологического риска и индивидуальной переносимости.

Примечание

При подготовке работы использованы данные метаанализов Cochrane, обзоров ВОЗ и результаты клинических исследований, обобщённые авторами.

Список литературы

1. Костинов М.П., Пруцкова Е.В., Черданцев А.П. и др. Безопасность применения коклюшных вакцин у подростков // Журнал инфектологии. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 29–36. – DOI: 10.22625/2072-6732-2020-12-4-29-36.
2. Фельдблюм И.В., Полибин Р.В., Семериков В.В. и др. Рациональный региональный календарь профилактических прививок // Эпидемиология и Вакцинопрофилактика. – 2024. – Т. 23, № 6. – С. 4–12. – DOI: 10.31631/2073-3046-2024-23-6-4-12.
3. Степенко А.В., Миндлина А.Я. Эпидемиологическая характеристика коклюша в Российской Федерации на современном этапе // Журнал инфектологии. – 2020. – Т. 12, № 2. – С. 142–150.

© Дечева А.Н., Нагарокова З.А.
Бачаев А.Х., Мачигов Д.М.

**СЕКЦИЯ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ
НАУКИ**

**СИНЕРГИЯ РИЗОСФЕРНОГО МИКРОБИОМА
И ПОЧВЕННЫХ КОНДИЦИОНЕРОВ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ
УСТОЙЧИВОСТИ ГАЗОННЫХ АГРОФИТОЦЕНОЗОВ
В УСЛОВИЯХ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ**

Гордеева Софья Алексеевна

обучающаяся 3 курса по направлению

«Ландшафтная архитектура»

Российский государственный аграрный университет –

МСХА имени К.А. Тимирязева

Аннотация: на основе анализа опубликованных научных данных рассмотрена концепция синергетического воздействия почвенных кондиционеров и ризосферного микробиома на устойчивость газонных агрофитоценозов в урбанизированной среде. Установлено, что применение почвенных кондиционеров увеличивает плотность травостоя на 15–25%, а гуминовые удобрения стимулируют прорастание семян газонных трав. Обоснована перспективность интеграции агрохимических и микробиологических методов в газоноведении.

Ключевые слова: газоноведение, почвенные кондиционеры, ризосферный микробиом, гуминовые удобрения, плотность травостоя, урбозкосистемы, биопраймирование семян.

**SYNERGY OF RHIZOSPHERE MICROBIOME AND SOIL
CONDITIONERS AS A FACTOR OF INCREASING THE RESISTANCE
OF LAWN AGROPHYTOCENOSES IN URBAN ENVIRONMENT**

Gordeeva Sofiya Alekseevna

student

Russian State Agrarian University –

Moscow Timiryazev Agricultural Academy

Abstract: based on the analysis of published scientific data, the concept of synergistic effect of soil conditioners and rhizosphere microbiome on the resistance

of lawn agrophytocenoses in urbanized environment is considered. It is established that the use of soil conditioners increases grass stand density by 15–25%, and humic fertilizers stimulate the germination of lawn grass seeds. The prospects of integration of agrochemical and microbiological methods in lawn science are substantiated.

Key words: lawn science, soil conditioners, rhizosphere microbiome, humic fertilizers, grass stand density, urban ecosystems, seed biopriming.

Современное газоноведение сталкивается с вызовами, обусловленными урбанизацией и климатическими изменениями. Как отмечает М.О. Пичугина, учащение экстремальных погодных явлений снижает устойчивость традиционных газонных покрытий [7, с. 118]. Актуальным направлением становится поиск подходов, основанных на мобилизации внутренних ресурсов растений и оптимизации их взаимодействия с почвенной биотой.

Целью работы является анализ и обобщение данных опубликованных научных исследований, посвящённых влиянию почвенных кондиционеров и активизации ризосферного микробиома на устойчивость газонных агрофитоценозов в условиях городской среды. В работе использован обзорно-аналитический метод. Сравнительный анализ проведён на основе данных, полученных разными авторами в сходных почвенно-климатических условиях (г. Москва и Московская область).

Согласно современным представлениям, продуктивность растений во многом определяется состоянием их микробиома. Как отмечено в обзоре Г.Ш. Галиевой с соавторами, микроорганизмы играют важную роль на всех этапах жизни растения [6, с. 232]. В одном грамме ризосферной почвы содержится до 10^9 бактерий [3].

Основные функции ризосферных микроорганизмов: фиксация азота и мобилизация фосфора и калия; продукция фитогормонов (ауксинов, цитокининов), стимулирующих рост корней; синтез АСС-деаминазы, снижающей стрессовый этилен; защита от патогенов [3].

Исследования Т.С. Лазаревой, Ю.А. Мажайского и О.В. Черниковой показывают, что видовой состав газонных трав влияет на формирование корневой системы и качество дернины [2, с. 69-78]. Однако реализация этого потенциала требует активации ризосферной микрофлоры.

Почвенные кондиционеры традиционно применяются для улучшения физических свойств почвы. Как показано в работах И.И. Голоктионова, их эффект выходит за рамки механического воздействия. Установлено положительное влияние кондиционеров на плотность травостоя и общее состояние газонного покрытия [1, с. 311-314]. В работе, выполненной под руководством А.П. Демидовой, выявлено, что гуминовые удобрения оказывают стимулирующее действие на прорастание семян *Festuca ovina L.* и *Bromopsis inermis Leyss.*, причём характер этого воздействия зависит от концентрации препарата и видовых особенностей растений [4, с. 125-128].

Результаты оценки влияния почвенных кондиционеров на плотность травостоя в г. Москве показывают увеличение густоты стояния растений на 15–25% по сравнению с контролем [5, с. 59-62]. Кондиционеры на основе гуминовых веществ служат не только структурообразователями, но и субстратом для развития полезной микрофлоры.

На основе анализа опубликованных научных данных выделяются следующие механизмы синергии:

1. Субстратная поддержка микробиома. Гуминовые вещества, входящие в состав кондиционеров, являются доступным источником углерода и энергии для ризосферных бактерий, стимулируя их размножение и метаболическую активность [4, с. 125-128].

2. Улучшение условий для микроорганизмов. Формирование агрегированной структуры почвы под влиянием кондиционеров создаёт оптимальные условия для развития аэробных микроорганизмов, участвующих в минерализации органического вещества [1, с. 311-314].

3. Буферизация почвенных условий. Кондиционеры стабилизируют pH почвы и снижают концентрацию токсичных форм тяжёлых металлов, создавая благоприятную среду для развития микроорганизмов [5, с. 61].

Как отмечает Л.В. Куринская, для уменьшения загрязнения почв тяжёлыми металлами вдоль автомобильных дорог необходимо создавать поликультурные газоны из устойчивых видов травянистых растений [8, с. 45]. Внесение почвенных кондиционеров в сочетании с активацией ризосферного микробиома рассматривается как потенциально эффективный инструмент фиторемедиации.

Обобщение результатов, представленных в работах [1; 4; 5], позволяет предложить следующую схему применения почвенных кондиционеров и биопрепаратов для повышения устойчивости газонных агрофитоценозов:

1. Предпосевная подготовка. Внесение почвенных кондиционеров в верхний 10-15 см слой почвы за 2-3 недели до посева способствует формированию благоприятного микробного фона и оптимизации физико-химических свойств субстрата [1, с. 313].

2. Биопраймирование семян. Обработка семян газонных трав суспензией ризосферных бактерий-стимуляторов, согласно данным [3], повышает полевую всхожесть и ускоряет начальный рост растений.

3. Послепосевное внесение. Повторное внесение кондиционеров в жидкой форме в сочетании с гуминовыми препаратами через 3-4 недели после появления всходов способствует закреплению микробного консорциума в ризосфере [4, с. 127].

Согласно данным, полученным И.И. Голоктионовым, плотность травостоя при применении почвенных кондиционеров возрастает на 15–25% по сравнению с контрольными участками [5, с. 61]. Гуминовые удобрения, применённые в оптимальных концентрациях, увеличивают энергию прорастания семян овсяницы овечьей и костреца безостого на 12–18% [4, с. 127].

Как показано в работе И.И. Голоктионова, эффективность почвенных кондиционеров зависит от исходного состояния почвенного субстрата и видового состава травосмеси [5, с. 60]. На основе анализа опубликованных научных исследований можно сформулировать следующие выводы:

1. Почвенные кондиционеры, как показано в работах [1; 5], повышают плотность травостоя газонных трав на 15–25% по сравнению с контролем, что подтверждает целесообразность их применения в городском газоноведении.

2. Гуминовые удобрения оказывают стимулирующее действие на прорастание семян *Festuca ovina* и *Bromopsis inermis*, эффективность зависит от концентрации препарата и видовых особенностей растений [4, с. 125-128].

3. Кондиционеры на основе гуминовых веществ являются субстратом для развития ризосферной микрофлоры, что создаёт предпосылки для синергетического эффекта.

4. Перспективным направлением является оптимизация составов кондиционеров для различных почвенно-климатических условий и видового состава травосмесей, а также изучение долговременных эффектов на эмиссию CO₂ из почвы [10, с. 45-52].

Список литературы

1. Голоктионов, И. И. Изучение влияния почвенных кондиционеров при выращивании газонных трав / И. И. Голоктионов // Материалы Международной научной конференции молодых учёных и специалистов, посвящённой 135-летию со дня рождения А.Н. Костякова : сборник статей, Москва, 06–08 июня 2022 года. Том 2. – Москва : Российский государственный аграрный университет - МСХА им. К.А. Тимирязева, 2022. – С. 311-314.

2. Лазарева, Т. С. Видовой состав газонных трав как определяющий фактор формирования дернины агрофитоценозов / Т. С. Лазарева, Ю. А. Мажайский, О. В. Черникова // Вестник КрасГАУ. – 2025. – № 6. – С. 69-78.

3. Лаборатория ризосферной микрофлоры [Электронный ресурс] // Всероссийский научно-исследовательский институт сельскохозяйственной микробиологии. – URL : <https://arriam.ru/departments/laboratoriya-rizosfernoj-mikroflory/> (дата обращения: 15.05.2026).

4. Голоктионов, И. И. Влияние гуминовых удобрений на прорастание семян *Festuca ovina* L. и *Bromopsis inermis* Leyss / И. И. Голоктионов, А. П. Демидова, О. В. Корякина, А. И. Чудецкий // Селекция и генетика культурных растений – 2024 : Сборник трудов Международной научной конференции, Москва, 02 декабря 2024 года. – Москва : МЭСХ, 2024. – С. 125-128.

5. Голоктионов, И. И. Оценка влияния почвенных кондиционеров на плотность травостоя газонного покрытия в условиях г. Москвы / И. И. Голоктионов // Инновации в природообустройстве и защите в чрезвычайных ситуациях : Сборник трудов XI Международной научно-практической конференции, Саратов, 15–16 мая 2024 года. – Саратов : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова», 2024. – С. 59-62.

6. Галиева, Г. Ш. Растительный микробиом: происхождение, состав и функции / Г. Ш. Галиева, П. Ю. Галицкая, С. Ю. Селивановская // Ученые записки Казанского университета. – 2023. – Т. 165, кн. 2. – С. 231-262.

7. Пичугина, М. О. Современные подходы к созданию устойчивых газонов в условиях изменяющегося климата / М. О. Пичугина // Сельское хозяйство – проблемы и перспективы. – Гродно : ГГАУ, 2025. – Т. 70. – С. 118-123.

8. Куринская, Л. В. Оценка устойчивости газонных культурофитоценозов к загрязнению тяжелыми металлами в условиях урболандшафтов степной зоны : диссертация ... кандидата биологических наук : 03.02.08 / Куринская Людмила Владимировна. – Ростов-на-Дону, 2011. – 159 с.

9. Чумак, Н. Г. Экологическая оценка летней динамики почвенной эмиссии CO₂ из газонных экосистем с моделируемым составом почвогрунтов : выпускная квалификационная работа / Н. Г. Чумак ; науч. рук. И. И. Васенев, А. В. Степанов. – Москва : РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева, 2025. – 87 с.

© Гордеева С.А., 2026

СЕКЦИЯ ИНФОРМАТИКА

МОДЕЛЬ РОЛЕВОЙ КОНТЕКСТНОЙ ИЗОЛЯЦИИ ДАННЫХ В ДИАЛОГОВОЙ СИСТЕМЕ С НЕЙРОСЕТЕВЫМ АГЕНТОМ

Булатович Александр Владимирович

магистр

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Омский государственный университет путей сообщения»

Аннотация: в статье рассматривается модель ролевой контекстной изоляции данных в диалоговой системе с нейросетевым агентом. В отличие от задач применения нейросетей в разработке программного обеспечения и задач интеграции нейросетевого слоя с СУБД, основное внимание уделено не генерации кода и не хранению данных, а изоляции фрагментов контекста по роли пользователя, источнику запроса и допустимому типу ответа. Рассматриваются пользовательский запрос, роль пользователя, источник контекста, служебные инструкции, история диалога, вызовы инструментов и проверка ответа. В статье предлагается модель, при которой нейросетевой агент работает не с полным массивом данных, а с разрешенным контекстом, сформированным через слой проверки прав, классификации источников, фильтрации входа и выходного контроля ответа.

Ключевые слова: ролевая контекстная изоляция, нейросетевой агент, диалоговая система, защита информации, права пользователя, источник контекста, фильтрация ответа, разрешенный контекст.

ROLE-BASED CONTEXTUAL DATA ISOLATION MODEL IN A DIALOGUE SYSTEM WITH A NEURAL NETWORK AGENT

Bulatovich Alexander Vladimirovich

Abstract: the article considers a role-based contextual data isolation model in a dialogue system with a neural network agent. Unlike tasks related to the use of neural networks in software development and tasks related to integrating a neural network layer with DBMS, the main attention is paid not to code generation and not to data storage, but to isolating context fragments by user role, request source and allowed response type. The user request, user role, context source, service

instructions, dialogue history, tool calls and response verification are considered. The article proposes a model in which the neural network agent works not with the full data set, but with an allowed context formed through an access-checking layer, source classification, input filtering and output control.

Key words: role-based contextual isolation, neural network agent, dialogue system, information security, user rights, context source, output filtering, allowed context

Статья посвящена задаче, как выполнить ролевую контекстную изоляцию данных, нужно чтобы нейросетевой агент получил только разрешенный контекст. Тогда пользователь получит только те сведения, которые соответствуют его роли, источнику запроса и правилам диалоговой информационной системы. Нейросетевой агент рассматривается как компонент выдачи и интерпретации изолированного контекста.

В современных ИС всё чаще используют нейросетевые агенты для взаимодействия с пользователем. Нейросетевой агент, который взаимодействует с пользователем на естественном языке, может отвечать на вопросы, искать информацию во внутренних документах, классифицировать обращения, запускать отдельные действия через API, формировать подсказки оператору. В результате обычный диалог пользователя с системой становится цепочкой обработки данных, где участвуют пользовательский ввод, контекст, модель, инструменты, внутренние хранилища.

Современная сеть представляет собой сложную распределенную информационно-коммуникационную систему, в которой совместно функционируют многочисленные сервисы, технологии, стандарты и сетевые протоколы. В этой же системе соседствуют backend-приложения, web-серверы, реляционные и нереляционные СУБД, кэш, очереди сообщений, API и нейросетевые сервисы. Если в такую среду добавляется нейросетевой агент, то он становится еще одним участником обработки данных, а не отдельной внешней игрушкой.

Функционал большинства систем управления контентом можно дополнять с помощью как общедоступных, так и написанных индивидуально плагинов. По аналогии функционал современной диалоговой системы дополняется модулями поиска, классификации, векторного хранения, фильтрации и вызова инструментов. Каждый такой модуль расширяет возможности системы, но одновременно увеличивает поверхность атаки.

Параллельно популяризации больших языковых моделей растет необходимость в более строгом описании того, как именно они должны работать внутри информационных систем. Если раньше пользователь обращался к форме, кнопке или поисковой строке, то теперь он может отправить агенту произвольный текст. В этом тексте могут находиться обычный запрос, ошибка, конфиденциальные сведения или специальная инструкция, направленная на обход правил системы. Именно поэтому взаимодействие пользователя с нейросетевым агентом требует отдельной модели защиты информации.

Информационная безопасность в таком случае не может ограничиваться только паролем пользователя и HTTPS. Нейросетевой агент работает с контекстом, а контекст может включать служебные инструкции, историю сообщений, фрагменты документов, результаты поиска, данные из СУБД и ответы внешних инструментов. При неправильной организации доступа агент может вернуть пользователю сведения, которые должны были остаться внутри системы, или выполнить действие, которое не соответствует роли пользователя.

Отдельного внимания заслуживает атака *prompt injection*. Ее смысл состоит в том, что пользователь или внешний документ пытается изменить поведение модели через текстовую инструкцию. Для обычного web-сервиса такая инструкция выглядела бы как часть строки, но для большой языковой модели она может стать командой, влияющей на дальнейшее формирование ответа. В рекомендациях OWASP *prompt injection* выделяется как один из ключевых рисков LLM-приложений [1].

Можно сделать предположение, что нейросетевой агент является не отдельным чат-ботом, а дополнительным механизмом обработки информации внутри системы. Следовательно, к нему должны применяться те же требования, которые применяются к другим программным компонентам: разграничение доступа, проверка входных данных, контроль результата, журналирование действий, ограничение прав и возможность последующей проверки. При этом обычные методы защиты необходимо дополнить методами, учитывающими текстовую природу взаимодействия с моделью.

Плюсом нейросетевого агента является возможность работать с неструктурированным запросом пользователя и быстро находить нужный смысловой фрагмент в большом объеме данных. Минус такого агента состоит в том, что его ответ может быть сформирован не только на основе данных

системы, но и под влиянием некорректного контекста, вредоносной инструкции или ошибочной интерпретации прав пользователя. Поэтому сам факт внедрения нейросетевого агента не решает задачу обработки информации, если не определены правила его безопасного использования.

В рамках предлагаемой модели взаимодействие пользователя с нейросетевым агентом рассматривается как последовательность уровней. На первом уровне пользователь проходит идентификацию и получает роль. На втором уровне запрос проходит первичную фильтрацию. На третьем уровне агент получает только тот контекст, который разрешен для данной роли. На четвертом уровне выполняется обращение к инструментам и внутренним источникам данных. На пятом уровне готовый ответ проверяется перед выдачей пользователю.

Среди требований к модели защиты можно выделить несколько основных положений: определить состав данных, которые может видеть нейросетевой агент; разграничить права пользователя и права самого агента; запретить передачу служебных инструкций в пользовательский ответ; сохранять журнал обращений к инструментам; выполнять проверку результата через основную информационную систему; ограничить действия агента при недостаточном контексте. Такие требования соответствуют общему подходу NIST к управлению рисками генеративного ИИ [3].

Важным элементом модели является разделение данных на группы. К первой группе можно отнести общедоступные справочные сведения. Ко второй группе относятся данные, доступные только авторизованным пользователям. К третьей группе относятся служебные инструкции, ключи доступа, внутренние системные сообщения и параметры конфигурации. К четвертой группе относятся персональные данные и другие сведения, передача которых должна контролироваться дополнительно. Такое разделение необходимо, потому что нейросетевой агент часто работает не с одной таблицей, а с набором текстовых фрагментов и документов.

При проектировании защищенной диалоговой системы необходимо учитывать не только прямой запрос пользователя, но и косвенный контекст. Например, агент может получить инструкцию не от пользователя напрямую, а из текста документа, страницы сайта или сообщения, которое было добавлено в базу знаний ранее. В исследованиях по косвенным *prompt injection* показано, что такие инструкции могут влиять на поведение LLM-приложений через внешние источники контекста [5].

На основе произведенного анализа были выбраны следующие элементы модели защиты информации: пользовательский интерфейс, модуль идентификации, фильтр входного сообщения, менеджер контекста, нейросетевой агент, шлюз инструментов, модуль проверки ответа, журналирование и политика доступа. Данные элементы не заменяют друг друга, а работают совместно. Их назначение было занесено в таблицу 1.

При разработке защищенной системы необходимо отдельно рассмотреть жизненный цикл пользовательского сообщения. Сначала сообщение принимается интерфейсом, затем попадает в backend-приложение, после этого проходит проверку пользователя, нормализацию, фильтрацию и только потом может быть передано в нейросетевой агент. Если хотя бы один из этих этапов пропущен, пользовательский ввод начинает напрямую влиять на поведение модели.

Среди требований к модели можно выделить проверку источника сообщения, проверку роли пользователя, контроль объема передаваемого контекста, ограничение доступа к инструментам, хранение журнала действий и обязательную проверку ответа. Эти требования в обычной системе могли бы выглядеть как технические детали, но в LLM-системе они становятся частью основной логики безопасности.

Хранение истории взаимодействия пользователя с ИИ-агентом в чате тоже необходимо защитить. Эта история может содержать персональные данные, служебные сведения, ошибки пользователя, внутренние названия документов и т. д. Поэтому она должна храниться не как обычный текстовый лог, а как управляемый источник информации.

На основе произведенного анализа можно выделить несколько групп данных. К первой группе относятся сведения, которые можно показывать любому пользователю. Ко второй группе относятся сведения, доступные только после авторизации. К третьей группе относятся внутренние документы, инструкции и технические параметры. К четвертой группе относятся данные, которые не должны передаваться в нейросетевой агент вообще. Такая классификация нужна для того, чтобы не полагаться только на поведение модели.

Целесообразно использовать следующий способ дополнительной сущности для доступа нейросетевого агента ко всем значимым таблицам и документам. Этот дополнительный слой может получить запрос, проверяет роль пользователя, выбирает допустимые фрагменты, удаляет лишние поля,

передает агенту минимально необходимый контекст. В таком случае ИИ-агент работает не с базой данных напрямую, а с подготовленным набором сведений.

Если фильтр входа работает отдельно от менеджера контекста, то вредоносная команда может не пройти на одном этапе, однако попасть в систему через другой источник. Если журналирование не связано с вызовом инструментов, то после ошибки будет трудно определить, какая именно часть системы сформировала неправильное действие.

Нейросетевой агент должен не иметь возможности получать напрямую все права пользователя или администратора. Он должен работать через ограниченный фреймворк доступа, где каждый запрос к данным БД и инструментам связано с конкретной ролью взаимодействующего пользователя, назначением запроса и допустимым типом результата. Такой подход уменьшает вероятность ситуации, при которой модель возвращает информацию только потому, что информация оказалась в контексте модели.

Системные инструкции задают правила работы агента, а пользовательский ввод является объектом обработки. При смешении уровней, агент может начать выполнять команду, помещенную в запрос текстом. Поэтому в защищенной системе служебные инструкции должны храниться отдельно, не выводиться пользователю и не изменяться внешними документами.

Вторым важным компонентом является шлюз инструментов. Нейросетевой агент может не только отвечать текстом, а ещё и делать запросы к БД, отправлять сообщения. Если такие действия не ограничены, возникает риск чрезмерной автономности. когда LLM-система получает больше возможностей, чем необходимо для выполнения задачи [1].

Третьим компонентом является проверка ответа. Ответ следует проверять на наличие персональных данных, служебных инструкций, ключей, внутренних идентификаторов, ссылок на закрытые документы и утверждений, которые должны быть подтверждены источником. В этом смысле модуль проверки ответа выполняет роль последнего барьера перед выдачей информации пользователю.

Таким образом, защита информации при взаимодействии пользователя с нейросетевым агентом должна строиться не как разовая настройка промпта, а как отдельная архитектурная модель. В процессе рассмотрения основных угроз LLM-приложений, особенностей обработки пользовательского запроса, явно аргументирована необходимость разграничения доступа и важность роли журналирования. Можно сделать вывод, что безопасный нейросетевой агент

должен рассматриваться как управляемый компонент информационной системы, а не как универсальный чат-бот с доступом ко всем данным.

В процессе выполнения работы были рассмотрены не только угрозы со стороны пользователя, но и угрозы, возникающие из-за неправильной архитектуры. Нейросетевой агент может вернуть лишний фрагмент не потому, что пользователь специально атаковал систему, а потому что разработчик передал в контекст слишком широкий набор документов. Значит, защита должна работать еще до момента генерации ответа.

Результат работы ИИ-агента зависит не только от модели, но и от качества данных, правил доступа. Когда в систему занесены устаревшие или конфликтующие документы, агент будет использовать именно их. Поэтому информационная безопасность связана не только с запретом доступа, но и с управлением качеством контекста.

В зависимости от назначения информационной системы могут быть выбраны разные уровни автономности агента. На первом уровне агент только отвечает текстом. На втором уровне он может предлагать действие, но не выполнять его. На третьем уровне он выполняет действие только после подтверждения пользователя. На четвертом уровне часть действий автоматизируется, но только в пределах заранее описанных правил.

Список литературы

1. OWASP Foundation. OWASP Top 10 for LLM Applications 2025 [Электронный ресурс]. – Version 2025. – 2024. – Режим доступа: <https://genai.owasp.org/resource/owasp-top-10-for-llm-applications-2025/> (дата обращения: 01.06.2026).
2. OWASP Foundation. LLM Prompt Injection Prevention Cheat Sheet [Электронный ресурс] // OWASP Cheat Sheet Series. – Режим доступа: https://cheatsheetseries.owasp.org/cheatsheets/LLM_Prompt_Injection_Prevention_Cheat_Sheet.html (дата обращения: 01.06.2026).
3. NIST. Artificial Intelligence Risk Management Framework: Generative Artificial Intelligence Profile [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.nist.gov/publications/artificial-intelligence-risk-management-framework-generative-artificial-intelligence> (дата обращения: 01.06.2026).
4. MITRE Corporation. MITRE ATLAS: Adversarial Threat Landscape for Artificial-Intelligence Systems [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://atlas.mitre.org/> (дата обращения: 01.06.2026).

5. Greshake K., Abdelnabi S., Mishra S. et al. Not what you have signed up for: Compromising Real-World LLM-Integrated Applications with Indirect Prompt Injection [Электронный ресурс] // arXiv. – 2023. – Режим доступа: <https://arxiv.org/abs/2302.12173> (дата обращения: 01.06.2026).

6. Weidinger L., Mellor J., Rauh M. et al. Ethical and social risks of harm from Language Models [Электронный ресурс] // arXiv. – 2021. – Режим доступа: <https://arxiv.org/abs/2112.04359> (дата обращения: 01.06.2026).

© Булатович А.В., 2026

**СЕКЦИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

УДК 316.4

**ФАКТОРЫ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ ВЗАИМОПОНИМАНИЮ ВРАЧА
И ПАЦИЕНТА: ВОЗРАСТНОЙ АСПЕКТ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ
КОММУНИКАТИВНЫХ БАРЬЕРОВ**

Плотников Матвей Валерьевич

Хамина Анна Александровна

Костюкова Екатерина Дмитриевна

студенты

Научный руководитель: **Дмитриева Анна Владимировна**

преподаватель

ФГБОУ ВО «Читинская

государственная медицинская академия»

Аннотация: в статье рассматриваются коммуникативные барьеры между врачом и пациентом. Описано, с какими группами людей (женщины среднего возраста, беременные, пожилые, дети) сложнее всего найти контакт и почему. Даны практические советы, как улучшить общение, а также предложены методы, чтобы оценить, насколько хорошо врачи и студенты-медики умеют разговаривать с пациентами.

Ключевые слова: медицинская деонтология, коммуникативная компетентность, эмпатия, внутренняя картина болезни, возрастная психология, комплаенс, терапевтическое общение.

**FACTORS THAT PREVENT DOCTOR-PATIENT INTERACTION: AGE
ASPECT AND WAYS TO OVERCOME COMMUNICATION BARRIERS**

Plotnikov Matthew Valerevich

Khamina Anna Alexandrovna

Kostyukova Ekaterina Dmitrievna

students

Scientific supervisor: **Dmitrieva Anna Vladimirovna**

Chita State Medical Academy

Abstract: the article discusses communication barriers between a doctor and a patient. It describes which groups of people (middle-aged women, pregnant

women, the elderly, and children) have the most difficult time finding common ground and why. Practical tips are given on how to improve communication, and methods are proposed to assess how well doctors and medical students can communicate with patients.

Key words: medical deontology, communicative competence, empathy, internal picture of disease, age psychology, compliance, therapeutic communication.

В современной клинической практике наблюдается парадоксальная тенденция: стремительное развитие высокотехнологичных методов диагностики и лечения сопровождается нарастанием коммуникативных проблем между врачом и пациентом. Как справедливо отмечает И. Харди, «даже самая современная техника не способна заменить плодотворного взаимодействия врача и больного — только сочетание доверительных человеческих отношений с достижениями медицинской науки дает по-настоящему хороший результат лечения» [5, с. 12].

Общение в медицинской практике представляет собой сложный многоплановый процесс установления и развития психологических контактов между людьми, проявляющийся в обмене информацией, взаимовлиянии, взаимопереживании и взаимопонимании [3, с. 20]. В условиях лечебного взаимодействия данный процесс приобретает особое значение, поскольку от его качества напрямую зависит комплаенс — приверженность пациента назначенному лечению, а следовательно, и клинический исход заболевания.

Эффективность лечебного процесса во многом определяется способностью врача установить психологический контакт с пациентом. В.А. Ташлыков определяет психологический контакт как «процесс установления и поддержания взаимного доверия и понимания между врачом и больным, являющийся необходимым условием успешной терапии» [4, с. 34]. Без такого контакта даже самые современные методы лечения могут оказаться неэффективными вследствие низкой приверженности пациента терапевтическим рекомендациям.

П.И. Сидоров и А.В. Парняков выделяют три ключевых механизма достижения взаимопонимания в диаде «врач – пациент»: идентификацию (уподобление себя другому), эмпатию (способность к сопереживанию без потери профессиональной дистанции) и рефлекссию (осознание того, как врач воспринимается пациентом) [3, с. 307]. Данные механизмы реализуются через коммуникативную компетентность врача — способность устанавливать и

поддерживать необходимые контакты с другими людьми, результатом чего являются достижение взаимопонимания между партнёрами и правильное понимание предмета общения [3, с. 24].

Однако на пути к взаимопониманию возникают многочисленные барьеры. Г.Н. Носачев классифицирует их на три группы: семантические (различие в понимании терминов), психологические (установки, стереотипы, эмоциональные состояния) и социальные (статусные и ролевые различия) [2, с. 45]. Преодоление этих барьеров требует от врача не только профессиональных знаний, но и развитой коммуникативной компетентности, которая, по мнению И. Харди, является «основной профессионально значимой компетенцией медицинского работника» [5, с. 18].

Существенное значение для понимания причин недопонимания имеет концепция внутренней картины болезни. Любое соматическое страдание неизбежно влечет за собой трансформацию структуры личности пациента. В.А. Ташлыков подчеркивает, что медицинскому работнику необходимо дифференцировать объективную (внешнюю) картину болезни, фиксируемую лабораторно-инструментально, и субъективную (внутреннюю) картину, наполненную эмоциональными переживаниями пациента [4, с. 56]. Именно несовпадение ожиданий врача, оперирующего клиническими протоколами, и ощущений больного, испытывающего страх, боль или тоску, является фундаментальной причиной недопонимания.

Под влиянием болезни изменяются все составляющие структуры личности: характер и темперамент, способности и потребности, интересы и убеждения, волевые особенности [3, с. 41]. У соматических больных может наблюдаться нарастание эгоцентричного поведения, что существенно осложняет коммуникацию [5, с. 76].

Нами проведена градация сложности установления продуктивного терапевтического контакта с восходящей цепью: от относительно адаптивного диалога до наиболее ресурсозатратного взаимодействия. Данная иерархия основана на анализе психологических особенностей каждой возрастной группы.

Женщины среднего возраста, как правило, обладают сохранным критичностью к своему состоянию и достаточной социальной адаптацией. Основные коммуникативные трудности здесь связаны не с возрастными особенностями, а с индивидуально-типологическими характеристиками личности. П.И. Сидоров и А.В. Парняков указывают, что «больные-

экстраверты требуют от врача эмоционального вовлечения и динамичного диалога, тогда как интроверты нуждаются в детальном информационном общении и нейтральном деловом тоне» [3, с. 307]. Игнорирование этих различий приводит к тому, что экстраверт воспринимает сдержанного врача как равнодушного, а интроверт оценивает излишне эмоционального доктора как поверхностного.

Кроме того, В.А. Ташлыков отмечает, что у соматических больных данной возрастной группы может наблюдаться эйфорический (недооценка тяжести заболевания) или ипохондрический (чрезмерная концентрация на симптомах) тип реагирования на болезнь [4, с. 78]. Задача врача — своевременно распознать тип отношения к болезни и скорректировать коммуникативную тактику.

Оптимальной моделью взаимодействия с женщинами среднего возраста является партнерская модель с предоставлением пациентке права участвовать в принятии решений относительно тактики лечения. Необходимо дифференцировать стиль общения в зависимости от типа личности: для экстравертов — начинать с эмоционального контакта, для интровертов — с информационного [3, с. 307].

Если говорить о беременных, то общение с ними осложняется физиологически обусловленной психоэмоциональной лабильностью. И. Харди отмечает, что в период гестации происходит перестройка всей системы ценностей женщины, формируется так называемая «гестационная доминанта», которая проявляется повышенной тревожностью, сенситивностью к вербальным и невербальным стимулам, а также склонностью к катастрофизации медицинской информации [5, с. 156].

Ключевой барьер коммуникации — семантический: клинические термины, нейтральные для врача («тонус матки», «угроза прерывания», «гипоксия плода»), в сознании беременной трансформируются в образы фатальной угрозы. Г.Н. Носачев подчеркивает, что «несовпадение семантических полей врача и пациента является одной из наиболее частых причин ятрогенных реакций в акушерской практике» [2, с. 63]. Кроме того, беременные особенно остро реагируют на нарушение личного пространства и требуют особого такта при физикальном обследовании.

П.И. Сидоров и А.В. Парняков обращают внимание на то, что «у пациенток с осложненным течением беременности часто формируется тревожно-мнительное отношение к болезни, требующее от врача особых психотерапевтических навыков» [3, с. 289].

Для выстраивания успешной коммуникации нужно максимальное использование приемов терапевтического общения: адаптация лексики, техники активного слушания, своевременное разъяснение всех манипуляций. Важно соблюдение проксемических норм — вторжение в интимную зону (менее 45 см) допустимо только после вербального предупреждения и получения невербального согласия пациентки [5, с. 48].

Общение с пожилыми представляет значительно более высокий уровень коммуникативной сложности. По данным Б.Д. Карвасарского, психологической доминантой пожилого возраста является «приближение смерти» и «уходящая жизнь», что формирует специфическую внутреннюю картину болезни, характеризующуюся сужением интересов, повышенной ранимостью и обидчивостью [1, с. 542].

Основные барьеры коммуникации с пожилыми пациентами:

1. Сенсорная депривация. Возрастное снижение слуха и зрения приводит к тому, что значительная часть невербальной информации (мимика, жесты) не считывается пациентом. Как отмечает И. Харди, «это порождает недоверие и подозрительность: пациент интерпретирует недоступность информации как ее намеренное сокрытие» [5, с. 184].

2. Когнитивная ригидность. Замедление темпа мышления, снижение памяти, консерватизм взглядов. П.И. Сидоров и А.В. Парняков подчеркивают, что «медленный темп мышления пожилого пациента заставляет врача испытывать серьезные трудности в условиях дефицита времени» [3, с. 307].

3. Психологическая фиксация на возрасте. Пациенты часто интерпретируют болезнь исключительно через призму старения («доктор, это просто старость»), что снижает мотивацию к лечению. В.А. Тапшыков определяет данное явление как «возрастную анозогнозию» — отрицание связи симптомов с конкретным заболеванием и приписывание их исключительно возрастным изменениям [4, с. 112].

4. Эмоциональная лабильность и скрытая агрессия. Б.Д. Карвасарский указывает, что у пожилых пациентов часто наблюдается «нарастание эгоцентричного поведения, упрямство, придирчивость, неудовольствие, требовательность или даже задиристость» как проявление скрытой агрессии, вызванной страхом беспомощности [1, с. 545].

Строгое соблюдение деонтологических принципов: уважительное обращение, недопустимость фамильярности и приказного тона. Необходимо использование акустических средств адаптации — четкая дикция, низкий тембр голоса (высокие частоты хуже воспринимаются при пресбиакузисе),

умеренный темп речи с паузами для осмысления информации. Г.Н. Носачев рекомендует «начинать беседу с нейтральных тем, постепенно переходя к клиническим вопросам» [2, с. 67]. Важно поддерживать у пациента ощущение собственной значимости, подчеркнуто тактичное, деликатное отношение [1, с. 548].

Общение с детьми признается наиболее сложным звеном в рассматриваемой цепи, поскольку врач сталкивается с триадой «ребенок — болезнь — родитель». Б.Д. Карвасарский указывает, что «у детей дошкольного возраста отсутствует осознание болезни как таковой, они еще не умеют полноценно определять и формулировать свои жалобы, а любые медицинские манипуляции воспринимаются как устрашающие мероприятия» [1, с. 618].

Специфические барьеры педиатрической коммуникации:

1. Невозможность вербализации жалоб. Ребенок не способен четко описать свои ощущения, что требует от врача особых навыков наблюдения и интерпретации невербальных сигналов. И. Харди подчеркивает, что «в педиатрической практике визуальный контакт и наблюдение за поведением ребенка имеют не меньшее диагностическое значение, чем вербальный анамнез у взрослых» [5, с. 212].

2. Реакция протеста. При помещении в больницу по экстренным показаниям у ребенка может возникнуть патологическая реакция протеста, которая проявляется криком, плачем, отказом от контакта с окружающими и может продолжаться от нескольких часов до нескольких дней [1, с. 619].

3. Феномен госпитализма. П.И. Сидоров и А.В. Парняков определяют его как «задержку психического развития ребенка вследствие длительного пребывания в стационаре, что усугубляет коммуникативные проблемы» [3, с. 13].

4. Опосредованность общения родителями. В.А. Ташлыков отмечает, что «тревога родителей, их эгоистическая реакция и стремление доказать исключительность своего ребенка создают дополнительный коммуникативный барьер между врачом и маленьким пациентом» [4, с. 134].

Деонтологическая тактика строится на отвлечении и игре. И. Харди подчеркивает особое значение терапевтического прикосновения и визуального контакта в педиатрической практике: «Часто бывает, что теплое человеческое прикосновение — единственная связь с миром, остающаяся у испуганного ребенка» [5, с. 215]. Б.Д. Карвасарский рекомендует «организовывать нешумные игры, вечера чтения, а также обеспечивать профессиональное обращение с родителями больного ребенка» [1, с. 620]. Ласковый уход,

игрушки, терпеливое обращение, как правило, способствуют привыканию ребенка к больничной обстановке и переключению его интересов.

На основе анализа научной литературы можно сформулировать универсальные принципы преодоления коммуникативных барьеров в диаде «врач – пациент»:

1. Развитие эмпатического слушания. В.А. Ташлыков выделяет оценочное и безоценочное слушание, подчеркивая, что «в медицинской практике приоритетно именно безоценочное слушание, позволяющее пациенту максимально полно выразить свои переживания без страха осуждения» [4, с. 89]. Эмпатия определяется как способность чувствовать эмоциональное состояние другого человека, точно воспринимать смысловые оттенки его внутреннего мира, способность взглянуть на обстоятельства глазами собеседника [3, с. 52].

2. Дифференциация коммуникативных техник. П.И. Сидоров и А.В. Парняков рекомендуют использовать технику «усиления диалога» (фразы-клише: «Продолжайте, пожалуйста, это очень важно») и приемы перефразирования для достижения одинакового с пациентом понимания обсуждаемых вопросов [3, с. 308-309].

3. Управление невербальной коммуникацией. Г.Н. Носачев подчеркивает, что «рассогласование вербальных и невербальных сигналов (нарушение конгруэнтности) мгновенно считывается пациентом как неискренность и разрушает доверие» [2, с. 52]. И. Харди определяет конгруэнтность как «совпадение трёх пластов коммуникации — вербального (что человек говорит), невербального (сопровождающие жесты) и того, что при этом человек чувствует» [5, с. 62].

4. Соблюдение проксемических норм. Вторжение в интимную зону пациента (менее 45 см) без его согласия недопустимо. Если обстоятельства требуют сокращения дистанции, необходимо вербально предупредить пациента о предстоящих действиях [5, с. 48].

5. Индивидуализация деонтологического подхода. Необходимо учитывать не только возрастные, но и типологические особенности личности пациента (характер, темперамент, способности, потребности), а также тип отношения к болезни [4, с. 102].

Таким образом, проведенный теоретический анализ позволил выявить иерархию сложности установления коммуникативного контакта с различными возрастными группами пациентов. Преодоление коммуникативных барьеров достигается через целенаправленное развитие эмпатических способностей

врача, освоение техник активного безоценочного слушания, соблюдение проксемических норм и индивидуализацию деонтологического подхода в зависимости от возрастной доминанты и личностных особенностей пациента.

Список литературы

1. Карвасарский Б.Д. Клиническая психология: учебник для студентов медицинских вузов / Б.Д. Карвасарский. — 4-е изд., перераб. И доп. — Санкт-Петербург: Питер, 2011. — 864 с.

2. Носачев Г.Н. Эффективное общение и предупреждение конфликтов в системе «врач — пациент»: научно-практическое пособие / Г.Н. Носачев. — Москва: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2025. — 104 с.

3. Сидоров П.И., Парняков А.В. Введение в клиническую психологию: учебник для студентов медицинских вузов. В 2 томах. Том II / П.И. Сидоров, А.В. Парняков. — Москва: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. — 381 с.

4. Ташлыков В.А. Психология лечебного процесса / В.А. Ташлыков. — Ленинград: Медицина, Ленинградское отделение, 1984. — 192 с.

5. Харди И. Врач, сестра, больной: Психология работы с больными / Иштван Харди; перевод с венгерского М. Алекса; под редакцией М.В. Коркиной. — 5-е издание, переработанное и дополненное. — Будапешт: Издательство Академии наук Венгрии, 1988. — 338 с.

© Плотников М.В., Хамина А.А., Костюкова Е.Д.

УДК 316.4

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВРАЧА С ЛЮДЬМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Батомункуева Аяна Николаевна
Берсенева Эвелина Алексеевна
Дашеева Валерия Будажаповна
Дзюба Доминика Алексеевна
студенты

Научный руководитель: **Дмитриева Анна Владимировна**
преподаватель
ФГБОУ ВО «Читинская государственная медицинская академия»

Аннотация: в соответствии с принципами Конвенции о правах инвалидов и философией независимой жизни, ключевым условием социальной интеграции является не только физическая доступность среды, но и психологическая готовность общества к равноправному диалогу [3]. Особенно эта тема актуальна для медицинских работников, для которых в практике люди с ОВЗ являются регулярной аудиторией, но система медицинского образования традиционно фокусируется на нозологической компетентности, и лишь в малом количестве затрагивает коммуникативную составляющую взаимодействия с учётом физических и социальных особенностей пациента. Умение общаться с пациентом относится к числу наиболее ценных качеств врача и определяет эффективность лечебно-диагностического процесса, а также экономическую эффективность работы медицинской помощи в целом.

Ключевые слова: коммуникация с людьми с ОВЗ, коммуникативный барьер, алгоритм общения.

INTERACTION OF A DOCTOR WITH PEOPLE WITH DISABILITIES

Batomunkueva Aiana Nikolaevna
Berseneva Evelina Alekseevna
Dasheyeva Valeria Budazhapovna
Dzyuba Dominika Alekseevna

Scientific supervisor: **Dmitrieva Anna Vladimirovna**

Abstract: in accordance with the principles of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities and the philosophy of independent living, the key condition for social integration is not only the physical accessibility of the environment, but also the psychological readiness of society for an equal dialogue [1]. This topic is especially relevant for medical professionals, for whom people with disabilities are a regular audience in their practice, but the medical education system traditionally focuses on nosological competence and only occasionally addresses the communicative aspect of interaction, taking into account the physical and social characteristics of the patient. The ability to communicate with patients is one of the most valuable qualities of a doctor and determines the effectiveness of medical treatment.

Key words: communication with people with disabilities, communication barrier, communication algorithm.

Люди с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) — это лица, состояние здоровья которых препятствует освоению образовательных программ, социальной адаптации или повседневной жизни без создания специальных условий. К каждому человеку с ОВЗ требуется особый подход, так как такие лица уникальны не только в проявлениях нарушения, но и в способностях, интересах, темпе развития. То, что эффективно для одного человека с определённым диагнозом, может совершенно не подойти другому с таким же диагнозом.

Для начала рассмотрим особенности коммуникации для людей с ограниченными возможностями передвижения. Распространённым заблуждением является отождествление необходимости коляски с психологической травмой или депрессией. Большинство людей, использующих кресла-коляски, ведут активную социальную, профессиональную и семейную жизнь. Согласно Декларации независимости инвалида, жалость и восхищение «героизмом» повседневной жизни воспринимаются как обесценивание личности. Уместно относиться к человеку в коляске как к равному партнеру по коммуникации, обсуждая любые темы, кроме навязчивых советов о лечении (которое инвалид обычно знает лучше окружающих). основополагающим правилом является признание инвалидной коляски частью неприкосновенного личного пространства человека [3]. Опираясь на коляску, толкать её или перемещать без явного согласия владельца расценивается как нарушение физических границ, аналогичное

несанкционированному захвату человека. В профессиональной этике подчеркивается, что коляска — не атрибут болезни, а индивидуальное техническое средство реабилитации, обеспечивающее мобильность. При организации беседы необходимо расположиться так, чтобы глаза собеседников находились на одном уровне. Это позволяет избежать психологического дискомфорта, при котором человеку в коляске приходится запрокидывать голову [3]. Сотруднику учреждения рекомендуется присесть рядом. Что касается вербальной и невербальной коммуникации то отмечается необходимость избегать «гиперопеки» в речи. Обращаться к взрослому человеку следует официально, без снисходительных интонаций и уменьшительно-ласкательных суффиксов, свойственных общению с детьми. Недопустимо хлопать собеседника по плечу или спине [1, с. 14]. Важной является проблема речевых штампов. Фразы «пойдемте», «пройдите» или «увидимся» не считаются ошибкой или оскорблением, поскольку в русском языке они ассоциируются с движением и вниманием, а не с физической способностью ходить или видеть. Намеренное избегание подобных слов создает напряженную атмосферу и акцентирует внимание на инвалидности. Часто инвалида сопровождает ассистент. Строгое этическое правило предписывает обращаться непосредственно к самому человеку в коляске, а не к его сопровождающему. Вопросы типа: «Она хочет пить?» или «Ему будет удобно?», заданные третьему лицу, деперсонализируют инвалида, лишая его права голоса [2]. Итак, эффективная коммуникация с лицами на инвалидных колясках базируется на принципах уважения достоинства, автономии и здравого смысла. Отказ от гиперопеки, соблюдение личных границ (неприкосновенность коляски) и ориентация на вербальное согласие при оказании помощи являются ключевыми факторами, превращающими формальную «доступную среду» в реально инклюзивное пространство [3].

Теперь рассмотрим некоторые особенности коммуникации с незрячими. Незрячие и слабовидящие люди воспринимают информацию преимущественно через слух, осязание и словесное описание, поэтому медицинский работник должен учитывать особенности их ориентирования, восприятия и взаимодействия с окружающей средой. Есть некоторые правила взаимодействия врача с незрячим или слабослышающим пациентом [1, с.15-17]:

1. Обращение непосредственно к пациенту. Одно из важнейших правил общения с человеком с нарушением зрения заключается в том, что врач должен обращаться не к сопровождающему, а непосредственно к самому

пациенту. Даже если рядом находится зрячий компаньон, именно пациент является главным участником беседы. При знакомстве следует представиться самому и представить других присутствующих.

2. Словесная точность и описание обстановки. Для незрячего человека особенно важно, чтобы информация была точной, конкретной и доступной. Если пациент оказался в новом помещении, врач или медицинский работник должен кратко описать пространство: где находится стол, стул, дверь, окно, проход, лестница или другое препятствие. В медицинской среде это особенно важно при осмотре, проведении процедур, заполнении документов и перемещении пациента по кабинету или отделению. Точное описание снижает тревожность и помогает человеку чувствовать контроль над ситуацией.

3. Предупреждение о препятствиях и перемещении. Если врач или медсестра сопровождают незрячего пациента, необходимо предупреждать о ступенях, порогах, лужах, узких проходах, низких притолоках, трубах и других препятствиях. Нельзя резко тянуть человека за руку или вести его слишком быстро. Напротив, сопровождение должно быть спокойным и ритмичным.

4. Передача предметов и тактильное взаимодействие. В медицине часто требуется передать пациенту документы, инструменты, контейнеры, листы с информацией или другие предметы. При этом не следует тянуть руку пациента к предмету. Правильнее подвести его руку к объекту или дать предмет в руки.

5. Чтение документов и информирование. Важнейшей частью медицинской коммуникации является информирование пациента о диагнозе, лечении, обследованиях и подписываемых документах. Если текст необходимо прочитать незрячему человеку, следует предупредить его заранее и делать это обычным голосом, без пересказа и искажений. Особенно важно не заменять чтение документа кратким пересказом. Если пациент подписывает информированное согласие, выписку или другой официальный документ, его содержание должно быть прочитано полностью и точно. Это связано не только с этикой, но и с юридической ответственностью медицинской организации.

6. Отношение, уважение и эмоциональный тон. Инвалидность не является основанием для фамильярности или, наоборот, чрезмерной опеки. Взрослого человека с нарушением зрения следует воспринимать как

взрослого, дееспособного собеседника. Также важно помнить, что юмор допустим, если он уместен и не унижает пациента. Доброжелательная атмосфера может снизить напряжение и помочь в установлении контакта, однако шутка никогда не должна становиться способом обесценивания состояния человека [3].

Итак, взаимодействие врача с незрячими и слабовидящими людьми требует особой внимательности, точности и такта. Основой такой коммуникации является обращение непосредственно к пациенту, подробное и понятное словесное описание окружающей обстановки, предупреждение о препятствиях, корректная передача предметов и уважительное отношение [2].

Еще одна группа людей с ОВЗ – это глухонемые. Внимание общества во время общения чаще фокусируется на внешних различиях людей, включая физические особенности. Прежде чем перейти к рекомендациям, укажем на действия, которых следует избегать. К числу типичных коммуникативных ошибок относятся следующие: крик или утрированная артикуляция, которые не только неэффективны при полной глухоте, но и воспринимаются собеседником как агрессия; поворот спиной, лишаящий человека возможности читать с губ или видеть жесты; а также прикосновение без предварительного установления визуального контакта, используемое для привлечения внимания [2].

Устранив препятствия, обратимся к тому, что действительно работает. Ниже приведены основные рекомендации [1, с. 19-21]:

1. Привлечение внимания и установление контакта. Оптимальный способ инициировать разговор — обратиться к человеку по имени. Если реакции не последовало, допустимо использовать тактильное или визуальное привлечение: слегка коснуться плеча или руки, либо помахать кистью в поле зрения собеседника. Важно избегать резких прикосновений со спины — они могут быть восприняты как агрессия.

2. Визуальный контракт и артикуляция. Чтобы собеседник лучше понимал речь, необходимо расположиться напротив него, обеспечивая прямой зрительный контакт. Это позволяет одновременно воспринимать и звучание, и движение губ. Говорить следует внятно, в умеренном темпе. Крик, особенно направленный в ухо, неэффективен и психологически дискомфортен. Для усиления смысла допустимо использовать мимику, жесты и движения корпуса. Однако следует учитывать, что чтение с губ — ограниченный навык: даже опытные в этом отношении люди распознают не более 30% произнесённых слов [1, с. 19].

3. Структурирование диалога. Резкие переходы между темами дезориентируют собеседника. Смене темы должно предшествовать предупреждение. Эту функцию выполняют маркерные фразы, например: «Теперь перейдём к другому вопросу» или «Закончили с этой темой, далее обсудим...».

4. Лексика и синтаксис. Предпочтительны короткие предложения, построенные по модели «субъект — предикат — объект» (прямой порядок слов). Следует избегать: фразеологизмов, пословиц, крылатых выражений; причастных и деепричастных оборотов; вводных конструкций и обращений; инверсии.

5. Интонация и подтекст. Глухие и люди с выраженной тугоухостью практически не различают интонационных оттенков. Сарказм, ирония, насмешка ими распознаются как нейтральное сообщение. Следовательно, эмоциональная окраска, передаваемая через интонацию, не достигает адресата.

6. Фиксация сложной информации. Числа, адреса, специальные термины, названия должны быть предъявлены в письменной форме — на бумаге, в сообщении по электронной почте, в мессенджере. Если собеседник просит повторить, предпочтительно не дублировать фразу дословно, а переформулировать её.

7. Коммуникация через переводчика жестового языка. При наличии сурдопереводчика все высказывания адресуются непосредственно глухому человеку, а не переводчику. Переводчик выполняет техническую функцию передачи смысла, но не является участником диалога [3].

Таким образом, эффективная коммуникация с глухими и слабослышащими людьми не требует специальной подготовки — достаточно соблюдать несколько несложных правил: привлекать внимание тактично, говорить внятно, но не кричать, использовать короткие фразы с прямым порядком слов, а сложную информацию дублировать письменно. Главный принцип при этом — ориентация на индивидуальные особенности собеседника и постоянная проверка понимания. Следование этим рекомендациям превращает диалог из источника взаимного раздражения в полноценный обмен информацией [3].

Итак, эффективность медицинской помощи людям с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) во многом определяется качеством общения между врачом и пациентом. Установление доверительного контакта, учёт

индивидуальных особенностей восприятия и коммуникации, а также проявление эмпатии способствуют не только повышению приверженности лечению, но и улучшению психологического состояния пациента. Внедрение в практику здравоохранения специализированных коммуникативных компетенций и создание безбарьерной среды являются необходимыми условиями для реализации принципов инклюзивной медицины. Дальнейшие исследования в этой области позволят разработать универсальные рекомендации, способствующие повышению доступности и качества медицинской помощи для всех категорий граждан, независимо от их физических или психических особенностей.

Список литературы

1. Этика общения и сопровождения лиц с ограниченными возможностями здоровья : методические рекомендации / ред. Е. А. Чепелева – 2-е изд., перераб. и доп. – Тула, 2018. - 47 с.

2. Этика общения с людьми с ограниченными возможностями здоровья [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://kcsn-pristen.kursk.socinfo.ru/media/2021/05/18/1301619982/E_tika_obshheniya_s_lyud_mi_s_ogranichenny_mi_vozmozhnostyami_zdorov_ya.pdf?ysclid=movf1dull3733870855 – (30.04.2026)

3. Рекомендации по взаимодействию и оказанию помощи инвалидам при получении услуг - с учетом имеющихся стойких нарушений [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://mszn27.ru/sites/files/mszn/kgu/bgr-kcsn/files/0d1321aac64525ba663a.pdf> – (30.04.2026)

© Батомункуева А.Н., Берсенева Э.А.
Дашеева В.Б., Дзюба Д.А.

**СЕКЦИЯ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

DOI 10.46916/04062026-4-978-5-00276-111-1

**ОТ VOLKSPARTEI К ПАРТИИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ
СТАБИЛЬНОСТИ: МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ БЛОКА ХДС/ХСС
В 1949–2021 ГГ.**

Чельцов Борис Викторович

аспирант

ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет»

Аннотация: в статье рассматривается трансформация блока ХДС/ХСС в Федеративной Республике Германии в 1949–2021 гг. через призму перехода от классической модели Volkspartei к модели стратегической стабильности. На основе программных документов ХДС/ХСС, электоральной статистики и современной научной литературы выявляются основные механизмы адаптации немецкой христианской демократии к изменяющимся условиям партийной конкуренции. Делается вывод, что устойчивость блока обеспечивалась не неизменностью идеологии, а способностью перерабатывать христианско-демократическое ценностное ядро в язык стабильности, управляемости и широкого общественного представительства.

Ключевые слова: ФРГ, ХДС/ХСС, христианская демократия, Volkspartei, политическая стабильность, партийная идентичность, электоральная адаптация, партийная система Германии.

**FROM VOLKSPARTEI TO A PARTY OF STRATEGIC STABILITY:
MECHANISMS OF CDU/CSU ADAPTATION, 1949–2021**

Cheltsov Boris Viktorovich

Abstract: the article examines the transformation of the CDU/CSU bloc in the Federal Republic of Germany from 1949 to 2021 through the transition from the classical Volkspartei model to a model of strategic stability. Based on CDU/CSU programmatic documents, electoral statistics and recent scholarship, the article identifies the key mechanisms of adaptation of German Christian democracy to changing conditions of party competition. It concludes that the stability of the bloc was ensured not by ideological immutability, but by the ability to reinterpret the

Christian Democratic value core in the language of stability, governability and broad social representation.

Key words: Federal Republic of Germany, CDU/CSU, Christian democracy, Volkspartei, political stability, party identity, electoral adaptation, German party system.

В истории Федеративной Республики Германии блок Христианско-демократического союза Германии и Христианско-социального союза в Баварии занимает особое место. Его значение определяется не только длительным участием во власти, но и способностью приспосабливаться к меняющимся социальным, ценностным и электоральным условиям, сохраняя узнаваемое идейное основание.

Для настоящего исследования принципиален не сам факт устойчивости ХДС/ХСС, а механизм ее воспроизводства. Блок был силен не неизменностью, а способностью перерабатывать христианско-демократический язык под новые задачи: восстановление государственности, модернизацию, объединение Германии, европейскую интеграцию, миграционные и ценностные конфликты начала XXI в.

Поэтому Volkspartei рассматривается здесь не как лозунг, а как исторически изменяющаяся модель связи между партией, обществом и государством. В ранней ФРГ она опиралась на конфессиональные, региональные и социальные среды, а к началу XXI в. все больше зависела от способности партии выступать гарантом стабильности и управляемости.

Теоретическим фоном выступает концепция трансформации массовых партий. О. Кирххаймер (O. Kirchheimer) описывал переход массовых интеграционных партий к модели catch-all party, то есть расширение электоральной базы при снижении идеологической жесткости [1, P. 190]. Однако немецкий случай нельзя свести к схеме «от идеологии к прагматизму». Христианская демократия изначально обладала интеграционным потенциалом. С. Каливас (S. Kalyvas) и К. ван Керсберген (K. van Kersbergen) отмечали, что христианская демократия была catch-all party avant la lettre, то есть «всеохватной» партией еще до появления самого понятия [2, P. 187].

В этом смысле ХДС/ХСС не столько стал всеохватной партией, сколько переопределял содержание собственной всеохватности. Для настоящего исследования принципиально, что она каждый раз получала конкретно-

историческое наполнение: послевоенный порядок, социальная рыночная экономика, западная интеграция, объединение Германии, европейская ответственность, управленческая компетентность и образ стабильности в эпоху кризисов.

Цель статьи состоит в выявлении механизмов адаптации ХДС/ХСС в 1949–2021 гг. и объяснении перехода от классической Volkspartei к модели партии стратегической стабильности. Под ней понимается перевод базовых ценностей партии, таких как свобода, солидарность, subsidiarность, социальная рыночная экономика, ответственность и порядок, на язык управляемости, институциональной надежности и умеренного центризма.

Научная новизна связана с рассмотрением эволюции ХДС/ХСС не только через категорию Volkspartei, но и через авторскую модель партии стратегической стабильности. Она позволяет связать программную переработку, лидерский ресурс и электоральный центризм в единую схему адаптации немецкой христианской демократии.

Источниковую основу составляют программные и предвыборные документы ХДС/ХСС, а также данные Die Bundeswahlleiterin о выборах в бундестаг. Методологически статья опирается на проблемно-хронологический и историко-сравнительный подходы, позволяющие рассматривать трансформацию ХДС/ХСС как длительное изменение партийной идентичности, программного языка и стратегического позиционирования.

Первый механизм адаптации был связан с послевоенным расширением христианско-демократической идентичности. ХДС возник после 1945 г. в условиях крушения национал-социалистического режима, оккупационного управления и необходимости морально-политического обновления Германии. Христианская демократия становилась языком восстановления легитимности. Уже «Призыв к немецкому народу» от 26 июня 1945 г. связывал демократическое обновление с христианским пониманием человека и отказом от тоталитарного прошлого [3].

Принципиально, что ХДС не стал простым продолжением довоенной католической партии Центра. Послевоенная христианская демократия стремилась преодолеть узкоконфессиональные рамки и сформировать межконфессиональный союз. В этом заключалась одна из предпосылок будущей модели Volkspartei: партия не столько представляла одну социальную среду, сколько создавала широкий интеграционный проект для католиков и протестантов, консерваторов и умеренных либералов, предпринимателей и социально ориентированных групп.

Второй механизм заключался в соединении ценностного языка христианской демократии с социально-экономической программой восстановления. Дюссельдорфские руководящие принципы 1949 г. закрепили переход ХДС от более радикальной критики капитализма, характерной для Аленской программы 1947 г., к социальной рыночной экономике [4]. Это был не только программный поворот: партия нашла язык восстановления нормальной жизни, понятный массовому избирателю.

Социальная рыночная экономика соединяла экономическую свободу, частную инициативу, конкуренцию и социальную ответственность. Для общества, пережившего войну, разруху и моральный кризис, такая формула была особенно убедительной: она обещала не революцию и не реставрацию, а порядок, достаток и защищенность.

Эта связка имела прямое электоральное значение. В 1950–1960-е гг. ХДС/ХСС закреплял за собой образ партии восстановления, западной интеграции, экономического успеха и управляемой демократии. Наиболее наглядно это проявилось на выборах 1957 г., когда ХДС получил 39,7% вторых голосов, а ХСС — 10,5%, что в совокупности дало блоку 50,2% и абсолютное большинство в бундестаге [5].

Третий механизм был связан с программной переработкой модели Volkspartei в условиях модернизации западногерманского общества. К 1960–1970-м гг. партия столкнулась с изменением социальной структуры, ростом образовательного уровня, секуляризацией и появлением новых социальных движений. Прежние конфессиональные и региональные связи сохраняли значение, но уже не могли автоматически гарантировать электоральную устойчивость.

В этой ситуации программные документы стали выполнять для ХДС особую функцию. Речь шла не только о фиксации позиции партии по отдельным вопросам, но и о новом объяснении того, что значит быть христианско-демократической силой в более сложном, секулярном и ценностно разнородном обществе. Показательна базовая программа ХДС 1978 г., где партия стремилась представить себя современной народной партией, сохраняющей христианское понимание человека, но действующей в условиях плюралистического общества [6]. Прежнее ценностное ядро не исчезало, однако менялся язык его политического выражения.

После объединения Германии адаптационная задача стала сложнее. ХДС/ХСС должен был сохранить западногерманскую модель стабильности, интегрировать новые восточные земли, удержать европейский курс и ответить

на социально-экономические вызовы. Программа «Свобода в ответственности» 1994 г. отражала попытку соединить преемственность и обновление [7]. Речь шла уже не только о реакции на объединение, а о претензии партии управлять новой исторической реальностью: общегерманской, постбиполярной и тесно связанной с европейской интеграцией.

Отдельное значение имела союзная конструкция ХДС/ХСС. В ней проявлялась важная институциональная особенность немецкой христианской демократии: ХСС, сохраняя самостоятельность в Баварии, усиливал общегерманские позиции блока региональной базой и выступал внутренним консервативным корректором по вопросам федерализма, миграции, культурной идентичности и границ правого центра. В программе ХСС 2016 г. это проявлялось через акцент на баварской идентичности, христианско-социальной традиции и ответственности перед регионом и федерацией [8].

Четвертый механизм адаптации связан со стратегическим центризмом. Особенно отчетливо он проявился в начале XXI в. и в период канцлерства Ангелы Меркель. Центризм ХДС/ХСС не следует понимать только как движение к середине идеологической шкалы. Это была стратегия занятия позиции главного гаранта устойчивости, компетентного управления и умеренности в условиях нарастающей фрагментации партийной системы.

Такая стратегия расширяла коалиционные возможности, привлекала умеренного избирателя и поддерживала образ ХДС/ХСС как партии ответственного государственного управления. Но она же создавала внутреннее напряжение: чем успешнее блок занимал центр, тем труднее становилось объяснять, где проходят границы его христианско-демократического и консервативного профиля.

Современная литература фиксирует кризис прежней модели массового представительства традиционных Volksparteien. Э. Йессе (E. Jesse) связывает его со снижением способности объединять значительную часть электората [9, S. 39–46]. У. Юн (U. Jun) показывает, что партийная система Германии становится все более фрагментированной и поляризованной [10, S. 10–17]. Для ХДС/ХСС это означало: роль «народной партии» больше не воспроизводилась автоматически.

Наиболее чувствительным для ХДС/ХСС следствием этих изменений стала секуляризация. Р. Гомес (R. Gomez), рассматривая эволюцию поддержки правого центра в Западной Европе, обращает внимание на то, что именно христианско-демократические партии особенно остро испытывают

последствия ослабления религиозной принадлежности как фактора политического выбора [11, Р. 229]. Для немецкой христианской демократии это означало не только сужение традиционной социальной опоры, но и необходимость иначе объяснять избирателю собственную идентичность: уже не через устойчивую конфессиональную среду, а через язык ответственности, умеренности и управленческой надежности.

В этой логике возрастало значение канцлерского лидерства. Для ХДС/ХСС лидер был не просто лицом кампании: он связывал партийную программу, общественный запрос и представление о государственном порядке. Аденауэр олицетворял выход из послевоенной неопределенности и возвращение Германии в западное политическое пространство; с Кодем связывались объединение страны и европейский курс; с Меркель ассоциировались управляемость, осторожность и удержание центра в кризисных условиях. Канцлерская фигура переводила партийную традицию в понятную для избирателя форму, связывая ее с вопросом о том, кто способен удерживать порядок и принимать решения.

Меркелевский период показал обратную сторону такой зависимости от лидерской репутации. Успех ХДС/ХСС в 2000–2010-е гг. во многом был связан с тем, что осторожный и прагматичный стиль канцлера, избегавший резких идеологических жестов, отвечал настроению значительной части общества. Но эта управленческая манера плохо передавалась по наследству. Когда Меркель ушла из активной партийной политики, ХДС оказался не просто без популярного канцлера, а без привычного способа объяснять собственную надежность. На эту неопределенность обращал внимание Ф. Деккер (F. Decker), рассматривая положение партии в конце эпохи Меркель [12].

Не случайно предвыборная программа ХДС/ХСС 2021 г. получила название «Программа стабильности и обновления» (Das Programm für Stabilität und Erneuerung) [13]. В этой формуле хорошо видна внутренняя трудность позднего этапа: блок стремился сохранить привычный образ надежной силы управления, но одновременно должен был доказать способность к обновлению без прежнего персонального центра. Сама связка «стабильность и обновление» поэтому была не только лозунгом кампании, но и симптомом более глубокой проблемы партийной самоидентификации.

Федеральные выборы 2021 г. показали, насколько уязвимой стала эта конструкция. По официальным данным Die Bundeswahlleiterin, ХДС получила 18,9% вторых голосов, ХСС — 5,2%, а общий результат блока составил 24,1%

[14]. Такой результат нельзя сводить только к неудачной кампании или особенностям кандидатуры. Он обозначил пределы модели, при которой электоральная устойчивость слишком долго связывалась с образом канцлерской компетентности, а обновление партийного профиля откладывалось на будущее.

В целом движение ХДС/ХСС от классической Volkspartei к партии стратегической стабильности происходило постепенно. В ранней ФРГ блок опирался на межконфессиональную интеграцию, социальную рыночную экономику и авторитет послевоенного восстановления. Позднее на первый план вышли программная модернизация, способность занимать политический центр, коалиционная гибкость и лидерская персонализация. Так формировался механизм воспроизводства устойчивости: партия сохраняла пространство для маневра между консервативным ядром, умеренным центром и коалиционными партнерами. Но за эту гибкость приходилось платить: чем шире становился язык ХДС/ХСС, тем сложнее было удерживать четкий профиль; чем увереннее блок занимал центр, тем заметнее становилось раздражение справа; чем больше устойчивость связывалась с канцлером, тем труднее было представить ее как свойство самой партии.

В результате к 2021 г. ХДС/ХСС подошел уже не как прежняя Volkspartei, автоматически объединявшая широкие социальные и конфессиональные группы, а как партия, доказывавшая свою необходимость через обещание стабильности. Эта формула долго работала, поскольку соединяла память о послевоенном восстановлении, социальную рыночную экономику, программную модернизацию, центризм и канцлерский авторитет. Но выборы 2021 г. показали, что репутации управленческой надежности недостаточно. Без ясного идеологического профиля, нового лидерского ресурса и ответа на изменившиеся ценностные расколы статус народной партии уже не мог поддерживаться только опытом прежних побед и длительного пребывания у власти.

Список литературы

1. Kirchheimer O. The Transformation of the Western European Party Systems // Political Parties and Political Development / ed. by J. LaPalombara, M. Weiner. – Princeton: Princeton University Press, 1966. – P. 177–200. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt183prjd> (дата обращения: 23.03.2026).

2. Kalyvas S. N., van Kersbergen K. Christian Democracy // Annual Review of Political Science. – 2010. – Vol. 13. – P. 183–209. – DOI: 10.1146/annurev.polisci.11.021406.172506. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://stathiskalyvas.com/wp-content/uploads/2016/01/annurev-polisci-11-021406.pdf> (дата обращения: 31.05.2026).

3. Deutsches Volk! Christlich-Demokratische Union Deutschlands. 26 Juni 1945 // Konrad-Adenauer-Stiftung. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kas.de/documents/252038/253252/Aufruf+des+Berliner+CDU-Gründer+reises+%28Quelle%29.pdf/398ab9f6-a59e-6607-1af0-aae4bd62b26f> (дата обращения: 28.04.2026).

4. Düsseldorfer Leitsätze über Wirtschaftspolitik, Landwirtschaftspolitik, Sozialpolitik, Wohnungsbau. 15. Juli 1949 // Konrad-Adenauer-Stiftung. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kas.de/documents/252038/253252/1949_Duesseldorfer-Leitsaetze.pdf/e96f38a1-b923-a79e-c5a3-11569de3f64e (дата обращения: 28.04.2026).

5. Bundestagswahl 1957: Endgültiges Ergebnis // Die Bundeswahlleiterin. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bundeswahlleiterin.de/bundestagswahlen/1957.html> (дата обращения: 31.05.2026).

6. Grundsatzprogramm der Christlich Demokratischen Union Deutschlands. Verabschiedet auf dem 26. Bundesparteitag Ludwigshafen, 23–25 Oktober 1978 // Konrad-Adenauer-Stiftung. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kas.de/documents/252038/253252/Grundsatzprogramm+der+Christlich-Demokratischen+Union+Deutschlands+%28Quelle%29.pdf/6ab8ab48-871d-52a2-a603-989c928e127f> (дата обращения: 28.04.2026).

7. Freiheit in Verantwortung. Grundsatzprogramm der Christlich Demokratischen Union Deutschlands. Beschlossen vom 5. Parteitag Hamburg, 20–23 Februar 1994 // Konrad-Adenauer-Stiftung. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kas.de/documents/252038/253252/Freiheit+in+Verantwortung+-+Grundsatzprogramm+der+Christlich-Demokratischen+Union+%28Quelle%29.pdf/3c7580d4-1a63-31f6-5d94-4f057de659c0> (дата обращения: 28.04.2026).

8. Die Ordnung. Grundsatzprogramm der Christlich-Sozialen Union in Bayern. Beschlossen auf dem Parteitag der CSU, 4.–5. November 2016 // Christlich-Soziale Union in Bayern. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.hss.de/fileadmin/user_upload/HSS/Dokumente/ACSP/Grundsatzprogramme/CSU_Grundsatzprogramm_2016.pdf (дата обращения: 31.05.2026).

9. Jesse E. Krise (und Ende?) der Volksparteien // Aus Politik und Zeitgeschichte. – 2021. – № 26–27. – S. 39–46. – [Электронный ресурс]. – URL:

https://www.bpb.de/system/files/dokument_pdf/APuZ_2021-26-27_online.pdf

(дата обращения: 28.04.2026).

10. Jun U. Das Parteiensystem im Zeichen zunehmender Fragmentierung und Polarisierung // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. – 2025. – Jg. 75. – Н. 27–28. – S. 10–17. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/parteiendemokratie-2025/563416/das-parteiensystem-im-zeichen-zunehmender-fragmentierung-und-polarisierung/> (дата обращения: 28.04.2026).

11. Gomez R. How have secularisation and educational expansion affected support for the mainstream right in Western Europe? // *West European Politics*. – 2024. – Vol. 47, no. 2. – P. 229–254. – DOI: 10.1080/01402382.2022.2150943.

12. Decker F. Aufbruch in unsichere Zeiten. Die CDU am Ende der Ära Merkel. – Paris: Institut français des relations internationales, 2020. – 32 S. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ifri.org/de/notes/aufbruch-unsichere-zeiten-die-cdu-am-ende-der-aera-merkel> (дата обращения: 25.04.2026).

13. Das Programm für Stabilität und Erneuerung. Gemeinsam für ein modernes Deutschland. Regierungsprogramm 2021 // CDU/CSU. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.csu.de/common/download/Regierungsprogramm.pdf> (дата обращения: 31.05.2026).

14. Bundestagswahl 2021: Endgültiges Ergebnis // Die Bundeswahlleiterin. – 15.10.2021. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.bundeswahlleiterin.de/info/presse/mitteilungen/bundestagswahl-2021/52_21_endgueltiges-ergebnis.html (дата обращения: 28.04.2026).

© Чельцов Б.В., 2026

**СЕКЦИЯ
ФИЛОСОФСКИЕ
НАУКИ**

ЯЗЫК И СОЗНАНИЕ: КАК РЕЧЬ ОТРАЖАЕТ МЫШЛЕНИЕ

Измайлова Лия Александровна

Научный руководитель: **Муртазин Салават Раисович**

старший преподаватель, к.ф.н.

ФГБОУ ВО «Казанский государственный
медицинский университет Минздрава России»

Аннотация: в статье рассматривается ключевая проблема когнитивной лингвистики и психологии — взаимосвязь языка и мышления. На основе анализа классических теорий (гипотеза лингвистической относительности Сепира–Уорфа) и современных экспериментальных данных автор исследует, как лексические, грамматические и синтаксические структуры речи моделируют когнитивные процессы. Особое внимание уделяется механизмам категоризации, концептуализации времени и пространства, а также роли метафоры как инструмента мышления. Делается вывод о диалектическом характере связи языка и сознания.

Ключевые слова: язык, сознание, мышление, речь, гипотеза, лингвистической относительности, когнитивная лингвистика.

LANGUAGE AND CONSCIOUSNESS: HOW SPEECH REPRESENTS THINKING

Izmailova Liya Aleksandrovna

Scientific supervisor: **Murtazin Salavat Raisovich**

Senior Lecturer, Candidate of Sciences

Kazan State Medical University of the Russian Ministry of Health

Abstract: the article discusses a key issue in cognitive linguistics and psychology: the relationship between language and thought. Based on an analysis of classical theories (the Sapir-Whorf hypothesis of linguistic relativity) and contemporary experimental data, the author explores how lexical, grammatical, and syntactic structures of language model cognitive processes. Special attention is given to the mechanisms of categorization, the conceptualization of time and space, and the role of metaphor as a tool for thinking. The article concludes that there is a dialectical relationship between language and consciousness.

Key words: language, consciousness, thinking, speech, hypothesis, linguistic relativity, cognitive linguistics.

Как связаны наши мысли и слова, которые мы для их выражения используем, волнует философов, ученых и писателей на протяжении тысячелетий. Сократ спорил с софистами о природе имен, Вильгельм фон Гумбольдт писал о «миросозерцании, заложенном в языке», а в XX веке эта проблема приобрела статус одной из центральных в когнитивной науке. Можно ли думать без слов? Является ли язык просто «одеждой мысли», как полагали многие классики риторики, или же он активно формирует то, что мы способны осознать? Повседневный опыт подсказывает нам, что мысль первична: сначала мы обдумываем идею, а затем подыскиваем для нее подходящее выражение. Однако мучительный поиск нужного слова, «вертящегося на языке», смутные образы, которые никак не удается перевести в линейную речь, ставят под сомнение этот простой взгляд. Современная психолингвистика и нейронаука накопили достаточно данных, чтобы утверждать: речь — это не просто отражение мышления, а активный процесс, который во многом определяет его структуру и содержание.

Цель данной статьи — проанализировать, по каким направлениям язык воздействует на сознание и как лингвистические привычки носителя того или иного языка формируют особенности его восприятия мира.

1. От наивного реализма к гипотезе лингвистической относительности. Долгое время в западной науке господствовал взгляд, восходящий к Аристотелю: разные языки — это разные способы называть одни и те же универсальные понятия. Согласно этой логике, английское "snow", немецкое "Schnee" и русское "снег" обозначают феномен, который одинаково воспринимается людьми вне зависимости от их родного языка. Однако в начале XX века американские антропологи Эдвард Сепир и его ученик Бенджамин Ли Уорф, изучая языки индейцев Северной Америки, пришли к революционному выводу: грамматика и лексика языка не пассивно отражают объективную реальность, а активно навязывают своим носителям определенную сетку членения мира. Наиболее известный пример — так называемая «гипотеза лингвистической относительности» (или гипотеза Сепира–Уорфа). Уорф утверждал, что люди расчленяют природу в направлении, подсказанном их родным языком. Так, в языке хопи нет грамматических форм для выражения прошедшего, настоящего и будущего

времени, как в европейских языках. Вместо этого хопи различают «фактическое» (то, что уже произошло или происходит сейчас) и «становящееся» (то, что еще не произошло, но может произойти). Из этого Уорф делал смелое заключение: носители английского и хопи по-разному воспринимают само течение времени. Стоит подчеркнуть, что сам Уорф не был сторонником «жесткого» детерминизма. Он выделял скорее «лингвистическое привыкание»: наш язык не запирает мысль в тюрьму, но создает проторенные пути, по которым сознанию легче всего скользить. Однако популярная интерпретация его идей породила миф о том, что «язык полностью определяет мышление» — позиция, которая сегодня считается сильно упрощенной.

2. Современные эксперименты: что мы узнали о влиянии языка на мышление? Вторая половина XX века и начало XXI века ознаменовались переходом от умозрительных гипотез к строгим экспериментальным исследованиям. Ученые разработали методы, позволяющие отделить влияние языка от универсальных когнитивных механизмов. Рассмотрим ключевые области, где это влияние доказано наиболее убедительно. Цветовосприятие. В языке дани (Новая Гвинея) существуют всего два базовых цветообозначения: *mili* (тёмный, холодный) и *mola* (светлый, тёплый). Казалось бы, носители этого языка не должны различать, скажем, синий и зеленый. Эксперименты Элеанор Рош показали, что это не так: дани отлично видят разницу между синим и зеленым, но им труднее запомнить и назвать эти цвета. Язык не мешает видеть разницу, но он влияет на категоризацию и скорость обработки информации. Русскоязычные испытуемые, в языке которых есть обязательное различие синего (синий) и голубого (голубой), быстрее различают эти оттенки, чем носители английского, где оба цвета обозначаются одним словом "blue".

Пространственная ориентация. Язык австралийских аборигенов не использует эгоцентрические ориентиры типа «лево–право» или «перед–зади». Вместо этого все пространство описывается в абсолютных терминах сторон света: «Стакан находится к северу от тарелки», «У тебя муравей на юго-восточной ноге». Исследования показали, что носители этого языка, даже в незнакомой местности, постоянно отслеживают свое положение относительно севера и юга. Их мышление буквально «завязано» на абсолютную систему координат, что дает им феноменальную пространственную память, но затрудняет задачи, которые европеец решил бы,

сказав «поверни налево». Понимание времени. Влияние языка на восприятие времени — одна из самых интригующих областей. В китайском языке, в отличие от русского или английского, отсутствуют грамматические формы времени: временная отнесенность выражается контекстом или лексическими маркерами («вчера», «завтра»). Исследования Леры Бородицкого показывают, что китайскоязычные испытуемые менее склонны представлять время как движущуюся ленту с четким разделением на прошлое, настоящее и будущее. Более того, метафоры времени сильно различаются: в английском время часто движется вперед (будущее впереди), а у носителей языка аймара (Анды) прошлое находится впереди, а будущее — позади, потому что прошлое уже известно («видимо»), а будущее скрыто. Эти данные убедительно показывают: язык — не зеркало, а скорее призма, через которую сознание преломляет реальность.

3. Лексика как карта понятийного мира. Переходя на микроуровень, отметим, что наиболее очевидным способом влияния языка на мышление является лексика — словарный состав. Количество и детализация слов в той или иной семантической области прямо коррелируют с когнитивной значимостью этой области для носителей языка. Рассмотрим систему родства. В русском языке есть слова «брат» и «сестра». В венгерском — *báty* (старший брат) и *öcs* (младший брат), что требует постоянного отслеживания относительного возраста. В некоторых языках австралийских аборигенов система родства настолько сложна, что включает обязательное различение родственников по материнской и отцовской линиям, а также по возрасту относительно эго. Носитель такого языка не может сказать просто «мой дядя» — он обязан проанализировать сложную генеалогическую информацию, что формирует у него особый тип социального мышления. Другой пример — глаголы движения. В русском и английском есть большие классы глаголов движения. В языках американских индейцев (например, ацтекском науатль) глагол движения обязательно кодирует способ перемещения, но также и форму перемещаемого объекта, и характер поверхности. Фраза, соответствующая русскому «я несу мяч», в науатль может переводиться по-разному в зависимости от того, лежит мяч в руке, зажат под мышкой или катится. Язык как бы принуждает носителя быть более внимательным к деталям, которые русский или англичанин могут игнорировать. Однако было бы неверно утверждать, что если в языке нет слова, то и понятия не существует. В русском языке нет однословного обозначения для "schadenfreude" (радость от чужих

несчастий), но это чувство нам знакомо. Язык предлагает удобные, упакованные концепты, делая одни мысли быстрыми и легкими, а другие — громоздкими и требующими перифразов.

4. Грамматика: скрытый каркас мышления. Если лексика — это кирпичи, то грамматика — это несущие стены, которые определяют, какую форму может принять постройка. Грамматические категории (род, число, время, вид, залог, падеж) работают как обязательные фильтры: говорящий на русском языке не может построить предложение, не указав род глагола в прошедшем времени или не выбрав вид глагола (совершенный/несовершенный).

Рассмотрим категорию грамматического рода. В русском языке стул — мужского рода, кровать — женского, окно — среднего. Эксперименты, проведенные Лерой Бородицким на материале испанского и немецкого языков, показали, что носители этих языков склонны приписывать неодушевленным предметам качества, связанные с их грамматическим родом. Немцы, для которых ключ (der Schlüssel) — мужского рода, описывают его как «твердый», «тяжелый», «зубчатый». Испанцы, для которых ключ — женского рода, называют его «блестящим», «маленьким», «изящным». Грамматический род незаметно навязывает определенную перспективу восприятия.

5. Метафора как мост между речью и мыслью. Отдельного разговора заслуживает теория концептуальной метафоры, разработанная Джорджем Лакоффом и Марком Джонсоном. Согласно их взгляду, метафора — это не просто поэтический троп, а фундаментальный механизм мышления. Наша обыденная речь буквально пронизана метафорами, которые мы перестали замечать: «теория нуждается в подкреплении», «время летит», «я вложил душу в этот проект». Эти метафоры структурируют наше понимание абстрактных понятий через более конкретные телесные и пространственные переживания. Самая известная — метафора аргумент — это война: «его положения были сокрушены», «я атаковал слабое место в рассуждениях», «его аргументы попали в цель». Носитель английского или русского языка не может мыслить о споре вне этой метафоры — для него спор автоматически становится конфликтом, где есть победа и поражение. Представьте себе культуру, где спор мыслится как танец (гармоничное совместное движение) или как сад (вращивание понимания). Это была бы совершенно иная когнитивная вселенная. Лакофф и Джонсон убедительно демонстрируют: абстрактное мышление буквально вырастает из физического опыта, и язык фиксирует эти телесные основания, делая их общими для целого сообщества.

Таким образом, язык — не зеркало, в котором пассивно отражается готовое сознание. Это скорее линза (с неизбежными искажениями), инструмент (оставляющий след на материале) и среда обитания (задающая горизонты возможного). Мы не являемся рабами своего языка, но мы сформированы им. Понимание этой сложной связи не только углубляет наши знания о природе человека, но и имеет практическое значение — от методик обучения второму языку до разработки систем искусственного интеллекта, которые, лишённые телесного опыта и социальной практики, до сих пор лишь имитируют речемышлительную деятельность.

Список литературы

1. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
2. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. Вып. 1. С. 135–168.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004. 252 с.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь. 5-е изд. М.: Лабиринт, 1999. 350 с.

© Измайлова Л.А.

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ДИЗАЙН-КОНЦЕПЦИЯ АЙДЕНТИКИ КАФЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ СТИЛЕ

Толстых Анастасия Вадимовна

студент

Научный руководитель: **Горских Екатерина Алексеевна**

доцент кафедры дизайна и изобразительного искусства

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Аннотация: статья посвящена разработке дизайн-концепции фирменного стиля кафе, основанной на современной интерпретации русского культурного наследия. Выполнен анализ исторических и современных тенденций формирования айдентики в сфере общественного питания. На основе полученных данных сформулирована концепция позиционирования, определена целевая аудитория и разработаны элементы визуальной идентификации. Практическая значимость работы заключается в создании адаптивного визуального языка, способного транслировать ценности аутентичности в условиях конкурентного рынка.

Ключевые слова: фирменный стиль, айдентика, дизайн кафе, русский стиль, брендинг, визуальная идентификация, предпроектное исследование.

DESIGN CONCEPT OF CAFE IDENTITY IN MODERN RUSSIAN STYLE

Tolstykh Anastasia Vadimovna

Abstract: the article is devoted to the development of a design concept for the corporate identity of a café, based on a modern interpretation of Russian cultural heritage. An analysis of historical and contemporary trends in the formation of branding in the public catering sector has been carried out. Based on the obtained data, a positioning concept has been formulated, the target audience identified, and elements of visual identification developed. The practical significance of the work lies in the creation of an adaptive visual language capable of conveying the values of authenticity in a competitive market environment.

Key words: corporate identity, visual identity, cafe design, Russian style, branding, visual identification, pre-project research.

В современной индустрии общественного питания наблюдаются значительные изменения в поведении потребителей: на смену стандартному набору услуг приходит запрос на опыт, эмоциональную вовлечённость и аутентичность [5]. Заведения, предлагающие не только качественную еду, но и глубокий визуальный нарратив, имеют преимущество перед конкурентами. Особую актуальность приобретает обращение к национальным культурным кодам, которые могут формировать сильный и запоминающийся бренд [4].

Целью данной работы является разработка комплексной дизайн-концепции фирменного стиля кафе, отражающей современное прочтение русского стиля. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- провести анализ исторических и современных подходов к формированию айдентики в сфере общественного питания;
- исследовать существующие примеры использования элементов русского стиля в брендинге;
- определить концептуальные направления и целевую аудиторию разрабатываемого кафе;
- разработать элементы визуальной идентификации и апробировать их на основных носителях.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных авторов в области брендинга, графического дизайна и типографики (М.А. Смирнова, Ю.Э. Строгая; Н.Г. Костина, С.Ю. Баранец; Н.П. Кетова, Д.А. Бутусова; А.Н. Леонтьев), а также нормативные документы, регламентирующие деятельность предприятий общественного питания (ГОСТ Р 50762–2007, СанПиН 2.3.6.1079–01) [1, 2, 3, 4, 5, 6].

Методология исследования включала несколько этапов. На первом этапе был проведён сравнительный анализ визуальных идентификаций известных сетевых и независимых заведений: Starbucks, McDonald's, «Шоколадница», «Кофе Хауз», «Теремок», «Буше», Mates, No Regrets. Анализировались такие параметры, как семантика логотипа, цветовая палитра, типографика, использование орнаментальных и графических паттернов [6]. На втором этапе, на основе полученных данных, было выполнено дизайн-исследование, включающее разработку серии предварительных эскизов логотипа, отражающих различные семантические пласты русской культуры (природные

мотивы, архитектура, фольклор, гастрономия). Каждый эскиз оценивался по критериям графической выразительности, масштабируемости, ассоциативной ёмкости и соответствия ожиданиям целевой аудитории. Заключительный этап заключался в построении модульной системы на основе выбранного логотипа, создании вспомогательных паттернов и разработке макетов печатной продукции (меню, афиша, визитки, брошюра) с последующей оценкой их функциональности и визуальной целостности [6].

На основе предпроектного исследования была сформулирована концепция кафе, получившего условное название «ДОМА». Целевая аудитория была сегментирована на две основные группы: «Эстеты-концептуалисты» (креативный класс, ценящий визуальную новизну и нарративную глубину) и «Прагматичные потребители с запросом на качество» (локальные жители и деловые люди, ориентированные на комфорт и надёжность). Психографический портрет показал, что обе группы объединяет интерес к аутентичности, но при этом первая требует радикальной модернизации традиционных форм, а вторая — тактильной теплоты и функциональной ясности [3].

Разработка элементов стиля началась с логотипа. Было создано восемь предварительных эскизов, которые тестировали различные визуальные коды:

- природные («Морозко», «Берёзка»);
- гастрономические («Сушки», «Яблоко»);
- архитектурные («Дома», «Избушка на курьих ножках»);
- мифологические («Ярило»);
- историко-лингвистические (буквица «Есть»).

В результате анализа было принято решение отказаться от слишком буквальных или узкоспециализированных образов в пользу синтеза архитектурной формы и орнаментальной геометрии. Итоговый логотип (рис. 1) представляет собой стилизованное изображение фасада дома или окна с резными наличниками, что отсылает к традиционному деревянному зодчеству. Графический знак построен по принципу модульности и симметрии: боковые элементы красного цвета и центральные блоки тёмно-синего цвета с закруглёнными углами формируют абстрактный, но узнаваемый образ. Шрифтовая часть выполнена гарнитурой с засечками, напоминающими кириллическую вязь, при этом буква «О» стилистически выделена и визуальна связана с эмблемой. Разработаны три варианта

логотипа: основной цветной, инверсный для тёмных носителей и монохромный для строгих печатных задач.

Рис. 1. Итоговый логотип кафе «ДОМА» и его вариации

Цветовая палитра построена на контрасте красного и тёмно-синего. Красный цвет выбран как доминирующий акцент, символизирующий энергию, праздничность и связь с народным искусством (красный угол в избе, вышивка). Тёмно-синий выполняет функцию основного корпоративного цвета, олицетворяя надёжность, глубину и стабильность. Белый цвет используется для обеспечения максимальной читаемости, а золотисто-жёлтый — в качестве дополнительного акцента, имитирующего тёплый свет в окне.

Важной частью системы стали вспомогательные графические паттерны, разработанные на основе тех же культурных источников. Было разработано четыре вариации паттернов:

- природные мотивы: стилизованные берёзовые листья в виде вытянутых капель, образующие вертикальный ритмичный узор;
- геометрические орнаменты: ромбы различных конфигураций, вдохновлённые русской вышивкой и резьбой;
- архитектурные элементы: повторяющиеся стилизованные оконналичники, поддерживающие основной логотип;
- текстуры приборов: контурные изображения столовых приборов (вилка, нож, тарелка), выполненные в фирменном красном цвете, которые добавляют гастрономический подтекст без излишней декоративности.

Все паттерны спроектированы как модульные композиции, что позволяет использовать их на различных носителях — от интерьерных поверхностей до полиграфии — без потери узнаваемости [6].

Рис. 2. Примеры разработанных паттернов

Разработанная система была апробирована на ключевых носителях. Афиша (рис. 3) построена на диагональном контрасте: доминирующая красная зона с повторяющимся узором из столовых приборов контрастирует с чистым белым полем. В красной зоне размещены стилизованные иллюстрации блюд (суп, блинчики), что сразу отсылает к гастрономической составляющей. Центральный акцент — крупный слоган, набранный белым шрифтом, отсылающим к серифному логотипу. Нижняя часть макета зарезервирована под основной логотип и контактную информацию.

Рис. 3. Макет афиши

Рис. 4. Визитные карточки (светлая и тёмная версии)

Визитные карточки (рис. 4) разработаны в двух версиях. Светлая версия использует белый фон для выделения логотипа, справа — декоративная

вертикальная полоса в фирменном красном цвете с узором из столовых приборов. Тёмная версия выполнена на чёрном фоне с белым текстом, фирменная красная полоса с узором расположена внизу, обеспечивая единообразие всей серии носителей.

Дизайн основного меню построен на асимметричной композиции с использованием плавной криволинейной области в фирменных цветах, которая выполняет навигационную функцию. Фотографии блюд интегрированы в круглые или овальные формы, что визуально выделяет их и создаёт акценты. Специальное меню-брошюра (рис. 5) сочетает эмоциональный фотоколлаж на обложке и модульное представление акционных предложений внутри. Использование визуально ярких стилизованных маркеров скидков в форме ромба, отсылающих к орнаменту, позволило сделать промо-информацию максимально заметной, сохранив единство с общим стилем оформления [6].

Рис. 5. Макет рекламной брошюры

Разработанная дизайн-концепция демонстрирует, что обращение к национальным культурным кодам не обязательно ведёт к созданию стилизации под «китч» или исторический музей. Напротив, деконструкция традиционных элементов — вышивки, резьбы, архитектурных форм — и их перевод на язык чистой геометрии и модульности позволяет сформировать визуальный язык, который одинаково эффективно воспринимается как «эстетам-концептуалистами», так и «прагматичными потребителями» [3, 6]. Первые находят в нём интеллектуальную игру и современную эстетику, вторые — ощущение узнаваемости, тепла и надёжности.

Сравнение с аналогами показывает, что предложенное решение занимает промежуточную нишу между откровенно фольклорным стилем «Теремка» и европеизированным минимализмом «Буше». В отличие от «Теремка», где национальный колорит выражен прямо, в данном проекте русскость передаётся через архитектурную метафору и орнаментальную ритмику, что соответствует современным трендам на абстракцию и многозначность [3].

Выбор красного и тёмно-синего цветов подтверждается психологией восприятия: красный стимулирует аппетит и создаёт ощущение праздника, синий успокаивает и вызывает доверие [5]. Модульная сетка и система паттернов обеспечивают необходимую гибкость бренда, позволяя ему адаптироваться к различным носителям без потери целостности [6]. Апробация на афише, визитках, меню и брошюре подтвердила масштабируемость и функциональность разработанного дизайн-кода.

С культурологической точки зрения предложенная дизайн-концепция демонстрирует один из возможных способов актуализации традиционных культурных форм в современной визуальной среде. Отказ от прямого цитирования в пользу структурного анализа (ритм, симметрия, модульность) позволяет транслировать культурную идентичность без стереотипных маркеров, что особенно важно для формирования аутентичного городского пространства [4, 6].

В результате выполненной работы была разработана целостная дизайн-концепция айдентики кафе «ДОМА», основанная на современной интерпретации русского культурного наследия. Созданный логотип, сочетает архитектурную форму и орнаментальную геометрию. Разработанная цветовая палитра, система паттернов и модульная сетка обеспечивают единство и адаптивность визуального языка. Полученные результаты могут быть использованы как основа для дальнейшего развития бренда, включая разработку брендбука и цифровых коммуникаций [6].

Список литературы

1. ГОСТ Р 50762–2007. Услуги общественного питания. Классификация услуг. — М.: Стандартинформ, 2007.
2. СанПиН 2.3.6.1079–01. Санитарно-эпидемиологические требования к организациям общественного питания, изготовлению и оборотоспособности в них пищевых продуктов и продовольственного сырья. — М.: Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора.

3. Смирнова, М. А. Роль типографики в создании уникального бренда / М. А. Смирнова, Ю. Э. Строгая // Дизайн и технологии. – 2024. – № 101 (143). – С. 6-14.
4. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – Москва : Политиздат, 1975. – 352 с.
5. Кетова, Н. П. Стратегия социального медиа-маркетинга, стимулирующая потребительскую активность посетителей современного ресторана: управленческие аспекты / Н. П. Кетова, Д.А. Бутусова. – Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет, 2021. – 174 с. – ISBN 978-5-9275-3840-9.
6. Костина, Н. Г. Фирменный стиль и дизайн: Учебное пособие для студентов вузов / Н. Г. Костина, С. Ю. Баранец. – Кемерово: Кемеровский технологический институт пищевой промышленности, 2014. – 97 с. – ISBN 978-5-89289-847-8.

© Толстых А.В.

СЕКЦИЯ АРХИТЕКТУРА

ТЕМАТИЗАЦИЯ ГОСТИНИЧНЫХ ПРОСТРАНСТВ XXI ВЕКА

Платонов Дмитрий Павлович

студент, магистрант

Научный руководитель: **Худин Алексей Александрович**

доктор архитектуры, доцент

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный

архитектурно-строительный университет»

Аннотация: в статье рассматривается тематизация как способ формирования функционально-планировочной структуры современного отеля. На примере пяти объектов анализируется не фасадная стилистика, а состав и взаимосвязь общественных помещений, сценарии пребывания и взаимодействие гостиницы с внешними посетителями. Тематизация понимается как архитектурно-функциональный принцип, при котором тема влияет на набор зон, маршруты пользователей и характер связи отеля с городской средой. Рассмотренные объекты иллюстрируют разные виды такого подхода. Показано, что тематизация в современной гостиничной архитектуре переходит от декоративного оформления к организации пространственного сценария, определяющего функциональную программу здания.

Ключевые слова: тематизация, гостиничная архитектура, общественные зоны, сценарии пребывания, функционально-планировочная структура, многофункциональные гостиничные комплексы, городская среда, пространственная организация.

THEMING 21ST-CENTURY HOTEL SPACES

Platonov Dmitry Pavlovich

Scientific consultant: **Khudin Alexey Alexandrovich**

Abstract: this article examines theming as a method for shaping the functional and planning structure of a modern hotel. Using five buildings as examples, the analysis focuses not on the façade style but on the composition and interconnectedness of public spaces, stay scenarios, and the hotel's interaction with external visitors. Thematisation is understood as an architectural and functional principle whereby a theme influences the selection of zones, user routes, and the

nature of the hotel's connection to the urban environment. The buildings examined illustrate various forms of this approach. It is shown that theming in modern hotel architecture is moving beyond decorative design to the organization of a spatial scenario that defines the building's functional program.

Key words: thematization, hotel architecture, public areas, stay scenarios, functional planning structure, multifunctional hotel complexes, urban environment, spatial organization.

В архитектуре гостиниц XXI века прослеживается стремление уйти от нейтрального, универсального и легко повторяемого пространства, в ряде случаев гостиница уже не воспринимается только как здание, где основная задача сводится к размещению номерного фонда, обеспечению сервиса и организации кратковременного проживания. В структуре современных гостиничных объектов усиливается роль общественных зон, мест неформального общения, событийных площадок, ресторанов, баров, открытых террас, дворов и иных пространств, где гость взаимодействует с городом, культурной средой, определённым образом жизни или локальным сюжетом. Здесь возникает понятие тематизации гостиничного пространства, оно не сводится к декоративному оформлению или внешней стилистической выразительности, а возникает, когда тема начинает влиять на то, как пространство используется, как в нём распределяются функции, каким образом человек движется от входа к общественным зонам, где задерживается, какие связи возникают между проживанием, досугом, питанием, работой, событиями и городской средой. Иначе говоря, тематизация превращает художественный мотив в пространственный сценарий. В этом случае тема не просто «изображается», а становится способом организации гостиничной среды.

Для гостиниц XXI века такая логика особенно характерна. Общественные зоны начинают работать не как второстепенное приложение к номерному фонду, а как часть архитектурного образа. Входной холл может выполнять роль городской гостиной; ресторан — становиться пространством встречи не только проживающих, но и внешних посетителей; бар на кровле — связывать гостиницу с панорамой города; лестница — превращаться в место общения и событий; внутренний двор — формировать около публичную среду между улицей и гостиницей. Поэтому тематизация в современной гостиничной архитектуре всё чаще проявляется в самой модели пребывания. Рассмотрим несколько примеров иллюстрации подобного явления.

Первый из рассматриваемых объектов — nhow Berlin, построенный в Берлине по проекту Tchoban Voss Architekten. Гостиница расположена на берегу Шпрее, в районе бывшей Восточной гавани. Территория, связанная с портовой и промышленной историей, в первой четверти XXI века стала частью новой культурной и деловой среды Берлина. В составе здания размещены гостиничные номера, рестораны, конференц-зона, спа-пространство, подземная парковка, конференц-центр и студия звукозаписи. Официальное описание проекта также фиксирует его как музыкальный гостиничный объект, где функция проживания соединена с конференц-пространствами и студийной деятельностью [1, 2].

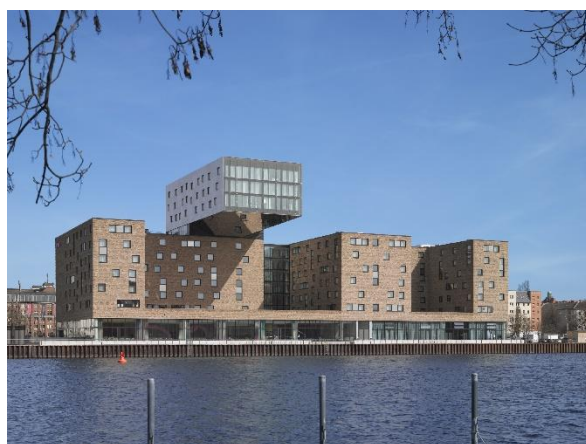

Рис. 1. nhow Berlin. Общий вид с реки Шпрее

Тематизация nhow Berlin формируется на пересечении трёх составляющих: памяти места, музыкальной культуры и гостиничной функции. Набережная, бывшая промышленная зона и новая культурная активность района создают контекст, в котором гостиница воспринимается как посредник между прошлым территории и её современным городским содержанием. Нижние общественные пространства обращены к городской среде, тогда как номерной фонд сохраняет более регулярную гостиничную структуру. Бывшая портовая территория не исчезает из образа объекта полностью: консольный объём, выступающий над основным корпусом, отсылает к промышленно-портовой среде и воспринимается как архитектурный жест, связанный с историей участка [1]. Однако здание не просто использует выразительную форму, а включает в гостиничную структуру функцию, связанную с музыкальным производством. Студия звукозаписи увеличивает функциональное значение гостиницы, она перестаёт быть только местом

размещения и начинает работать как часть городской культурной инфраструктуры. Музыкальная тема не сведена к поверхностному оформлению помещений. Она закреплена в функциональной программе и в характере общественных пространств. Гостиница рассчитана как на временное размещение, так и на пребывание людей, связанных с музыкой, событиями, встречами, деловыми и творческими контактами. Поэтому тематизация nhow Berlin имеет пространственно-функциональный характер: музыкальный образ поддерживается не отдельными деталями, а самой логикой использования здания. Такое сочетание позволяет говорить о тематизации, основанной на соединении разных слоёв: портовой памяти, музыкальной функции и нового общественного использования территории.

Иной вариант представлен в Hotel Кое Токуо, реализованном бюро Suppose Design Office в районе Сибуя в 2018 году. В отличие от nhow Berlin, этот объект не строит тему вокруг одной ведущей функции, например музыки или конференц-активности. Его особенность связана с пересечением нескольких городских сценариев. В составе объекта были предусмотрены ресторан и временные событийные зоны на первом этаже, на втором магазин одежды, бар-гостиная и гостиничные номера на третьем, таким образом формируется смешение разных форм пребывания: питание, покупки, музыка, отдых, проживание и городские события объединяются в одной пространственной системе [3, 4].

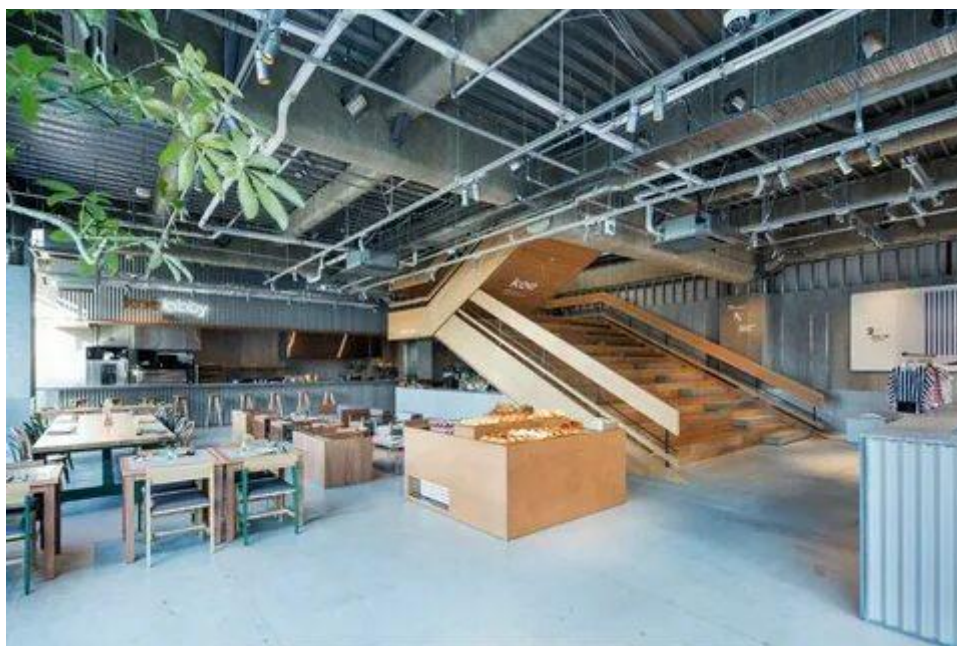

Рис. 2. Hotel Кое Токуо. Общественное пространство и большая лестница

Для Hotel Кое Токуо принципиально важно расположение в Сибуе — одном из самых динамичных районов Токио. Здесь городская среда строится на плотном движении, визуальной насыщенности, смене потоков, сосуществовании торговли, питания, моды, музыки и повседневного общения. Гостиница не изолируется от этого контекста, а переносит его внутрь здания. Поэтому тематизация объекта возникает не через историческую отсылку и не через декоративную стилизацию, а через саму идею городской насыщенности. В этом случае гостиничное пространство организовано как гибридная среда. Человек может прийти в ресторан, попасть в событийную зону, подняться к торговому пространству, оказаться в баре или остановиться в гостинице. Эти сценарии не разнесены жёстко по изолированным блокам, а соединяются в едином восприятии. За счёт этого гостиница становится не замкнутым объектом размещения, а фрагментом городской жизни. Её тема — не конкретный художественный образ, а культура смешанного городского пребывания, она основана на том, что гостиница принимает ритм района и переводит его в собственную внутреннюю структуру.

The Rock Radisson RED Vienna Hotel в Вене, построенный по проекту INNOCAD Architecture в 2022 году. В составе здания кроме номерного фонда присутствуют: событийное пространство, общедоступный бар на кровле с террасой, внутренний двор, ресторан и спортивная зона. В здании подчёркивается открытый характер первого уровня, визуальная связь улицы, входного холла и двора, а также продолжение общественного сценария на кровлю [5].

Рис. 3. The Rock Radisson RED Vienna Hotel. Вид с улицы

В этом объекте, как и в предыдущем, тематизация связана с идеей городской открытости. Гостиница не строится как закрытая система, ориентированная только на проживающих. Напротив, общественные функции вынесены в такие зоны, которые способны привлекать и внешних посетителей. Первый этаж, внутренний двор и кровельная терраса формируют несколько уровней общественного взаимодействия. Благодаря этому гостиница становится частью городской повседневности, а не только временным местом пребывания туриста или делового гостя.

Название The Rock задаёт определённый образ, однако тема объекта раскрывается не столько через прямую метафору «скалы», сколько через пространственную устойчивость и общественную активность здания. Здесь важна последовательность открытых и полуоткрытых зон: улица — входной общественный холл — двор — ресторан — пространство мероприятий — кровельный бар. Такая цепочка создаёт ощущение гостиницы как городского маршрута, где человек может не только заселиться, но и встретиться, поработать, провести мероприятие, выйти на террасу и увидеть город с верхнего уровня.

Более компактный, но выразительный пример представляет Chrome Hotel бюро Sanjay Puri Architects. Объект был спроектирован как небольшой деловой отель на плотном городском участке в Индии, обращённом к оживлённой транспортной магистрали. В структуре здания общественные помещения расположены на нижних уровнях, номера размещены выше, а верхний уровень дополнен баром с открытой террасой. Фиксируется особое значение последовательности пространственных впечатлений: входная зона, ресторан, номерная часть и верхний бар получают различный характер восприятия [6].

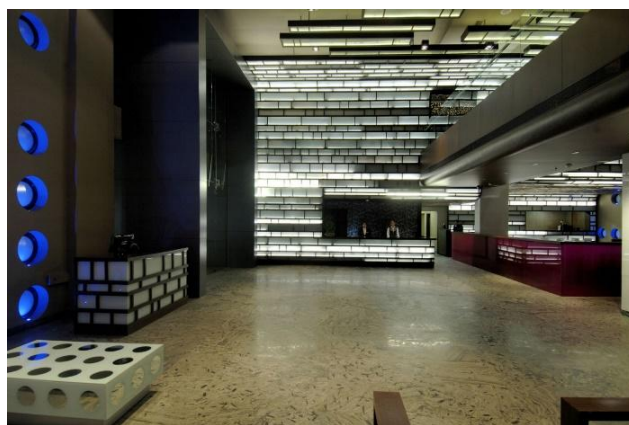

Рис. 4. Chrome Hotel. Рецепция и общественное пространство

Тематизация формируется через свет, движение и смену пространственных состояний. Компактный объём гостиницы превращается в последовательность впечатлений, где каждый участок маршрута получает собственную эмоциональную насыщенность.

Такой подход особенно важен для небольшого гостиничного объекта, при ограниченной площади и плотном городском окружении тематизация не может строиться за счёт сложной программы или большого набора общественных функций. Поэтому выразительность переносится в характер восприятия. Посетитель проходит через входное пространство, затем попадает в ресторанный зону, далее — в более закрытую гостиничную часть, а на верхнем этаже сталкивается с открытой террасой. Вертикальное движение становится частью темы: здание раскрывается постепенно, меняя степень открытости, освещённости и общественной активности.

M50 Art Hotel бюро MUDA-Architects в китайском городе Пинлэ спроектирован арт-отель, связанный с музыкальной темой древнего города Пинлэ и местной культурной легендой о Чжо Вэньцзюнь и Сыма Сянжу. Архитектурная идея соотносится с образом струн гуциня и прикосновения к ним; криволинейная композиция здания, балконы, внутренние маршруты и общественные пространства развивают музыкальный мотив на уровне формы и движения [7].

Рис. 5. M50 Art Hotel. Входная группа

В M50 Art Hotel тематизация наиболее близка к культурно-образной модели. Здесь тема возникает из локального сюжета и переводится в архитектурную пластику. Музыка не используется как внешний декоративный мотив; она становится принципом организации формы. Криволинейность объёма, ритм внутренних связей, открытые общественные зоны и движение по зданию создают ощущение пространственного «звучания». При этом объект не копирует традиционную архитектуру буквально. Локальная культурная память преобразуется в современную композицию.

Стилизация в данном случае строится через абстракцию. Архитектура не изображает музыкальный инструмент напрямую, но использует ассоциации со струнами, ритмом, плавностью и движением. Такой приём позволяет избежать прямой стилизации. Внутренние общественные пространства становятся частью этой темы: движение посетителя, раскрытие уровней, связь балконов и общих зон подчинены единому образному замыслу.

M50 Art Hotel показывает, что тематизация гостиницы связана не только с коммерческим образом или городской активностью, но и с локальной культурной памятью. В таком случае гостиничное пространство становится способом рассказа о месте. Однако этот рассказ передаётся не текстом и не набором знаков, а пространственной организацией. Человек воспринимает тему через форму, движение, высоту, ритм, открытость и последовательность внутренних видов.

Эти примеры показывают, что тематизация в архитектуре гостиниц XXI в. разнообразна: она может быть культурной, музыкальной, городской, событийной, световой или общественно-коммуникативной. Но во всех случаях она отличается от простой стилизации тем, что затрагивает не только внешний образ, а саму организацию гостиничного пространства. Тематизация меняет характер пребывания: человек иначе входит в здание, иначе перемещается, иначе воспринимает общественные зоны и иначе соотносит гостиницу с городом.

Для гостиничной архитектуры XXI века это обстоятельство имеет принципиальное значение. Гостиница конкурирует уже не только уровнем комфорта, категорией, расположением или набором услуг. Она предлагает определённый способ пребывания: связь гостя с музыкальной средой, с ритмом городского района, с открытой общественной жизнью, с изменяющимся световым восприятием, с культурной памятью места, это позволяет гостинице стать не просто местом временного размещения, а самостоятельной пространственной ситуацией.

Список литературы

1. Тимофеева Т. Ответственность среды // Архи.ру. — 2015. — 20 ноября. — URL: <https://archi.ru/world/63634/berlin-chobana> (дата обращения: 27.05.2026).
2. Music and Lifestyle Hotel nhow // Tchoban Voss Architekten : официальный сайт. — URL: <https://tchobanvoss.de/en/projects/music-and-lifestyle-hotel-nhow> (дата обращения: 27.05.2026).
3. Hotel Кое Токуо / Suppose Design Office // ArchDaily. — 2018. — 25 April. — URL: <https://www.archdaily.com/893230/hotel-koe-tokyo-suppose-design-office> (дата обращения: 27.05.2026).
4. Hotel koé tokyo // SUPPOSE DESIGN OFFICE : официальный сайт. — URL: <https://suppose.jp/en/works/hotel-koe-tokyo/> (дата обращения: 27.05.2026).
5. The Rock Radisson Red Vienna Hotel / INNOCAD Architecture // ArchDaily. — 2022. — 23 July. — URL: <https://www.archdaily.com/984836/the-rock-radisson-red-vienna-hotel-innocad-architecture> (дата обращения: 27.05.2026).
6. Chrome Hotel / Sanjay Puri Architects // ArchDaily. — 2011. — 29 November. — URL: <https://www.archdaily.com/186661/chrome-hotel-sanjay-puri-architects> (дата обращения: 27.05.2026).
7. Walsh N. P. MUDA-Architects Designs Flowing Art Hotel in Sichuan Inspired by Musical Love Story // ArchDaily. — 2019. — 29 April. — URL: <https://www.archdaily.com/916025/muda-architects-designs-flowing-art-hotel-in-sichuan-inspired-by-musical-love-story> (дата обращения: 27.05.2026).

© Платонов Д.П.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ВСЕРОССИЙСКИЙ ФОРУМ
МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ 2026**

Сборник статей

Всероссийской научно-практической конференции,
состоявшейся 1 июня 2026 г. в г. Петрозаводске.

Ответственные редакторы:

Ивановская И.И., Кузьмина Л.А.

Подписано в печать 04.06.2026.

Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 19.36.

МЦНП «НОВАЯ НАУКА»

185002, г. Петрозаводск,

ул. С. Ковалевской, д.16Б, помещ.35

office@sciencen.org

www.sciencen.org

НОВАЯ НАУКА

Международный центр
научного партнерства

NEW SCIENCE

International Center
for Scientific Partnership

МЦНП «НОВАЯ НАУКА» - член Международной ассоциации издателей научной литературы
«Publishers International Linking Association»

ПРИГЛАШАЕМ К ПУБЛИКАЦИИ

1. в сборниках статей Международных
и Всероссийских научно-практических конференций

<https://www.sciencen.org/konferencii/grafik-konferencij/>

2. в сборниках статей Международных
и Всероссийских научно-исследовательских,
профессионально-исследовательских конкурсов

<https://www.sciencen.org/novaja-nauka-konkursy/grafik-konkursov/>

3. в составе коллективных монографий

<https://www.sciencen.org/novaja-nauka-monografii/grafik-monografij/>

<https://sciencen.org/>